

К 1246955

ВОПРОСЫ
РЕГИОНАЛЬНОЙ
ЛЕКСИКОЛОГИИ
И ОНОМАСТИКИ

ВОЛОГДА
•РУСЬ•
1995

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ОНОМАСТИКИ

*Межвузовский сборник статей,
посвященный семидесятилетию профессора Ю. И. Чайкиной*

11246955

ВОЛОГДА
«РУСЬ»
1995

Библиотека
области

81.411.2

ББК 81.03

В 78-74

Печатается по решению редакционно-издательского совета Вологодского государственного педагогического университета

Вопросы региональной лексикологии и ономастики. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный семидесятилетию профессора Ю. И. Чайкиной. — Вологда: издательство «Русь», 1995. — 212 с.

В сборнике рассматриваются актуальные вопросы исторической лексикологии и фразеологии, ономастики, диалектной лексики и лингвогеографии, а также проблемы региональной лексикографии, литературоведения, фольклористики.

Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов филологических факультетов. Ряд статей может быть использован учителями школ, занимающимися краеведением.

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук *Л. Г. Яцкевич* (отв. редактор),
кандидат филологических наук *Е. П. Андреева*,
кандидат филологических наук *М. А. Вавилова*,
кандидат филологических наук *Л. Ю. Зорина*,
кандидат филологических наук *Л. М. Кознева*,
кандидат филологических наук *В. И. Чуглов*.

Рецензент:

кафедра русского языка Череповецкого педагогического института

в 4602000000 (4602020101) — 053 — Без объявл.
г 76(03) — 95

ISBN 5-87822-068-7

Юлия Ивановна Чайкина

*Доктору филологических наук,
профессору кафедры русского языка
Вологодского педагогического университета*

ЮЛИИ ИВАНОВНЕ ЧАЙКИНОЙ —

*известному специалисту по исторической
и диалектной лексикологии русского языка,
создавшему научную школу
в области изучения письменных памятников
Северной Руси XV—XVII вв. —*

*в знак признательности и глубокого уважения
от коллег, друзей и учеников
в связи с семидесятилетием со дня рождения
и пятидесятилетием
научно-педагогической деятельности.*

Г. В. Судаков, Е. П. Андреева

НА СЛУЖБЕ РУССКОМУ СЛОВУ

На судьбу человека больше всего влияют люди и земля, его породившая. Жизнь Юлии Ивановны Чайкиной неотделима от Вологодского края и его народа. Отец Иван Иванович Чайкин в 18 лет окончил духовную семинарию и служил сельским священником. Затем, когда разразилась первая мировая война, защищал Отечество. После войны он продолжил духовное служение, но пришедшие к власти большевики заставили оставить приход. Он работает служащим и лесником. Его жена Мария Михайловна занималась воспитанием детей. Ее врожденный педагогический дар всю жизнь благотворно ощущала на себе дочь Юлия, родившаяся 12 марта 1925 г. Мария Михайловна глубоко понимала образность народной речи, превосходно знала старый сельский быт и немало в свои поздние годы помогала дочери при создании научных работ по истории русского слова. Высокая духовность, искренняя любовь к родному краю и природной русской речи — вот то богатое наследие, которое получила Юлия Ивановна Чайкина от родителей.

Став после окончания средней школы студенткой Калининского педагогического института, Ю. И. Чайкина находит здесь на долгие годы своего научного наставника С. А. Копорского. Именно здесь и произошло соприкосновение раннего интереса к тайнам устройства языка с научной школой русской филологии. После окончания института в 1946 г. способную выпускницу оставляют в ассистентуре при кафедре русского языка. Затем она некоторое время работает в Таганрогском педагогическом институте. Здесь было выполнено и защищено в качестве научной диссертации первое серьезное исследование Ю. И. Чайкиной «Специальная лексика в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка». В работе над диссертацией юная исследовательница глубоко осознала контекстную зависимость слова и усвоила первую заповедь лексиколога — факты решают все. И не случайно коллеги и оппоненты по-доброму завидовали ее коллекции речевых фактов, извлеченных из архивных рукописей, из художественных текстов, из речи сельских жителей, из письма научного партнера.

Основные этапы творческой биографии Ю. И. Чайкиной связаны с Русским Севером. В 1965 году она вернулась в Череповец, здесь защитила докторскую диссертацию. В 1976 г. ее приглашают заведовать кафедрой

русского языка в Вологодский пединститут, в котором профессор Ю. И. Чайкина плодотворно трудится и в настоящее время.

Жизнь ученого, его пристрастия и привязанности — в его работах. Круг лингвистических проблем, интересующих Ю. И. Чайкину, огромен и разнообразен. Это историческая лексикология и историческая стилистика, региональная лексикография и методика преподавания языка. Стремление к новому выводило Ю. И. Чайкину в самый водоворот языковых дискуссий, а четкость в организации работы и трудолюбие позволяли быть в первых рядах энтузиастов, служащих на научной и педагогической русскому языку. Сегодня можно говорить о научной школе профессора Чайкиной, связанной с изучением лексики Русского Севера в ее историческом и современном состоянии. В центре внимания исследователя — формирование старорусского языка с учетом его функциональных, территориальных, социально-профессиональных разновидностей, процесс становления и последующей эволюции общенациональной нормы.

«Язык есть исповедь народа» и язык — это летопись народа, а его словарный состав — важнейший источник изучения истории народа и, конечно, истории самого языка. В трудах Ю. И. Чайкиной наблюдается комплексный подход, использование знаний различных гуманитарных наук: социальной и экономической истории, этнографии, археологии, культурологии. Такой подход позволяет с исчерпывающей полнотой описывать важнейшие пласти старорусской лексики: сельскохозяйственная и географическая лексика, производственно-техническая и административная терминология, названия лиц и метрологическая лексика детально анализируются в работах Ю. И. Чайкиной. Но исследователя занимает не столько судьба отдельных групп лексики или отдельных диалектов, сколько процесс формирования общерусской лексической сокровищницы. Именно эта особенность проявилась в монографии «Лексика Белозерья в историческом аспекте», которую Юлия Ивановна успешно защитила в качестве докторской диссертации.

Строгий и педантичный по натуре человек, Ю. И. Чайкина много занимается русской профессиональной лексикой, пытаясь уловить грань перехода слова из общего обихода в терминологическую систему. Детальный анализ огромных комплексов хозяйственных книг северорусских монастырей позволил ей сделать вывод о характерных чертах профессиональной лексики донационального периода: ее начальной неупорядоченности, избыточности, расширенной синонимичности, дублетности, полисемантичности. Выявлены основные тенденции развития специальной лексики: устранение синкетизма, нечленимости основного лексического значения, появление однозначных терминов. Убедительно показано усиление общерусской нормы и как следствие — архаизация и выпадение узколокальных терминов («История административной терминологии Белозерья»).

Процесс нормирования лексической системы в такой разновидности речи, как деловая письменность, рассматривается в работе «Названия работников в хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря (К вопросу о нормах в русской письменно-деловой речи XVII в.)». Сопоставление письменных источников, связанных с различными писцовыми школами, позволило Ю. И. Чайкиной описать конституирующие признаки узульной

лексики в сравнении се с идиолектным и монодиалектным словами («К изучению словарного состава хозяйственных книг Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей XVI-XVII вв.»).

Этимология и история отдельных слов также привлекают внимание ученого. В изящно выполненных эссе, основанных на фактах старорусской деловой речи и современных говоров, с учетом этнографических и социально-исторических данных, Ю. И. Чайкина обсуждает судьбу слов, не раз привлекавших ученых: «Слово *дор* в белозерских говорах», «Из истории слов *починок* и *хутор*», «Еще раз о слове *кулига*», «К этимологии и истории слова *стяг*». Во многих случаях сделанные ею выводы носят характер окончательных заключений.

Другой цикл работ Ю. И. Чайкиной посвящен русскому ономастикону. Имена собственные обладают своеобразным механизмом «запоминания» и «хранения» информации, которую исследователь умело извлекает и со знанием дела комментирует. Ю. И. Чайкина выполнила всестороннее описание нескольких локальных топонимических и антропонимических систем («Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов», «Из истории формирования микротопонимии Сухоны»). Ряд работ посвящен реконструкции старорусской лексики с помощью антропонимических данных. В свою очередь апеллятивная лексика используется как основа для воссоздания древней антропонимической системы. Древние личные имена реконструируются и на базе ойконимов. Причем ономастический материал тоже служит основой для изучения фундаментальной проблемы диалектного членения старорусского языка, т.е. региональная закрепленность древних антропонимов обязательно оказывается в поле внимания Ю. И. Чайкиной.

Еще один аспект изучения слова, щедро представленный в трудах профессора Ю. И. Чайкиной, — ареальная лингвистика. В работе «Вопросы истории лексики Белозерья» впервые в русской диалектологии было проведено картографирование лексического материала XIV-XVI вв. По оценке известного ученого И. А. Дзензелевского, «сопоставление исторических карт разных хронологических срезов с лингвистическими картами, отражающими современное состояние, дало возможность автору делать аргументированные выводы или предположения об эволюции элементов лексико-семантической системы говоров Белозерья, о сужении или расширении ареалов описываемых лексем, реконструировать давно исчезнувшие ареалы». Семасиологический, этимологический и лингвогеографический анализ в этой работе подкрепляется богатейшими справками из социально-экономической и культурной истории России, из археологии и этнографии. История языкового ландшафта Русского Севера, описанная Ю. И. Чайкиной, используется теперь историками материальной культуры, в частности, для исследования подсечно-огневого земледелия, истории судоходства на Сухоне, эволюции местного административного аппарата и т.п.

Для показа генезиса говоров Белозерья, путей формирования межзональных диалектов профессор Ю. И. Чайкина использует в лингвогеографических работах самую разнообразную методику: от элементарных лингвистических карт до сложных схем с одновременным использованием приемов лингвостатистики («География словообразовательных топонимиче-

ских моделей Русского Севера. На материале ойкономии Вологодской области»). Диалектные зоны на территории северо-востока Европейской России подробно охарактеризованы в работах: «Из истории диалектных границ в связи с заселением Северной Руси», «О диалектном членении старорусского языка по данным антропонимии» и др.

Закономерным было обращение Ю. И. Чайкиной к лексикографии. Ее личные качества: склонность к кропотливой и трудоемкой работе и скрупулезному анализу, тонкое понимание структуры слова и глубокий интерес к живому слову, знание множества исторических, региональных, специальных реалий, стоящих за словом, способность к теоретическим обобщениям — счастливо объединились с предшествующим профессиональным опытом. Ю. И. Чайкина приняла участие в создании «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей», являясь членом редакционной коллегии, руководителем постоянных лексикографических семинаров в Вологодском пединституте, автором словарных статей.

К словарям нового типа можно отнести лексикографический труд Ю. И. Чайкиной «Географические названия Вологодской области», выдержавший два издания. Основой для составления словаря послужили памятники слововой письменности, в значительной степени рукописные, исследования по социальной истории и этнографии, лингвистическая литература. Слову дается комплексная характеристика: административно-территориальное описание объекта, употребление ойкономии в памятниках письменности, устанавливается его вариантность. Иллюстрации из памятников письменности раскрывают эволюцию названий. Попутно в исторической части приводятся сведения историко-этнографического характера. В лингвистической части статьи выявляются принципы названия и устанавливается происхождение слова. Прослеживается формирование ономастических страт: в ходе анализа ойкономов, образованных от некалендарных личных имен, выявляется значение алелитива, легшего в основу антропонима, устанавливаются пути перехода имени нарицательного в собственное. Этимологический анализ проводится и при толковании названий, образованных от географических терминов, при этом описывается признак, легший в их основу.

Уникальным является и второй словарь Ю. И. Чайкиной — «История вологодских фамилий». Это одна из первых попыток создания исторического словаря региональных фамилий. Интерпретация фамилий, их происхождения — одна из основных задач словаря, т.е. прежде всего это этимологический словарь. Его статьи содержат сведения о составе местных фамилий в XVII-XVIII вв., о частотности их в местных источниках, о принадлежности к определенным социальным слоям, уточняется также территория распространения отдельных фамилий.

Ю. И. Чайкина не только занимается составлением словарей, но и активно участвует в разработке их новых типов. К таковым можно отнести создавшийся под ее руководством «Промысловый словарь Северной Руси XV-XVII вв.».

Почти полвека Юлия Ивановна Чайкина работает в высшей школе. Она читала практически все основные лингвистические курсы, включенные в

учебный план филологического факультета. Она разработала десятки специальных курсов на базе своих научных исследований. Ей не живется без нового, нет от нее покоя и другим. Профессор Ю. И. Чайкина позаботилась об открытии аспирантуры при кафедре русского языка Вологодского пединститута. А теперь она и заместитель председателя специализированного Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В открытии такого Совета в Вологодском пединституте — ее немалая заслуга.

Соответствует духу времени стремление Ю. И. Чайкиной к коллективной работе: созданию словесной, организации конференций, редактированию научных сборников. Но еще больше ее занимает научное наставничество. Поэтому она выбирает учеников из студентов первого курса, опекает их все студенческие годы, готовит к аспирантуре, жестко ведет их аспирантскую подготовку, щедро дарит идеи выпестованным ею кандидатам наук, когда они пишут докторские диссертации. Она всю жизнь служит русскому слову. Но вообще-то она служит людям, юным и взрослым, даже если и не все они хорошо знают свой родной русский язык. Таков завет ее родителей, таково ее жизненное призвание.

I. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ. ОНОМАСТИКА

Л. Ю. Астахина

ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИЙ РУССКИХ РУКОПИСЕЙ

Всякая древность к знанию полезна.
Б. Н. Татищев.
1738 г.

В настоящее время, когда постепенно утрачивается традиция непосредственного изучения рукописей среди историков языка, все большее значение приобретают публикации. С начала 60-х годов нашего столетия возник особый род изданий, отвечающий требованиям лингвистического исследования. Историк языка хотел бы видеть в публикации точное отражение рукописи со всеми ее особенностями: описками, ошибками в правописании, следами редактирования и правки, иметь сведения об утраченных фрагментах текста и др. Так, в ошибках, описках отражаются определенные особенности говора писца. Наблюдения над тем, в каком направлении идет правка, могут сказать лингвисту о процессах становления орфографических и лексических норм в языке.

Различаются фототипические и наборные публикации рукописных текстов. В зависимости от способа передачи рукописного текста в печати находится и степень его достоверности. Высшей степенью достоверности для лингвиста обладает, несомненно, сама рукопись со всеми ее положительными и отрицательными сторонами. Если рукопись передана в издании фототипическим способом, ее достоверность уменьшается, т.к. незаметны начерки, сделанные сухим пером, проявляются дополнительные черты, если буквы пропитались с обратной стороны. В подлиннике это всегда можно заметить и, перевернув страницу, прочитать правильно. В таких публикациях обычно скучен справочный аппарат, к нему почти невозможно составить указатель слов. Обращаясь к такому источнику, исследователь вынужден сначала разделить сплошной древнерусский текст на слова, т.е. переписать его в привычной для себя форме, что затруднительно из-за отмеченных выше особенностей: в таком случае проще иметь дело непосредственно с подлинником.

Большинство рукописей, опубликованных с середины XVIII в. до 60-х гг. нашего столетия, предназначены были служить источниками по истории России. И первыми поняли необходимость подготовки к изданию источников, в частности русских летописей, члены Академии в Петербурге. 25 апреля 1734 г. Академия направила представление в Сенат о том, что она «имеет намерение, чтоб по прикладу других народов, которые о исправлении истории отечеств своих тщанием имеют, обретающихся российских древних летописцев, по приложенной при ссм форме, в печать выдать, не перемсяя во оных ни наречия, ни материи, кроме некоторых мест, которые со историою светскою никакого союза не имеют, но токмо до духовности касаются, и о которых святейший правительственный синод впредь рассмотреть может... Через сей способ российская история будет приведена со временем в лучшую чистоту, к тому же и типографии будет истая польза, и народу чтением оных приятное упражнение...» [6, с. L XVII].

Сенат передал ходатайство синоду, который вынес следующее определение: «В Академии затеваются истории печатать, в чем бумагу и прочий кошт терять будут напрасно, понеже во оных писаны лжи явственные..., не имеющие истины, отчего в народе может произойти не без соблазна» [6, с. L XVII]. Далее предупреждалось, что и купить эти книги захотят немногие: «понеже и штиль един воспящать будет», и выражалось опасение, что дело это «не безопасно, дабы не принеслось от того казнному капиталу какого ущерба» [6, с. L XVIII].

Но тем не менее в 1738 г. В. Н. Татищев, встретивший в Новгородской летописи XV в. свод древних законов Русскую Правду, подготовил ее к изданию и послал переписанную хорошим писцом тетрадь в Академию наук. В то время он уже начал изучать материалы по русской истории и считал, что публикация древних законов не только поможет прояснить законы действующие, но и облегчит написание истории России, т.к. привлечет к этому делу интересованных и знающих людей. Скорее всего, он ничего не знал о мнении синода, т.к. членом Академии он не был и находился поделам службы в это время на Урале.

В Библиотеке Академии наук и Санкт-Петербургском филиале Института российской истории (бывш. ЛОИИ) сохранились две тетради (вторая — редакция начала 1750 г.), в которых эти древние законы переписаны в два столбца: в левом — «По ветхому наречию Правда русская», а в правом — «Новоприложенное», т.е. сделанный им самим перевод. В некоторых местах есть правка рукой Татищева. После каждой статьи, на которые он разделил текст, содержатся примечания, толкующие отдельные термины. Так, после 2-й статьи есть примечание к слову *гридень*: «Понеже гридня называлась княжеской покой или комната, то мнится, гридень есть придворной человек» [10, с. 219]. К статье 20: «Говяд зовется бык и корова обсче, и хотя оное имя иные не употребляемо, однако же мясо доднесь зовут говядина» [10, с. 224]. К статье 23: «Резань — съяснение цены, и видится по смете в гривне 50 или 60 резань; Третьяк — скотина по третьему году; Лончина — годовик, ибо иони сарматское разумеется прошлого года; Яря есть овца» [10, с. 224]. Иногда он не может объяснить терминов Русской Правды, о чем прямо и пишет. К статье 1: «Ябетник что значит, неизвестно; не описано ли вместо

обетник, когда кто чужеземец обесчестится вечно служить; Изгой или изгонь не знаю; если последне, то значит изгнанца откуду нибудь» [10, с. 219]. Пристальное чтение первой тетради В. Н. Татищева приводит к выводу, что примечания его носили исторический, лингвистический и общекультурный характер.

В начале 1750 г. по просьбе члена Академии проф. Ф. Г. Штрубе де Пирмона, переданной через И. Д. Шумахера (с которым у него была оживленная переписка), Татищев прислал еще одну редакцию Русской Правды с несколько измененными своими примечаниями. Но при жизни ему не пришлось увидеть в печати эти свои труды.

Честь издания Русской Правды принадлежит А. Л. Шлётцеру, который опубликовал ее в 1767 г. Он применил правила дипломатики, принятые «уже за 300 лет у всех ученых народов в издании древних их записок» [7, с. 13]. Назначение дипломатики — определять подлинность и достоверность исторических документов и грамот. Шлётцер опубликовал Русскую Правду, «не переменяя ни одной буквы, сколько только позволял новый род печатания, но следуя во всем, не опуская и самих описок, подлиннику» [7, с. 13]. Он раскрыл слова, бывшие под титлами, обозначив дополненные буквы курсивом. Исправления он сделал в тексте, оговорив их в примечаниях. Так, в тексте вместо *положити* было *пожити*, вместо в *ратайнъмъ* было в *ранъмъ*, вместо въ *три же* — въ *же*, вместо *вироутъ* было *вироутъ* и др. [7, с. 15].

В 1786 г. Русская Правда с примечаниями В. Н. Татищева (редакция 1750 г.) была опубликована в «Продолжении Древней Российской Вивлиофики» (т. 2) по правилам современной публикатору орфографии. Издатель Н. И. Новиков, начиная печатание древних документов, писал в Предисловии к первому изданию своего труда: «К тебе обращаюсь я, любитель российских древностей: для твоего удовольствия и познания предпринял я сей труд... Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов, но гораздо полезнее иметь сведение (так!) о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных; но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче и гнушаться оными» [4, с. 5-5 об.]. Издание Н. И. Новикова (Древняя Российская Вивлиофики. 1-е изд. — 1773-1775, 2-е — 1782-1791) объединяло множество русских памятников письменности, впервые публикуемых в России. Во 2-м издании, которое называлось «Продолжение ДРВ», издатель постарался расположить документы в хронологическом порядке. Для него правила дипломатики не служили образцом при издании. Впоследствии историки иногда очень низко оценивали это издание, но многие последующие публикации XIX и XX вв. служили повторением этого издания с применением новых способов печатания, с использованием кириллицы, с более сложным справочным аппаратом. Думается, для истории России это издание Н. И. Новикова имело огромное значение, хотя бы потому, что оно впервые открыло сокровища архивов для науки.

В 1750 г. вышла книга Г. Ф. Миллера «Описание Сибирской земли», в которой были отражены его наблюдения, сделанные во время экспедиции по

Сибири. В подстрочных примечаниях были напечатаны многие русские грамоты, скопированные для Миллера в архивохранилищах сибирских городов. Они, видимо, помещались автором для того, чтобы подтвердить истинность выводов. Это был факт первой публикации текстов русских грамот. Естественно, они издавались по правилам правописания середины XVIII в.

В 1767 г. вышла книга под названием «Библиотека Российской историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. Часть I». В ней была издана Радзивиловская (Кенигсбергская) летопись. Этот список XV в., богато иллюстрированный, был в 1697 г. показан Петру I, когда он приезжал в этот город; впоследствии, в 1761 г., этот список оказался в Санкт-Петербурге.

В Предисловии сказано: «Главнейшая наука для человека состоит в знании себя, а для гражданина в познании его Отечества». Видимо, судя по названию книги, задумывалась целая серия публикаций, и не только летописей. А для написания труда по истории России именно изданию российских летописей «непременно предшествовать надлежит, прежде чем в сем важном труде далее поступить возможно будет» [2, с. 7]. Если в других странах написанию истории предшествовали многие отдельные исследования «в критическом рассматривании источников истории и в издании летописцев... в описании церковной истории...», в географии, в изучении родословия, старинных монет, в хронологии и т.п., то здесь в России все надо начинать с самого начала. Здесь «надлежит критическим образом рассмотреть летописи, сличить между собой великое число списков, исправить бесчисленные от переписчиков происшедшие погрешности; чего в некоторых списках нет, а в других оно находится, дополнить; а напротив того, что в новейших временах включено и приписано и чего в самих древнейших списках не упомянуто, с осторожностию исключить, и вообще стараться, чтоб через сравнение многих списков добраться до того смысла и до самых тех слов, какими древний летописатель повествование свое написал... Незнающие смеются сему труду, который требует столько же искусства, сколько и прилежности. Они называют такое строгое показание разностей и несходств в древних списках бесполезным педантством, не помышляя, что часто важное историческое положение, из которого многие другие происходят, от одного слова зависит» [2, с. 23]. И далее эта мысль развита так: «Когда им смешно кажется, чтоб для одного словечка справляться в десяти разных списках, то не долженствует ли гораздо смешнее быть, когда такое слово из первого списка, какой только в руки попался, принято будет за достоверное, включится в систему истории, а наконец найдется, что творцу летописи о таком слове и во сне не грезилось, что оно произошло единственно от незнания переписчика; и что единственно все основанные на оном важные положения, разрушиться должны» [2, с. 24]. Приведен пример из книги Байэра, который нашел слово *ковгородцы* (в Кабарде?), не узнав в нем жителей Новгорода — новгородцев. Это предисловие было написано А. Л. Шлëцером [11 с. 63], а переводил его на русский язык знакомый с латынью канцелярист и переводчик Академии наук И. С. Барков. Он же копировал и текст летописи для издания. Современники сожалели, что его непосредственный начальник И. К. Тауберт,

который не был ученым, «позволил, или лучше сказать, приказал этому издателю 1) изменять старую орфографию, или подновлять ее; 2) пропускать целые отрывки неисторического содержания, как то: религиозные рассуждения со многими цитатами из Библии (которые могли быть полезны при собирании вариантов); 3) непонятные места изменять по догадкам и делать их понятными; старые обветшалые слова заменять новыми по соображению; 4) пробелы пополнять из других списков» [11, с. 60].

Не все ученые отрицательно оценивали эту публикацию. Если подходить к этому труду как к первому опыту издания рукописи в России, как это было сделано г. Переvoщиковым в статье «О русских летописях и летописцах по 1240 году» (см. «Библиогр. обозрение русских летописей», с. 25 Д. А. Поленова), то «текст Кен. лет-си передан довольно верно, исключая пропусков... Если же и найдутся против ея ошибки или несходства, то они в сущности маловажны и по количеству незначительны» [11, с. 63]. Добавим только, что в Музее книги Российской гос. библиотеки (бывш. ГБЛ) хранится экземпляр издания, на полях которого вписаны эти пропуски А. И. Ермоловым в 1802 г. Исправлений в тексте там действительно мало.

В конце этого издания был помещен своеобразный указатель под названием: «Реэстр достопамятным делам и собственным именам лиц, народов, стран, городов, урочищ, морей, озер и рек, упоминаемых в летописи преподобного Нестора». Он занимает 47 страниц. Так впервые был составлен своеобразный указатель к летописи, который объединил в себе элементы примечаний, указателя, оглавления и словаря. Приведем несколько записей:

Абарук, князь половецкий 175

Аби Абарь Фастовъ, посолъ Игоревъ 38

Агаряне. Война их с греками 17

Александр Македонский. Повесть о немъ 145, 146

Альто, местечко 178, 221

Амфилохий, поставлен епископом Володимирским 172

Андрей Апостол. Его путешествие. Его пророчество о Киеве 8

Быково, болото близ Галича 240

Белгуковна, Жена Рюрика Ростиславича 230

Белоозерский полк, ходил на Болгаров 272

Белоозерцы помогали Изяславу Владимировичу 147

Белорусская земля 272

Варязи 5. Берут дань с разных народов 15. Поход их в Грецию 70. Насилие от них новгородцам и побиение их от новгородцев 96.

Яким Кучкович убил князя Андрея Георгиевича Боголюбского 254

Некоторые записи представляют собой заголовки, которые в книге были вынесены на поля. После указателя идет запись о сочиненной М. В. Ломоносовым «Древней Российской истории от начала российского народа до кончины вел. кн. Ярослава Первого или до 1054 года», изданной в Санкт-Петербурге в 1766 г. И в конце дается оценка этой работы: «Полезный сей труд содержит в себе древние, темные и самые ко изъяснению трудные Российской истории части... Великостью сего дела закрыться должно все, что разум от правды отвратить может» [2, с. 4].

До конца XVIII в. в России были изданы почти все списки русских летописей, но только издание Никоновской летописи (с вариантами по Патриаршему списку), осуществленное А. Л. Шлётцером и С. Башиловым по правилам дипломатики, отражало особенности рукописи, находящейся в Публичной библиотеке. В Предисловии читаем о том, что Академия наук обязала издателей «прилагать всевозможное старание, чтобы следовано было точно во всем подлиннику, сколько новый способ печатания дозволить только может, чтоб в нем совсем ничего не переменять ни в повествованиях, ни в наречиях, ни в словах, ни в литерах, чтоб ничего к нему не прибавлять и ничего не убавлять, дабы печатный список был совершенно сходен с рукописным так, чтобы [читатель] мог бы на него полагаться с такою же смелостию, как бы он имел у себя и рукописный» [5, с. 5]. Думается, здесь выражена главная задача публикаций, сформулированная в настоящей статье, — задача не нарушать достоверности рукописи при воспроизведении ее в печати. Далее разъясняется, как работали издатели с рукописью: «Печатание производилось с копии, которую г. Башилов писал своею рукою. Всякий лист правлен был по крайней мере четыре раза и всякий сношен был не только от слова до слова, но и от буквы до буквы с подлинником и мною и г. Башиловым и совокупно, и каждым особливо» [5, с. 6]. Именно так работают и ныне те лингвисты-источниковеды, которые готовят рукопись в печать по правилам лингвистического издания. Для издания древних уникальных памятников правила были разработаны и изданы в 1961 г. С. И. Котковым и О. А. Князевской, а для издания скорописных памятников XVI-XVII вв. такого свода правил еще не составлено [8].

А. Л. Шлётцер и С. Башилов исключили такие буквы, как ξ (кси) и ψ (пси), у них не было срика (паерка?), не было знака тысячи, вместо которого они использовали апостроф. Были раскрыты сокращенные слова. В начале каждой страницы назывались даты от сотворения мира и от рождения Христова. Внизу страницы давались примечания и варианты из Патриаршеского списка. Мелким шрифтом набирались те места, которые касались истории других народов. Границы листов рукописи в издании обозначались шумя кавычками вверху строки. Комментарии к изданию не были сделаны, т.к. для этого, как пишет Шлётцер, нужно было сравнить множество списков между собой, что вызвало бы задержку издания. Знаки препинания публикаторы расставляли с большой осторожностью, т.к. от их места порой совершенно менялся смысл текста.

Можно сказать, что это издание (так была подготовлена только половина Никоновской летописи, вторая часть издана с большими упрощениями) в какой-то мере отвечает требованиям лингвистического исследования, если бы оно могло в то время вестись в России. Дело в том, что вплоть до начала 40-х годов XIX в. все, что касалось древности, будь то ископаемые кости, камни, монеты или рукописи, изучала единая наука — археология, и исследователи назывались археологами.

В 1815 г. К. Ф. Калайдович издал рукописные тексты в сборнике «Русские достопамятности». Часть 1. В одном из своих писем он писал, что «учился исторической критике у великого Шлётцера» [1,

с. 23]. Непосредственным же его предшественником был профессор Московского университета Р. Ф. Тимковский, который по определенным правилам подготовил к изданию Лаврентьевскую летопись. Возможно, эти правила и были сформулированы Тимковским, но мы этими материалами сейчас не располагаем. Скажем только, что в память своего учителя Калайдович издал подготовленные им 13 листов этой летописи в 1824 г. А тремя годами раньше он сам сформулировал первые правила издания русских рукописей. Автор задумывал издание летописей, поэтому, конечно, искал способы их оптимального представления в печати.

В 1813 г. вышел из печати первый том «Собрания государственных грамот и договоров». К. Ф. Калайдович, сравнив издание с рукописями, нашел массу погрешностей в этой книге, о чем и написал начальнику Архива Коллегии иностранных дел в Москве. Его пригласили участвовать в издании следующего тома в качестве контроллера. Во втором томе он с замечательной точностью передает все древнерусские буквы, не раскрывает слова, написанные в рукописи под титлами, сохраняет все числовые обозначения, написанные древнерусскими буквами. Но в III томе А. Ф. Малиновский отверг этот способ передачи рукописей. В Предисловии он написал: «Недавнее время, к коему относятся сии акты [в этом томе помещены были в основном документы XVII в. — Л. А.], заставило допустить только ту перемену, что при печатании их не наблюдалась прежняя затруднительная точность в буквах, ныне из употребления вышедших, а при том и ненужные гражданской азбуке титла исключены» [9, с. II]. А незадолго до выхода III тома К. Ф. Калайдович послал в Петербург А. Ф. Малиновскому Доношение, в котором сформулировал правила издания рукописных текстов в «Собрании государственных грамот и договоров»:

«1. Исключить все сокращения, равно и буквы, не находящиеся в гражданской азбуке; 2. Удержать в подлинниках [слово вписано над строкой рукой автора — Л. А.] слова и речения неприкословенными, касательно старинной грамматической оных перемены; 3. В бумагах же, взятых из Миллеровых портфелей, и других списках допустить совершенно ныне употребляемые грамматические изменения; 4. Собственные имена и нарицательные в подлинниках и списках должны быть сообразны оригиналам; 5. Славянские цифры во всем издании оставить неприкословенными» [3]. Эти правила, по-видимому, не были обнародованы, но, по нашим наблюдениям, многие публикации XIX в. соответствовали им, особенно когда была организована в 1834 г. Археографическая комиссия, в задачи которой входило введение в научный оборот источников по истории страны.

Издание, которое лингвисты до сих пор принимают за образец при воспроизведении в печати древних уникальных памятников письменности, было осуществлено в 1843 г. выдающимся лингвистом — историком языка А. Х. Востоковым. Он напечатал текст евангелия, которое было написано для новгородского посадника Остромира дьяконом Григорием в 1056-1057 гг. «Островиро евангелие» является самым древним памятником нашей письменности. В публикации Востоков представил текст строка в строку крупными буквами кириллической азбуки, не разбивая его на слова. С середины каждой страницы следовал соответствующий текст греческого оригинала, с

которого, как он полагал, мог быть сделан перевод. Все сокращенные слова под титлами сохранялись. После текста, занявшего 590 страниц, следовали «Грамматические правила словенского языка, извлеченные из «Остромирова свангелия», в которых приводятся все древние буквы, их числовые значения, описываются различия в склонении имен существительных, имен прилагательных, числительных, местоимений, отмечаются различия в спряжении древних глаголов и пр. После этой первой грамматики древнего русского языка в книге помещен «Словоуказатель». Если выразиться точнее, это указатель форм всех слов, встречающихся в тексте, с их греческими соответствиями, занимающий 277 страниц. Сейчас в лингвистических изданиях сплошной текст разделяется на слова, но к уникальным памятникам непременно составляется указатель слов и форм.

Таким образом, поиски путей обнародования рукописных памятников, начавшиеся еще в середине XVII в., привели к многообразию видов публикаций, которому во многом определялось стоящими перед издателями задачами. Уже в наше время появились печатные издания, подготовленные специально для лингвистических исследований. Это и дало начало лингвистическому источниковедению, которое призвано разрабатывать вопросы изучения в научный оборот памятников языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Б е с с о н о в П. А. Материалы для жизнеописаний К. Ф. Калайдовича и особенно для изображения ученой его деятельности // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1862. Июль — сентябрь. Кн. 3. М., 1862.
2. Библиотека Российской историческая ... Ч. I. Летопись Несторова с продолжением по Кенигсбергскому списку. СПб., 1767.
3. Доношение Его превосходительству тайному советнику управляющему Московской гос. Коллегии иностранных дел Архивом и Комиссиию печатания государственных грамот и договоров и разных орденов кавалеру Алексею Федоровичу Малиновскому от 21 января 1821 г. — Российская национальная библиотека (бывш. ГИБ). Отдел рукописей. Ф. 328 К. Ф. Калайдович. №271. Л. 1.
4. Древняя Российская Вивлиофика, или собрание разных древних сочинений, яко то: Российские посольства, в другие государства, редкие грамоты, описание свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многие сочинения древних российских стихотворцев, издаваемые помесячно Николаем Новиковым. М., 1773.
5. Никоновская летопись. СПб, 1767.
6. П е к а р с к и й П. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870.
7. Правда Русская, данная в XI вске от великого князя Ярослава Владимиоровича и сына его Ильи. Издание Августа Шлётцера, профессора истории. СПб., 1767.
8. Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности. М., 1961.
9. Собрание государственных грамот и договоров. Т. III. М., 1822.
10. Т а т и щ е в В. Я. История Российской в 7 томах. Т. 7. Л., 1968.
11. Ш л ё ц е р А. Л. Общественная и частная жизнь А. Л. Шлётцера, им самим описанная. Перевод В. Кеневича // Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. XIII. СПб., 1875.

1246955

А. А. Баландина

НАИМЕНОВАНИЯ ИКОН ПО ИЗОБРАЖЕНИЮ
В ПАМЯТНИКАХ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
XVI—XVII вв.

Изучать терминологию иконописи следует с учетом особой природы иконы как религиозно-художественно-ремесленного произведения.

В описях церковного и монастырского имущества XVI-XVIII веков широко представлены названия икон. Иконописные школы и мастерские были распространены по всей стране, поэтому для исследователя представляют интерес памятники разных территорий. Нами выбраны документы севера и центра России: акты Устюжской епархии, описи Павлообнорского, Спасо-Прилуцкого, Ферапонтова монастырей Вологодской епархии, описи Антониево-Сийского монастыря, монастырей Новгорода, Костромы, московские документы по истории иконописи, собранные И. Забелиным, описи Успенского собора в Москве и др.

Названия икон создавались путем синтаксической деривации — образования составных наименований. Составные наименования, как известно, характеризуются, во-первых, семантической целостностью, во-вторых, постоянством структуры (определенным порядком компонентов) и, наконец, воспроизводимостью в речи [1, с. 165]. Главный компонент составного наименования обозначает родовое понятие, зависимый — его видовое отличие.

В семантике составных наименований четко выделяется мотивировочный признак. В описях церковного и монастырского имущества писцы старались охарактеризовать икону с разных сторон, чтобы отличить ее от всех остальных образов храма. В результате появлялись составные наименования, созданные по разным мотивировочным признакам и довольно полно отражающие облик иконы: размср, технику, манеру письма. Если расположить признаки в соответствии с логикой зрителя, воспринимающего иконы, они будут выглядеть следующим образом:

- 1) изображение на иконе;
- 2) место в церкви;
- 3) основа;
- 4) техника;
- 5) размер;
- 6) оклад.

Для верующего самым главным было изображение на иконе, поэтому наименования «икона Богородичная», «образ Спасов» и т. п. объединяли разные по технике и размеру иконы.

Широко известны названия разных типов икон Богородицы: «Благодатное небо», «Взыскание погибших», «Всех скорбящих радость», «Живоносный источник», «Знамение», «Купина неопалимая», «Нечаянная радость», «Умиление», «Утоли моя печали» и другие. Священник о. Александр Киселев

пишет о существовании более 468 именований икон Богородицы. Главным образом, они происходят от названий мест, где явлены иконы [4, с. 23-24].

Мы не включаем анализ этих слов в свою работу. Нами привлекается языковой материал, характеризующий икону как продукт ремесла, поэтому в основном отобраны наименования, связанные не с сюжетом, а с композиционными признаками.

В данной статье мы рассмотрим наименования икон по изображению, созданные по двум мотивировочным признакам: 'объем изображения фигуры святого' и 'содержание клейм'.

По поводу семантики устойчивых сочетаний А. Н. Кожин писал: «Составное наименование — это лексически делимое сочетание слов, но значения слов в структуре лексикализованного словосочетания не всегда тождественны значениям в свободном употреблении» [3, с. 35]. Это свойство составных наименований определяет и специфику их анализа.

В данной статье рассматривается семантика составного наименования (по данным памятников) в сопоставлении с семантикой компонентов (по данным словарей); привлекаются материалы словарей XIX века; характеризуется структура наименований.

Главный (родовой) компонент составного наименования (*икона, образ, деисус*) мы не рассматриваем каждый раз с точки зрения семантики, считая это значение неизменным: *икона (образ)* — 'живописное изображение Иисуса Христа, Богоматери, святых, а также отдельных сцен из Священного писания, *деисус* — 'икона с изображением Спаса в роли судии и молитвенно обращенных к нему Богоматери и Иоанна Предтечи' и 'ряд иконостаса с тем же изображением'.

Памятники письменности фиксируют различные названия икон по объему изображения фигуры святого: *образ главной, образ плечной, образ поясной, образ седячий и образ стоячий*.

Наименования икона *главная, образ главной*, обозначали иконы с изображением головы святого: Да надь пророки Спасовъ образъ главной, пядница большая на золотъ (Оп. м. Ник. Чуд. под Новг., 1604, с. 427). В Словаре русского языка XI-XVII вв. зафиксировано слово *главный* как прилагательное к *глава* (в знач. *голова*): И власы главыными отъре (Похв. о Лазаре) (Усп. сб., 384. XII-XIII вв. — Вып. 4, с. 24). В сочетаниях «икона главная», «образ главный» слово *главный* выступает в значении 'ограничивающий композицию изображением головы'. Это значение слова реализуется только в данных терминологических сочетаниях: Н. дъ предъльными дверми, что водять въ предъль великомученика Димитрия, *образъ Спасовъ главной, вънецъ и оплечье серебряные съ чернью* (Оп. У т. с., 1701, с. 573). Подъ того образа, образы Филиппа Апостола, Никола. чудотворца, поясные, да Деисусъ З иконы *главные* (там же, с. 599).

В словаре русского языка XVIII века слово *глаа* 'ый как прилагательное к *глава* 'голова' не зафиксировано. Вероятно, оно закрепилось за сферой иконописи и стало ограничено в употреблении.

Слово *главный* представлено в некоторых словарях XIX века: *Главный*. Церк. Приналежащий к главе; головный (Сл. церк.-сл. Т. 1, с. 546). *Главный, главной* — головной, до головы (члена) относящийся (Даль, т. 1, с. 352).

Образ, на котором святой изображался по плечи, назывался *образ плечной*: *Образъ Спасовъ плечной обложенъ серебромъ* (Оп. Усп. с., нач. XVII в. С. 327). Слово зафиксировано в Словаре русского языка XI-XVII вв., как и в предыдущем случае, безотносительно к сфере иконописи: *Плечный*, прил. 'Относящийся к плечу, иная же вода дождевая, которую собираемъ по лѣту без грому... залечание творить жил плечных' (Травник Любч., 152. XVII в. 1534 г. СлРЯ XI- XVII вв., вып. 15, с. 92). Слово *плечной* в составном наименовании означало 'ограничивающий композицию срезом фигуры по плечи', то есть слово имело иное значение, чем в свободном употреблении: *Образ Николая чудотворца плечной поля и средина басменые* (Ант.-Сийск. м. Кн. пер. ц., 1691, л. 8 об). *Дѣисус плечной* Еммануиль со архангелы поля и средины и венцы все басменое сребряно золочено (там же, л. 20).

Слово *плечной* как свободное наименование употреблялось и в XIX веке. *Плечный*. Принадлежащий к плечу. Плечная лопатка. Плечные углы (Сл. церк.-сл., т. 3, с. 478). Плечной угол, уступ (Даль, т. 3, с. 126).

Наименование *образ поясной* широко представлено в памятниках центра и севера России. Оно обозначало икону с изображением святого до пояса, до талии: Да надъ тѣмъ же образомъ три образы осмилистовые: образъ Спасовъ, да образъ Николы чудотворца плечные, да образъ Иванна Предотечи *поясной обложенъ серебромъ* (Оп. Усп. с., нач. XVII в. с. 304). Слово *поясной* в составном наименовании имело значение 'ограничивающий композицию срезом фигуры по пояс': Да надъ дверми царьскими *Дѣисусъ поясной* на краскахъ (Акты Уст. еп., 1608, с. 152). Надъ тѣмъ же чудотворцевым гробом образ его чудотворца Антония мѣстной *поясной* с житием (Ант.-Сийск. м. Кн. пер. ц., 1691, л. 6 об). Это наименование зафиксировано нами также в описях Ферапонтова монастыря, Корнильево-Комельского монастыря, в новгородских документах.

Слово *поясной* в свободном употреблении имело то же значение и сохранило свою семантику до нашего времени. Ср.: *Поясный*. 2) 'Простирающийся от головы до пояса'. Поясной портрет (Сл. церк.-сл., т. 3, с. 887). *Поясной, поясничный*, 'к поясу, пояснице относящ'. Поясной поклон, в пояс. Поясное поличие, снятое по пояс (Даль, т. 3, с. 376). Сочетание «поясной портрет» есть и в современном русском языке (ССРЛЯ, т. 10, с. 1772).

Следующие наименования, обозначающие объем изображения фигуры святого — *образ седячий, образ стоячий*. Они фонетически варьировались: *образ сидячей, сидящий, седящий, образ стоячей, стоящей*.

Составное наименование *образ седячий* означало икону с изображением сидящего святого. Слово *седячий* в свободном употреблении означало 'находящийся в сидячем положении', в составном наименовании — 'изображающий фигуру в сидячем положении': *Икона Иванъ предтеча сѣдящей* (Оп. Иос. Волокол. м., 1545, с. 4). Противъ лѣваго крылоса *образъ мѣстной Пречистая Богородица со Младенцомъ, седячей*, четырехъ пядей, на золоте (Кн. пер. Ипат. м., 1595, с. 40). Надъ царьскими дверми в началѣ *дѣисус Спасъ вседержитель сѣдящей* по сторонамъ двадцать пять иконъ (Ант.-Сийск. м. Кн. пер. ц., 1691. Л. 11). *Образъ Илии Пророка, сѣдящей* (Оп. Усп. с., 1701, с. 677). Терминологическое значение слова *сидячий* не отражено в словарях: Сидячий. 'Сидящий' (Сл. церк.-сл., т. 4, с. 257; Даль, т. 4, с. 182).

Икону, на которой святой изображался в стоячем положении, во весь рост, называли *икона стоячая, образ стоячей (стоящей)*: В храму же в Николе чудотворце образы: десусные 9 образов стоячие на красках (Сотная Коряж. м., 1586, с. 179). Данные словарей позволяют сделать вывод, что в свободном употреблении слово *стоячий* имело значение 'находящийся в стоячем положении' (Срезн., т. 3, с. 529). В составном наименовании слово выступало в значении 'изображающий фигуру в стоячем положении': *Образъ пречистые Богородицы Воплощение, стоячей, вънецъ и оплечье рѣзные съ чернью* (Оп. Усп. с., 1627, с. 408). *Образъ пречистой Богородицы стоячей а на нея молящие святые* (Оп. Сп.-Прил. м., 1654-55, л. 32). Да за тою иконою двѣ иконы стоячие большие на гладком золоте (Оп. Иос. Волокол. м., 1545, с. 2). наименования встречаются также в деловых документах Антониево-Сийского монастыря, Корнильево-Комельского, Ферапонтова монастырей, в сольвычегодских и новгородских памятниках. Значение слова *стоячий* 'находящийся в стоячем положении' сохранилось и в XIX, и в XX веках (Сл. церк.-сл., т. 4, с. 484; Даль, т. 4, с. 333; ССРЛЯ, т. 14, с. 978).

Таким образом, наименования икон по признаку «объем изображения фигуры святого» создавались путем синтаксической деривации — образования составных наименований «сущ.+прил.» с главным словом «икона (образ)» или «десус». Значение принадлежало наименованию в целом: семантика компонентов сочетания не была тождественна семантике слов в свободном употреблении. Составные наименования характеризовались постоянством структуры и воспроизведимостью в речи. Зависимые элементы «стоячий» и «сидящий» фонетически варьировались. Наименования икона *главная, образ главной, образ плечной, образ поясной, образ седящий, образ стоячий* были представлены и в центральных, и в севернорусских памятниках, то есть не были территориально ограничены.

Следующая группа — наименования икон по содержанию клейм. Клейма — это композиции, располагавшиеся вокруг средника иконы с изображением отдельных сцен из жизни святых [2, с. 78]. На столбцах *образы святителей* и *диаконских писаны всѣ в клеймах* (Оп. Фер. м., 1747, л. 59).

Как правило, наименования отражали содержание, сюжеты клейм: это основные события жизни святого, его деяния или же чудеса после его смерти.

Изображение жизни святого в клеймах часто сопоставлялось с литературным источником. Соответствие клейм литературному житию носило очень глубокий характер [5]. Поэтому иконописное изображение основных этапов жизни святого, сочлененных им чудес и небесных знамений его избранности обозначалось тем же словом «житие». Наименования *образ в житии, образ с житием обозначили иконы*, в клеймах которых изображались основные события жизни святого: Вели Государь во свое царское богоомолье въ тѣ соборный церкви дать... *образъ Николая Чудотворца въ житии и въ чудесахъ* (Заб. Ик., 1668, С. 91). В Словаре русского языка XI-XVII веков нашло отражение интересующее нас значение слова *житие*: *Житие. 'Изображение деяний святых (в живописи)'. Образъ Зосимы и Савватея Соловецкихъ чудотворцевъ съ житии писанъ на краскахъ* (П. кн. Александр. сл.) (Влад. сб., 169. 1677 г. СлРЯ XI-XVII вв., вып. 5, с. 116). Ср. у И. И. Срезневского: *Житие. 'Описание жизни святых'* (Срезн., т. 1, с. 878). В составных

наименованиях слово *житие* означало живописное, а не литературное изображение жизни святого: *Образъ преподобных Ферапонта и Кирилла Бѣлоезерского въ житии ветхъ в киотѣ* деревянном (Оп. Фер. м., 1747, л. 73 об.). *Образъ Макария чудотворца со житиемъ въ окладѣ* (Дух. пам. строит., 1640, с. 44). По правую сторону царскихъ дверей образъ мѣстной преподобнаго Сергія радонежскаго чудотворца съ житиемъ, на золотѣ, въ киотѣ (Оп. Павлообр. м., 1683, с. 171). Наименования зафиксированы также в описях Дмитриевской церкви Вологодского уезда, Арсеньево-Комельского монастыря Грязовецкаго уезда. В словарях XIX века зафиксировано слово *житие* в свободном употреблении: *Житие. Жизнеописание. Жития святых* (Сл. Церк.-сл., т. 1, с. 860-861).

Образ въ деянияхъ (въ деянияхъ) и образъ съ деяниемъ — эти наименования обозначали икону, въ клеймахъ которой изображались деяния святого: *Образъ мѣстной Никола Чудотворецъ поясной, въ дѣяніи, окладной* (Оп. м. Ник. Чуд. под Новг., 1604, с. 429). В Словаре XI-XVII вв.: *Деяние. Изображеніе евангельскаго сюжета, чудес святого на иконѣ*. *Образъ Дмитрея Селунскаго зъ деяньемъ...* промежъ деяния цка серебряная съ подписью (Кн. пер. Ипат. м., 2. 1595 г. СлРЯ XI-XVII вв., вып. 4, с. 241). Да *образъ* пресвятые и живоначальные Троицы въ дѣяніи, писанъ на краскѣ (Оп. Павлообр. м., 1683, с. 168). *Образъ Николы Чудотворца въ дѣяніяхъ на золотѣ* (Ант.-Сийск. м. Пер. кн. м. и ц., 1659. Л.4). Да *образъ* Рожество пречистые зъ деяниемъ ж и иные местные образы (Сотная Уст. Жел., 1567, с. 137). *Образъ* пречистые Богородицы Одигитрия съ дѣяніемъ, обложенъ серебромъ (Оп. Усп. с., 1627, с. 435). *Образъ* Дмитреи Селунскаго зъ деяньемъ (Кн. пер. Ипат. м., 1595, с. 2).

В словарях XIX века также зафиксировано терминологическое значение слова *дѣяние*: *Дѣяніе. 2. Чудеса угодника, изображеніе вокругъ его иконы*. *Икона Никола Чудотворецъ съ дѣяніи, семи пядей на золотѣ*. Акты Ист. I. 283 (Сл. церк.-сл., т. 1, с. 307).

В Словаре XI-XVII веков, Словаре церковно-славянского и русского языка приводятся составные наименования *образъ съ деяниемъ, образъ съ дѣяніи* в качестве иллюстраций к словарной статье «*Дѣяние*».

Иконы, въ клеймахъ которыхъ изображались чудеса, совершаемые отъ имени святого — у его гроба, иконы, получали наименования *образъ чудесахъ, образъ съ чудесами*: Подлѣ того *образъ Екатерины Великомученицы въ чудесахъ на золотѣ* (Ант.-Сийск. м. Пер. кн. м. и ц., 1659, л. 4). Слово *чудеса* не отражено в словарях (Срезн.; Сл. Церк.-сл.) какъ связанные съ терминологией иконописи. *Чудо*. Всякое явление, кое мы не умеемъ объяснить по известнымъ намъ законамъ природы (Даль, т. 4, с. 612). *Образъ* живоноснаго источника въ чудесахъ въ киотѣ жъ киотъ писанъ красками (Оп. Фер. м., 1747, л. 73). Въ среднемъ киотѣ образъ мѣстной преподобнаго отца Александра Свирскаго, поясной, съ чудесы (Оп. Усп. с., 1701, с. 631). Наименования встречаются также в описях Софийского собора в Новгороде первой половины XVII века, в описях церквей и монастырей Вологодской епархии начала XVIII века, то есть и в центральныхъ, и въ севернорусскихъ памятникахъ.

Вероятно, жесткихъ границъ между названиями этихъ икон не было: одно наименование могло употребляться вместо другого. Главное, что отличало

такие иконы, — наличие клейм. Наименования *образ в житии, образ в деянии, образ в чудесах* выступали как синонимы. Так они подаются и в Словаре русского языка XI-XVII веков. Правда, в словаре нет указания, что изображения жития, деяний, чудес были в клеймах иконы.

Составные наименования, называющие иконы с клеймами, создавались по модели «сущ.+сущ.». Во всех представленных словосочетаниях чередуются предлоги «в» и «с (со)», грамматически варьируются существительные в зависимом компоненте: *образ в житии, с житием, образ в деянии, в деяниях, с деянием; образ в чудесах, с чудесы*. Составные наименования характеризовались целостностью семантики, закрепленным порядком слов и воспроизведимостью в речи.

Рассмотренные наименования икон создавались путем синтаксической перивации по двум мотивировочным признакам: «объем изображения фигуры святого» и «содержание клейм». Эти составные наименования представлены в севернорусских и центральных памятниках, следовательно, они не были территориально ограничены и являлись составной частью общерусской терминологии иконописи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Голанова Е. И. Номинация в сфере автолексики // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
2. Живопись вологодских земель XIV- XVIII веков. Каталог выставки. М., 1976.
3. Кохин А. Н. Составные наименования в русском языке (на материале военно-деловой лексики) // Мысли о современном русском языке. Сборник статей / Под ред. В. В. Виноградова. Сост. А. Н. Кохин. М., 1969.
4. Киселев А. А. Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории. М., 1992.
5. Кочетков И. А. Житийная икона в ее отношении к тексту жития. Автореф. ...канд. искусствоведения. М., 1974.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Акты Уст. еп., 1608 — Акты Устюжской епархии. Перепись образов и всякой казны Великоустюжского Успенского собора. 1608г. // Русская историческая библиотека. СПб., 1890. Г. 12. С. 144-155.

Ант.-Сийск. м. Кн. пер. ц., 1691 — Антониев Сийский монастырь. Книги переписные церквам и ризной казны. 1691г. // ЛОИИ. Ф. 5. Оп. 2. №76.

Ант.-Сийск. м. Пер. кн. м. и ц., 1659 — Антониев Сийский монастырь. Переписные книги монастырей и церквей приписных к Сийскому монастырю. 1659-1688гг. 1659 — Лавленская пустынь // ЛОИИ. Ф. 5. Оп. 2. №15.

Дух. пам. строит., 1640 — Духовная изустная память строителя Макарьево-Желтоводского монастыря Аврамия (1640 года 5 апреля) // Временник ОИДР. М., 1850. Кн. 8. С. 43-50.

Заб. Ик., 1668 — Забелин И. Материалы для истории русской иконописи, собранные И. Забелиным. 7059-7179 гг. // Временник ОИДР. М., 1850. Кн. 7. Разд. II. С. 1-128.

Кн. пер. Ипат. м., 1595 — Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года // Чтения ОИДР. М., 1890. Кн. 3. С. 1-60.

Оп. Сп.-Прил. м., 1654-1655 — Опись имущества Спасо-Прилуцкого монастыря. 1654-1655 гг. // ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. №1663.

Оп. Иос. Волокол. м., 1545 — Опись Иосифова Волоколамского монастыря 1545 (70: года // Георгий В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911. Приложение

Оп. м. Ник. Чуд. под Новг., 1604 — Опись монастыря Николая Чудотворца на Ляtkе, близ Рюрикова городища, под Новгородом. 1604 г. // Известия императорского Археологического общества. СПб., 1863. Т. IV. Вып. 5. С. 424-442.

Оп. Павлообр. м., 1683 — Опись Павлоображенского монастыря Вологодской епархии 1683 года // Известия императорского Археологического общества. СПб., 1865. Т. V. Вып. 3. С. 16190; Вып. 4. С. 260-308.

Оп. Усп. с., нач. XVII в. — Опись Московского Успенского собора, составленная в нача XVII века // Русская историческая библиотека. СПб., 1876. Т. 3. С. 295-372.

Оп. Усп. с., 1627 — Опись Московского Успенского собора, составленная в 1627 году // Т же. С. 373-504.

Оп. Усп. с., 1701 — Опись Московского Успенского собора, составленная в 1701 году // Т же. С. 563-874.

Оп. Фер. м., 1747 — О переводе из Троицкого Устьшехонского монастыря в Белозерск Ферапонтов монастырь игумена Феофана. Инвентарная опись монастыря. 1747 г. // ГАВФ. 496. Оп. 1. №1663.

Сотная Коряж. м., 1586 — Сотная с писцовых книг А. И. Вельяминова и дьяка И. Григорьева на земли Коряжемского монастыря в Усольском уезде. 1586 г. // Социально-правовое положение северного крестьянства: Досоветский период. Вологда, 1981. С. 178-191.

Сотная Уст. Жел., 1567 — Сотная из книг И. И. Плещеева и Григория Зубатово Никиты сына Беспрятого на посад Устюжны Железопольской. 1567 г. // Там же. С. 136-177.

Е. Н. Варникова

ОТРАЖЕНИЕ ТЕРМИНОВ ПОДСЕЧНО-ОГНЕВОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В МИКРОТОПОНИМИИ СРЕДНЕГО ПОСУХОНЬЯ

Изучение географических названий, восходящих к местным апеллятивам, не только позволяет установить связь топонимии и диалекта на лексическом уровне, но и дает возможность уточнить семантику и ареалы тех и иных диалектных слов, а также состав различных тематических групп лексической системе местных говоров старорусского и русского национального языка. В этом отношении особенно информативна микротопонимия, т.к. как ее лексическая база наиболее богата и разнообразна в сравнении с другими разрядами топонимов.

Проследим отражение местных слов одной тематической группы — терминов подсечно-огневого земледелия — в названиях пахотных и сенокосных угодий Среднего Посухонья.

Большую часть названий, возникших на основе лексики подсечно-огневого земледелия, составляют микротопонимы, которые образовались от терминов, относящихся к полеводству.

Гарь, паш. (Тотем. Брюхачиха), *Гари*, сен. (Тотем. Петрилово, Неклихиха, Филинское, Сокол. Старово, Попово), *Гаревые*, паш. (Тотем. Леваш

и др. — топонимы соотносятся с нарицательным *гарь* — 'выжженное место в лесу, предназначенное для посева, но съе не очищено и не вспаханное; очищенная гарь зовется новиной' Волог., Пск., Заурал. (СРНГ, VI, 149). В словаре Подвысоцкого *гарь* — 'выжженное пожаром лесное пространство' (30).

В псковских, пермских и шадринских говорах *гарь* — 'место в лесу, расчищенное для сенокоса'. Возможно, на некоторых территориях нашего региона термин *гарь* также обозначал подсеку для сенокоса: в нюкセンских говорах СРНГ отмечает *гарь* — 'далнее сенокосное угодье' (VI, 149) — значение, по-видимому, вторично и восходит к термину подсечно-огневого земледелия.

Новь, паш. (Тотем. Горка), *Нови*, паш. (Тотем. Фёдоровская, Манылово, Купеково), *Новина*, сен. (Тотем. Молоково), *Новины*, сен. (Тотем. Родионово), *Новинка*, сен. (Тотем. Погост) и мн. др. — *новина* — 'вырубленный и выжженный под посев участок леса, подсека'. — Тотем. Устье, Нюкс. Боровское (КСВГ). В указанном значении термин *новина* употребляется в говорах восточной и отчасти центральной территории современной Вологодской области. В диалектах западной части области зафиксированы другие значения рассматриваемого appellativa [9, с.139].

Основная территория распространения термина подсечно-огневого земледелия *новина* — северо-восточные говоры (К., 65; П., 102; Д., II, 549).

Дор, паш. (Тотем. Топориха), *Доры*, сен. (Сокол. Прокшино, Тотем. Село), *Дороватое*, сен. (Сокол. Никольское), *Доровины*, сен. (Тотем. Манылово), *Доровинка*, паш. (Тотем. Слобода) и др. — *дор* — 'вновь расчищенное место под сенокос или пашню' (СРНГ, VIII, 129). Лексема *дор* отмечена в писцовых книгах Тотемского уезда XVII в.: *паши паханые худые земли на дору за секушке на зеленои на сырваткине починке за рекою за мокрою... сорок четей* [5, с. 59]. Слово *доровина* (по-видимому, производное от *дор*) не зафиксировано в использованных нами словарях, в КСВГ данная лексема также не отмечена, однако в писцовых книгах Тотемского уезда appellativ *доровина* встречается довольно часто, например: *за крестьянином за Олешкою Симоновым на оброке сенного росчисного покосу на дуброве... над рѣчкою Вожбаломъ на доровинах...* семь копенъ [5, с. 61], что, очевидно, свидетельствует о былом его употреблении в говорах Среднего Посухонья.

«По данным современных говоров, *дор* — слово северо-восточного и среднерусского ареала (архангельские, вологодские, владимирские и тверские говоры)» [7, с. 81].

Дерба, сен. (Тотем. Домажирово), *Дербы*, паш. (Тотем. Голебатово) — *дерба*. Слово *дерба* не отмечено в Среднем Посухонье. «По данным КСВГ, оно известно на крайнем востоке области в двух значениях: 'сенокосное угодье на сухом месте (иногда в лесу)' (Ник. Кумбисер., Южково, Куданга, К.-Г. Мишенёва Гора, Н.-Енангское) и 'подсека' (Ник. Байдарово, В.-У. Навшино)» [9, с. 141]. Ср. также: *дерба* — 'сильно заросшая залежь' Никол. Волог. (СРНГ, VI, 6).

Наши материалы подтверждают предположение о том, что «в старорусском языке ... ареал этого слова был шире» [9, с. 141]; данные микротопонимии свидетельствуют о бытovanии его и на территории Среднего Посухонья.

Дерюги, сен. (Тотем. Чсшинское, Леваш, Сокол. Андреевскос), *Дерюжные*, паш. (Тотем. Голебатово) — *дерюга* — 'место, расчищенное из-под леса' Тотем. Волот. (СРНГ, VIII, 28). В других вологодских диалектах слово употребляется в иных значениях, причем все они вторичны и восходят к более древнему значению 'подсека' [9, с. 140].

Помимо вологодских говоров, термин *дерюга* известен еще северодвинским, где он выступает в позднем значении 'переложная пашня' (СРНГ, VIII, 28).

Ряд терминов подсечно-огневого земледелия с корнем -дер- в говорах Среднего Посухонья, по-видимому, может быть продолжен: микротопонимы *Драники*, сен. (Тотем. Мальцево), *Новодеря*, паш. (Тотем. Сергеево), на наш взгляд, свидетельствуют о существовании в прошлом на данной территории апеллятивов *драник*, *новодеря* (слова не зафиксированы в использованных нами словарях).

Паль, сен. (Тотем. Погорелово), *Пали*, сен. (Тотем. Соколово), *Пали*, паш. (Тотем. Топориха), *Палёвые*, сен. (Тотем. Никольское), *Пальцы*, сен. (Тотем. Соколово), *Пальники*, паш. (Тотем. Ивановская), *Опалихи*, паш. (Тотем. Галицкая) и др. — однокоренные апеллятивы *паль*, *пальник*. Термины не отмечены в современных говорах Посухонья. В ООВС *паль*, *пали* — 'место, на котором выжжен лес и сделана распашка: Костром., Солигал., Нижегор. Семен., Яросл. (152). Такая же трактовка у Даля (III, 12) и Куликовского (77). Последний отмечает, что участок, расчищенный таким способом, зовется *паловое поле* (ср.: *Палёвые*, сен.).

Апеллятив *паль* 'подсека' отмечен на западе Вологодской области, в вытегорских и вашкинских диалектах, а также в ярославских, костромских и нижегородских говорах (КСРНГ).

Вытлевка, паш. (Тотем. Трызново), *Вытлевка*, сен. (Тотем. Слобода, Гора, Погост, Погорелово, Сокол. Кульсево, Село) и др. — *вытлевка*. Записанный на территории Междуреченского района Вологодской области термин *вытлевка* объясняют так: 'место, полностью очищенное от леса; корни поджигают, и они вытлевают' [6, с. 120]. На территории русского Севера зафиксированы микротопонимы *Тлиль*, *Тлили*, *Клиль*, *Клили*, восходящие к однокоренным с *вытлевка* терминам *тлиль* (*клиль*). «*Тлиль* — термин огневого, а не подсечного земледелия, поскольку соответствующий пахотный участок образуется после выжигания (вытлевания) дернового слоя (тлель — тлеть). Такого рода подсеки- тлели возможны на местах, поросших мелколесьем, мхом, сорными травами» [7, с. 75].

Зона распространения топонимов *Тлель*, *Тлели*, *Тлиль*, *Тлили*, *Клиль*, *Клили* — территория Ващенского, Белозерского, Кирилловского, Вожегодского районов Вологодской области и Конощекского района Архангельской области (окрестности оз. Воже) [6, с. 119]. Видимо, существительное *вытлевка* в посухонских говорах было семантическим эквивалентом термина *тлель* в диалектах запада современной Вологодской области. Апеллятив не отмечен в использованных нами словарях.

Пенник, сен. (Тотем. Домажирово), *Пенник*, паш. (Тотем. Починок), *Пенники*, сен. (Сокол. Попово), *Пенники*, паш. (Тотем. Маныловово), *Пенничные*, паш. (Тотем. Маныловица) и др. — *пенник*. Семантика лексемы *пенник*

в современных говорах Среднего Посухонья весьма разнообразна: 'место, очищенное от леса' Тотем. Выдрино; 'сухое место в лесу, расчищенное для сенокоса' Тотем. Марьинская; 'полянка, очищенная от леса, где однажды был посеян лен' Тотем. Гора; 'сенокосное угодье на запущенной подсеке' Тотем. Логиново, Зуиха, Совинская (КСВГ); 'место, бывшее под подсекой и запущенное, где много пней' (КСРНГ). В значении 'подсека' слово зафиксировано в писцовых книгах Тотемского уезда XVII в.: *паши паханые ... за рекою ... на пеннике ... сорок восемь чети* [9, с. 144].

Лексема *пенник* не отмечена словарями. В ДООВС приводится термин *пенье* — 'вырубленный или выгоревший участок леса' Арх. (175). У Даля *пенье сев.* — 'расчищенное в лесу, выкорчеванное место' (III, 29).

Арсал слова *пенник* в вологодских говорах «носит островной характер, поскольку оно фиксируется в некоторых отдаленных друг от друга диалектах Кирилловского, Сокольского, Верховажского и Тотемского районов ... Известно оно, очевидно, и более северным архангельским говорам, так как там отмечен микротопоним *Пенник* — название луга (КСРНГ). В более южных, ярославских говорах лексема не регистрируется (КЯОС)» [9, с. 144]. Как термин подсечно-огневого земледелия *пенник* фиксируется в диалектах Южного Урала (КСРНГ).

Репище, сен. (Тотем. Зуиха), *Репище*, сен. (Тотем. Поповское, Погост, Хорбово, Починок), *Репища*, паш. (Тотем. Внуково) — *репище*. Апеллятив не отмечен в современных говорах Среднего Посухонья. В писцовых книгах Тотемского уезда XVII в. находим: *отхожихъ сънъ по рекъ по Вожь-балу... за курьей... и на репище и против репища за рѣкою... сто семидесять копенъ* [5, с. 60]. В низовьях Сухоны, на территории бывшего Устюжского уезда апеллятив *репище* употреблялся в XVI-XVII вв. в значении 'вырубленный и выжженный участок леса обычно под посев репы' [8, с. 91].

Согласно данным СРНГ, *репище* 'место, засеянное репой', известно более последовательно в северо-восточных говорах.

Очевидно, термин подсечно-огневого земледелия *репище* был известен и тотемским диалектам (в цитируемом отрывке из писцовой книги слово может быть интерпретировано как обозначение сенокосного угодья на месте подсеки).

Полянка, паш. (Тотем. Пузовка, Слобода), *Полянки*, паш. (Тотем. Погорелово, Купеково, Сокол. Вотчино), *Поляночки*, сен. (Тотем. Трызново) и др. — *полянка*. В значении 'подсека' апеллятив *полянка* фиксируется в писцовых книгах Тотемского уезда XVII в.: *паши паханые худые земли с припашами на полянке ... на зачатке и на дору... сорок четей* [5, с. 59]. Это толкование слова имеет и в современных говорах обследованной территории.

«С древним значением 'подсека' сохранились лексемы *поляна* и *полянка* в северо-восточных архангельских говорах» [7, с. 70].

Росчисти, сен. (Тотем. Чаловская) — *росчисть* — 'подсека, посека, починок, кулига и пр.'; 'вырубленное и выжженное место в лесу для пашни' (Даль, IV, 83). Нарицательное *росчисть* отмечено в деловой письменности Среднего Посухонья XVII в.: *паши паханые худые земли с припашами на полянки и с росчисти и з заречною пашнею шестнадцать четей* [4, с. 397].

Термин *росчисть* отмечен в кировских и пермских диалектах (КСРНГ).

Непрять, сен. (Тотем. Святыца), *Непряти*, сен. (Тотем. Давыдиха) – *непрять* – 'старая невыжженная новина' Тотем. Волог. (КСРНГ). На территории Вологодской области зафиксированы также *непреть* – 'покос на лесной поляне' Усть-Куб. Шамбовс (КСВГ) и *непредь* – 'беспорядок' Харо (КСТЭ).

По данным КСРНГ, апеллятив *непрять* – 'старая невыжженная подсека' отмечен в чухломских костромских говорах, *непрядь* – 'место, где вырублен и сожжен лес, но не выкорчеваны пни' – в говорах Урала. Ярославских диалектах зафиксировано слово *непретище* – 'драка невыжженная', 'неудобное, непроходимое место в лесу' (последняя семантика, очевидно, вторична). Названия покосов и пашен *Непреть* отмечены СТЭ южных и юго-западных районах Архангельской области, восточных и некоторых центральных Вологодской и восточных районах Костромской области (эти территории смежны). Как видно, основная зона *непреть* (*непрядь*) 'подсека' – северо-восточные говоры.

Кулиги, паш. (Тотем. Федоровская, Подлипное), *Кулиги*, сен. (Тотем. Лукинское), *Кулижки*, сен. (Тотем. Пахтусово) и др. В современных говорах Посухонья слово *кулига* имеет несколько значений: 'участок луга, пашни' Нюкс. Копылово, Тотем. Домажирово, Устье, Октябрьский, Межд. Туровец 'участок леса' Нюкс. Бобровское; 'участок луга, где расстилали лен' Тотем. Погост; 'небольшая поляна, используемая под покос' Сокол. Васильево Тотем. Устье; 'отдаленный куст деревень Тотем. Гузновица (КСВГ). Фиксируется письзовыми книгами Тотемского уезда XVII в.: *отхожих сънъ на рекѣ на Вожбale в волочкѣ по обе стороны Вожбала... и по запольнымъ лугамъ на кулиге ... и на Шестакове лягѣ и по Сеннѣй рѣчкѣ ... двести копецъ* [5, с. 52–53]. Однако на основании приведенных материалов трудно установить, какому из указанных значений рассматриваемого существительного восходят микротопонимы *Кулига*. Связь их с *кулига* 'подсека' (хотя она и наиболее логична) требует дополнительных доказательств. Не исключено, что микротопонимы образованы на основе значения 'лесная поляна, используемая под покос' (пример из источника XVII в. может быть интерпретирован и с помощью данной семантики апеллятива *кулига*). «Слово повсеместно известно на русском Севере, на Урале и во многих говорах Сибири» [3, 78–79].

Немногочисленны микротопонимы, возникшие от терминов, относящихся к сенокошению.

Новочисть, паш. (Тотем. Внуково), *Новочисть*, сен. (Тотем. Чаловская, Климовская, Семенково, Мищуково), *Новочисть*, паш. (Тотем. Филинская, Сергеево), *Новочисти*, сен. (Тотем. Брюхачиха, Исаево, Паново) *Новочистка*, сен. (Тотем. Пустошь, Воронино) и мн. др. – *новочисть* – 'место, расчищенное под сенокос' Сокол. Воробьево, Межд. Юсово, Нюкс Бобровское (КСВГ). Термин *новочисть* в говорах Посухонья, по-видимому был противопоставлен лексеме *новина* в зависимости от характера использования именуемых ими расчищенных от леса участков. Сохранившись на какой-то одной территории, лексемы *новина* и *новочисть* не утратили семантической специфики: '*новину раскатают, так сеют, а новочисть расчищают под покос*. Нюкс. Большие Мысы (КСВГ).

Апеллятив *новочисть* бытует в центральных и восточных районах Вологодской области (КСВГ). По данным КСРНГ, термин отмечен в вологодских, кировских и пермских диалектах.

Чищенье, сен. (Тотем. Погорелово), *Чищенье*, сен. (Сокол. Кульсево, Осипиха, Алексеево; Тотем. Бычково, Маныловица), *Чищение*, сен. (Тотем. Помажирово), *Чищеники*, сен. (Тотем. Соменовская, Бобровица, Кожинская, Концевская) и мн. др. В говорах Среднего Посухонья *чищенье* — 'подсека под сенокос'. Сокол. Осипиха; Межд. Дороватка (КСВГ).

«По данным картотек СРНГ, СВГ, СБГ, в говорах Вологодской области широко распространены термины с корнем *чищ*: *чища*, *чищенье*, *чищенина*, *чищенка*, *чищоба*, *чищеник*, *чищеница*» [9, с. 144]. Топонимические материалы подтверждают мнение о том, что «*чищенье* — древняя инновация диалектов Прикубенья и верхнего Посухонья» [9, с. 145]: микротопонимы *Чищенье*, *Чищенья* многочисленны в Сокольском районе Вологодской области, в Тотемском районе они зафиксированы лишь в юго-западных Маныловском и Погореловском сельсоветах (т.е. в пределах очерченного ареала), северо-восточнее этой зоны отмечены названия, производные от однокоренного *чищеник*.

В указанном значении с пометой Кадн. Волог. слово *чищенье* приводится в ДООВС (301). У Даля отмечены лексемы *чища*, *чищенина*, *чищоба*, *чищона*, *чисть* сев.-вост. — 'место, где лес вырублен, выкорчеван и сожжен под посев' (IV, 607). У Подвысоцкого (189) и Куликовского (133) *чищенина* — место, расчищенное для покоса'.

Новотереб. паш. (Тотем. Исааково) — *новотереб*. Апеллятив не отмечен в говорах Среднего Посухонья.

«Наименования с корнем *-тереб*-, первоначально обозначавшие подсеку с поваленными деревьями ..., в северо-восточных говорах обозначают участки покоса: *притереб*, *тереб*, а в северо-западных говорах — участки пашни: *притереб*. В деловых документах XV-XVII вв. зафиксированы *потереб*, *потеребок*, *притереб*, *новотереб*» [1, с. 81].

В словаре Даля *тереб* сев. — 'росчисть из-под кустарника, зарослей' (IV, 400), у Подвысоцкого *притереб* — 'расчищенная под сенокос луговая окраина' Арх. Пин. Холм. (139).

На территории, занимаемой вологодскими говорами, известна лексема *притереб*. Термин имеет узкий ареал, так как употребляется в говорах северной части Великоустюгского и Тарногского районов [8, с. 90-91] (соседние с Тотемским восточные районы Вологодской области). Микротопонимия Среднего Посухонья свидетельствуют о бытovanии в прошлом в говорах этой местности и существительного *новотереб*.

Как видим, микротопонимия Среднего Посухонья достаточно полно представляет лексику подсечно-огневого земледелия: *гарь*, *новь*, *новина*, *дор*, *доровина*, *дерба*, *дерюга*, *драник*, *новодеря*, *паль*, *пальник*, *вытлевка*, *пенник*, *репище*, *полянка*, *росчисть*, *непрять*, *кулига*, *новочисть*, *чищенье*, *чищеник*, *новотереб*.

Разнообразие данной лексико-семантической группы определяется тем, что подсечное земледелие на Севере имело длительную историю. Замена подсеки пашенным земледелием проходила постепенно. Причем «трехполь-

ное хозяйство не вытеснило совсем подсечной системы»: последняя продолжала держаться, «а в иных местах все еще господствовала над ним... И соответственно этому, кроме присельной пашни, повсюду у северных крестьян в XVII в. мы встречаем еще «отхожие пашни».., которые они распахивали на участках, расчищенных из-под девственного леса» [2, с. 168].

Лексический состав и география сельскохозяйственных терминов, отраженных в микротопонимии Среднего Поморья, указывают на связь тотемских говоров с северо-восточными диалектами.

В основах микротопонимов отразились не только термины, которые фиксируются в современных тотемских диалектах и местных памятниках письменности XVII в. (новина, дерюга, пенник, полянка и др.), но и лексемы раритетного характера (доровина, драник, новодеря, вытлевка, новотереб), не отмеченные в словарях. Выявлению этих слов способствовало, по-видимому, то, что тотемские диалекты являются одними из архаичных в вологодской группе говоров северного наречия.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ДООВС — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

К., Куликовский — К у л и к о в с к и й Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

КСБГ — Карточка словаря белозерских говоров.

КСЭ — Карточка Севернорусской топонимической экспедиции.

ООВС — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

П., Подвысоцкий — П о д в ы с о ц к и й А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Сокращения географических названий приняты Словарем русских народных говоров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А з а р х Ю. С. Названия пахотных и сенокосных угодий в севернорусских говорах // Местные географические термины. М., 1970. С. 78-86. (Вопросы географии; сб. 81).
2. Б о г о с л о в с к и й М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. I: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. М., 1909.
3. В о с т р и к о в О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья. Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979.
4. Писцовая книга Тотемского уезда 1623-1625 гг. ЦГАДА. Ф. 1209, К. 480.
5. Писцовая книга Тотемского уезда 1676 г. ЦГАДА. Ф. 1209, К. 485.
6. Тулуто в П. И. Термины тлиль (клиль) на русском Севере // Вопросы топономастики. Свердловск, 1972. С. 111-121.
7. Ч а й к и н а Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 3-187.
8. Ч а й к и н а Ю. И. Лексика подсечно-огневого земледелия в деловой письменности Устюжского у. XVI-XVIII вв. // Лексика и фразеология русских говоров. Вологда, 1980. С. 83-94.
9. Ч а й к и н а Ю. И., З о р и н а Л. Ю., П а р м е н о в а Т. В. Об изучении лексики вологодских говоров методом картографирования // Лингвостатистика. Л., 1983. С. 137-149.

А. В. Волынская

САМОНАЗВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КНИГ СЕВЕРНОРУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ XV—XVII вв.

Книги как жанр деловой письменности стали распространяться при монастырях во второй половине XVI в. Уже в XVII веке наблюдается большое разнообразие видов хозяйственных монастырских книг, определившее разнообразие их названий. Самоназвание — термин, принятый в источниковедении для обозначения наименований, которыми сам автор (писец) называл составленный им документ. Анализ этой группы лексики позволяет не только определить некоторые тенденции развития лексики в этот период, но и извлечь большинство видов книг, создаваемых в северных монастырях. Источниками для исследования послужили рукописи, созданные в монастырях, располагавшихся на территории современных Архангельской и Вологодской областей.

Прежде чем обратиться к собственно самоназваниям отдельных видов книг, следует несколько слов сказать об их общих наименованиях. Наиболее распространенным является традиционное КНИГИ (в форме мн. числа): Книги Богословского монастыря казначея старца Васяна расходные. (ГААО. 829-2, 55, 1. 1650).

Однако уже с конца XVI в. на титульных листах документов появляется форма единственного числа КНИГА: Книга расход Иванна Богослова. (ГААО. 829-3, 2, 1. 1592). Разрушение традиции проявляется также в написаниях типа: Книги РОГ году *покупочная*. (ГААО. 309-3, 4, 1. 1652).

Тем не менее в течение всего XVII в. большая часть книг (примерно 60-70 процентов) имеет в заголовке форму КНИГИ.

Во второй половине XVII века наряду со словом КНИГИ (КНИГА) получает распространение слово ТЕТРАДЬ (иногда ТЕТРАДКА). Впервые оно отмечено нами в рукописи Спасо-Прилуцкого монастыря: Тетратъ а в неи написано съмъта всякои покупке. (ГАВО. 512-1, 13, 1. 1612).

Регулярное употребление этого слова начинается с 70-80-х годов XVII в. для названия самых различных документов. Например: *Тетратъ зборная соцкого ... Шумила Силина*. (ГААО. 440-2, 20, 1 1650). *Тетратъ переписная коровья двора*. (ЦГАДА. 1196-3, 496, 1. 1704).

Уже в начале XVIII века в названии северных рукописей это слово употребляется чаще, чем традиционное КНИГИ. А. И. Качалкин считает, что слова КНИГА и ТЕТРАДЬ обозначали в деловой письменности два различных по жанру документа [1, с. 49], однако наши наблюдения показывают, что писцы северных монастырей употребляли эти названия как синонимичные. Мы находим совершенно идентичные по содержанию КНИГИ и ТЕТРАДИ:

Книги Николаевского Корѣлского монастыря Нѣнокоцкого усоля соляного промысла приходные і расходные мистрским казенным деңгамъ. (ГААО. 191-4, 57, 1. 1693).

Книга... а в неи писано кому отданы в кортому на Вологоцкомъ соляномъ дворъ нижные і верхние анбары и кому кои отданы и что с коево ряжено (ГАВО. 512-1, 61, 1. 1687).

Тетрадь Двинского уѣзда Николаевского Корѣлскаго миcтря приходная і расходная миcтской казны. (ГААО. 191-4, 63, 1. 1702).

Тетрадь помѣточная соляного двора старца Исакия что собрат с кладчиков по ряде кортомных анбарных денег РЧД го году. (ГАВО. 512-1, 60, 1. 1686).

Наиболее показательно в данном случае употребление слов КНИГА и ТЕТРАДЬ в названии одного документа Кирилло-Белозерского монастыря: *Тетрат РМФ го году книги Кирилова миcтря чернца ФеоИла.* (ЦГАДА. 1441-1, 1535, 1. 1641).

На синонимичность этих названий указывала и Л. Ю. Астахина в своем исследовании о сельскохозяйственных книгах [2, с. 3]. Книги и тетради для старорусских писцов различались, по-видимому, только по объему: объем ТЕТРАДЕЙ в исследованных нами фондах не превышает 30 листов (однако далеко не всегда соответствует традиционным 8 листам), объем же КНИГ может быть значительно больше.

Иногда писцы называют свои книги ПАМЯТЯМИ. Памяти были распространены в старорусский период как актовые документы. Но слово это часто употреблялось в заголовках многих хозяйственных книг, например: Книга расход Иванна Бгослова лѣта 39г мая в Оди памят бгословскому казначею старцу Иякову. (ГААО. 829-3, 2, 1. 1592).

В некоторых случаях казначеи, ведущие документы, как бы опускали первую часть заголовка, оставляя в названии книги лишь слово ПАМЯТЬ: РМФ го году памят Кудемскимъ пожнямъ казначея старца Калистрату. (ГААО. 191-1, 162, 1. 1632).

Память Прилуцкого монастыря купчинъ казначио старцу Илинарху приход денгамъ. (ГАВО. 512-1, 3, 1. 1604).

Нужно отметить, что использование этого слова в качестве самоназвания книг отмечено нами в рукописях только двух северных монастырей: Николо-Корельского и Спасо-Прилуцкого.

Дважды в качестве общего названия отмечено нами слов РОСПИСЬ: *Роспись Керецкой власти Николскимъ слюдным участкомъ.* (ЦГАДА. 1201-4, 29, 252 об. 1670).

Роспись колмогорцомъ торговым людем которые имали въ оФимки денги и кто по ком порука і тому роспись. (ЦГАДА. 1196-3, 27, 1, 1654).

С начала XVIII века в самоназваниях книг стали использоваться слова СПИСОК, РЕЕСТР, в конце века появляется слово ЖУРНАЛ (в северных монастырских памятниках впервые — в 1779 г.).

Собственно самоназвания книг очень разнообразны. Мы отметили 71 наименование; причем учитываются здесь только названия, выраженные согласованными определениями, в целом же количество их значительно больше. Даже в пределах хозяйственных владений одного монастыря писцы использовали для названия своих деловых рукописей самые различные наименования. Рассмотрим их подробнее.

Существовал ряд названий, которые не указывали на содержание книги и использовались авторами для определения рукописей разного предназначения. Все эти слова по происхождению связаны с глаголами со значением «писать», «записывать», «помечать», «перечислять» и т. п. ЗАПИСНЫЕ КНИГИ — наиболее распространенное из этих названий. Само слово ЗАПИСНЫЕ не несет информации о содержании книги, однако нужно отметить, что чаще всего так именовались т.н. именные книги, содержащие списки крестьян, наемных работников, монахов и т.д., часто с записями их «алованья». Например: Тетрать записная что дѣлали плотники в мѣстѣ сколько которому за работу денегъ дано. (ЦГАДА. 1195-1, 22, 1, 1658).

Книги записные Крестного мѣстя вотчины работным людем з семи дворов по члку. (ЦГАДА. 1195-1, 671, 1, 1703).

Наиболее последовательно это название в качестве заголовка именных книг использовалось писцами Крестного Онежского монастыря. Чаще же всего подобные рукописи не имели своего, закрепленного только за ними наименования и назывались описательно: Имена вкладчикам и трудникам и сколько лѣт в мѣстѣ живет. (ГААО. 829-2, 176, 5а. 1700).

Название же КНИГИ ЗАПИСНЫЕ встречается часто и в рукописях другого содержания: Тетрать записная при казначѣе старца Аѳанаси... расходная домовому казенному всякому олову и мѣде. (ГАВО. 512-1, 116, 1, 1681).

Книги записные сколько і какои поледенной рыбы куплено в селѣ в Вишкне. (ЦГАДА. 1195-1, 140, 1, 1667).

Книга записная Николаевского Корелского мѣстя почтовой гонбы на ишьшии ФИ и год. (ГААО. 191-1, 1342, 1, 1708).

Многие из этих книг не имели своих характерных самоназваний, поэтому, видимо, писцы именовали их этим самым универсальным названием — КНИГИ ЗАПИСНЫЕ — с последующей расшифровкой содержания.

Другое столь же универсальное по значению наименование — КНИГИ ПЕРЕПИСНЫЕ. Однако круг рукописей, в которых оно употребляется, более ограничен. Это либо те же именные книги: Тетрадь переписная браты сколько зимуют в Соловецком мѣстѣ СИ го году. (ЦГАДА. 1201-1, 737, 1, 1699), либо книги по типу писцовых, содержащие описание земельных владений монастыря:

Книги переписные Сумского острога крестьянским и бобытлским стрелецким дворамъ (ЦГАДА. 1201-1, 75, 1, 1676).

Либо отводные книги:

Книги переписные Колмогорские службы от прежнєво прикашика старца Варѳоломѣя Тагаева РС и год. (ЦГАДА. 1196-3, 22, 1, 1652).

В одной книге Спасо-Прилуцкого монастыря употреблено название ТЕТРАДЬ ПОМЕТОЧНАЯ: Тетрать помѣточная соляного двора старца Исаия что собрат с кладчиков по ряде кортомных анбарных денег. (ГАВО. 512-1, 61, 1, 1666).

Одним примером в рукописи Крестного Онежского монастыря отмечено название КНИГИ ПЕРЕЧНЕВЫЕ: Книги перечневые сколько в вотчинѣ Крестного мѣстя учинилос в дорожной новоучиненной почтарской дороги издержек. (ЦГАДА. 1195-1, 650, 1, 1702).

В целом же книги с подобными общими заголовками составляют меньшинство, большая же часть рукописей имеет «говорящие» названия, указывающие на содержание текста. Однако, как правило, наряду с названиями, выраженными согласованными определениями, практически все виды книг назывались часто и описательно. Ниже мы приводим основные варианты встретившихся наименований.

Приходно-расходные книги составляют большинство книг делового письма. Это был один из наиболее распространенных жанров деловой монастырской письменности, поэтому традиции в оформлении этих книг складывались довольно устойчивые. Вариантность основных названий этих книг очень невелика.

POЕг году книги *приходные* Бгословского мистря казначея старца Ва-сяна. (ГААО. 829-2, 92, 1. 1667).

Книга *приходная и расходная* казначея старца Пимина казенным денгамъ. (ГААО. 191-1, 3, 1. 1601).

Часто, в зависимости от характера записей, вносимых в книгу, название содержало уточняющее определение: Книги *расходные сундушиные...* что выдают казначью на мистрской расход. (ЦГАДА. 1441-1, 221, 1. 1601). Книги *приходные и расходные погребные сушиленного старца ЕФрема.* (ЦГАДА. 1195-1, 32, 1. 1660). Книги *приходные и расходные денежные и рыбные.* (ЦГАДА. 1196-3, 84, 1. 1663). Книги *приходные и расходные денежные... скоцкие и борошевые* Крестного мистря. (ЦГАДА. 1185-1, 793, 1. 1713) ... то все писано в *расходных житеных и в приходных мучных книгах.* (ЦГАДА, там же, л.14).

Писцы Холмогорской службы Спасо-Прилуцкого монастыря помечали свои книги по месту их создания: Книги *холмогорские приходные и расходные.* (ВХК-79, 140. 1596). Однако географическое определение в самоназвании северных хозяйственных книг — явление нетипичное, этот пример по-своему уникален.

Иногда книги, связанные с расходом денег или каких-либо припасов, назывались другими, синонимичными слову РАСХОДНЫЕ словами: Книга *издержечная ямъским денгамъ.* (ЦГАДА. 1206-2, 229, 1. 1700). Книги *роздаточны хлъба.* (ЦГАДА. 1201-1, 253, 1. 1670). Книги *отдаточны* всяkim харчевым запасом. (ЦГАДА. 1201-1, 254, 1). *Выдаточная* на Вологде и в домовые села всякои домовой рухляди. (ГАВО. 512-1, 127, 1. 1683). Книги *отпускны рыбы семги и палтасу и соли что отпущен в Воскресьской мистрь.* (ЦГАДА. 1195-1, 20, 1. 1658). Книги *жаловалны хлъбны.* (ГАВО. 512-1, 18, 1. 1619).

Слово ЖАЛОВАЛЬНЫЕ в последнем примере не просто является синонимом слову РАСХОДНЫЕ (в данном случае), но и указывает на цель расходов — выплату жалованья.

Для наименования приходных денежных книг также использовались синонимичные слову ПРИХОДНЫЕ названия, связанные по своему происхождению, как правило, с лексикой различных сборов: СБОРНЫЕ, СБОРЧИЕ, ДОИМОЧНЫЕ, ПРИЕМНЫЕ. Например: Книга *зборная соцкого Троицкой волости Федора Филатова зборнымъ денгам.* (ГААО. 440-2, 1, 1. 1645).

Книги зборчие.. земнаго тягла. (ЦГАДА. 138-1, 23, 1. 1693).

Книга доимочная збору оброчнымъ денгамъ. (ГАВО. 512-1, 142, 1. 1702).

Книга приемная денежного збору. черница Гурия Бармина. (ЦГАДА. 1196-3, 142а, 1. 1668).

Денежный приход фиксировался также в ТАМОЖЕННЫХ книгах (книгах таможенного сбора), где записывались продаваемые на территории какого либо монастырского подворья товары и причитающиеся на них с купца и спокупателя таможенные сборы. Иногда такие книги имели двойное название: ЗАЯВОЧНЫЕ ТАМОЖЕННЫЕ (купцы заявляли таможенникам о количестве и цене товара), например: Книги Сумского острога выписка из заявочных таможенных книг Колежемского усолья соляного торгу. (ЦГАДА. 1201-5, 705, 1. 1690).

Несмотря на достаточно основательные традиции в оформлении приходо-расходных книг, многие из них имеют нетрадиционные, описательные названия: Книга денежного приему... (ЦГАДА. 1206-1, 334, 1. 1685). Книги имских денег збору старца Мартемияна. (ЦГАДА. 1441-1, 238, 1, 1635). Книги Преображенские пустыни служебника Лукияна Яковлева что принял монастырских казенных таваровъ. (ГААО. 60-1, 41, 1. 1686).

По содержанию приходо-расходным книгам близки книги для фиксации каких-либо покупок монастыря, так называемые ПОКУПОЧНЫЕ или ЗАКУПОЧНЫЕ: Книги Рог году покупочная. (ГААО. 309-3, 4, 1. 1662). Книги покупные покупок у Архангилского города. (ЦГАДА. 1201-1, 44, 1. 1642).

Однако чаще эти книги именуются также описательно: Книги Крестного мицтва вахеской товарной покупки закупного старца Феодосия. (ЦГАДА. 1195-1, 164, 1. 1670).

Приходо-расходные книги были столь распространены при монастырях в XVI-XVII вв., что довольно часто на их титульных листах вообще не указывали на предназначение рукописи, ограничиваясь лишь упоминанием изначея и монастырской службы; Книги... Череповские волости поселского старца Максима. (ЦГАДА. 1195-1, 7, 1. 1657).

Это замечание, правда, касается лишь приходо-расходных книг отдельных монастырских служб или промыслов, книги же всей монастырской казны оформлялись, как правило, без каких-либо опущений.

Книги, учитывающие хозяйственную деятельность отдельных монастырских служб, часто имели свои, указывающие на характер этой деятельности самоназвание. Например: Книги мелнишные старца Арсения да старца Исаи в них писано что кому молото без денег. (ГАВО. 512-1, 26, 1. 1627). Книги дровяны Кушрецкого усоля. (ЦГАДА. 1195-1, 53, 1. 1661).

Книги съменные... и кабалные писаны в тѣх же тетратех что на ком по именным кабалам взяти хлѣба. (ГАВО. 512-1, 19, 1. 1619). (СЕМЕННЫЕ — здесь книги, фиксирующие количество выданного монастырским крестьянам хлѣба на семена).

Отмечены нами также книги СУДОВЫЕ, ДРОВОСЕЧНЫЕ, КАРДЕШНЫЕ (от «кардеха» — мера объема в солеварении).

Отдельно нужно сказать о ПЛАТЯНЫХ книгах, учитывающих приход и расход одежды и обуви, так как они представляют собой довольно распространенную разновидность монастырских документов. Поскольку данная

хозяйственная деятельность монастырской казны связана с некоторыми особенностями уклада жизни обители (различалась одежда и обувь для монахов и для работников и трудников монастыря), то и названия платяных книг часто имели соответствующие определения, например: Книги *платяные старческие казначея старца Варлама*. (ГААО. 829-2, 11, 1. 1617). Книги *платяные белъцкие*. (ГААО. 829-2, 10, 1. 1616).

При передаче монастырской казны или службы из ведения одного казначея в ведение другого составлялись так называемые **ОТВОДНЫЕ** книги. Если отводилась вся монастырская казна, а также земельные угодья монастыря (что случалось при смене настоятеля), то соответствующие книги могли называться **ПЕРЕПИСНЫМИ** (о них см. выше), **ОПИСНЫМИ**, **ДОСМОТРНЫМИ**. Например: Книги *отводные* Крестного митря казнъ. (ЦГАДА. 1195-1, 43, 1. 1661). Книги *описные* Николаевского Корълского мистря за ігумена Василиска РЧӨго. (ГААО. 191-5, 6, 1. 1691). Книги *досмотрные* Корелского мистря. (ГААО. 191-1, 21, 1. 1606). При отводе монастырской казны в названии книги могло использоваться уточнение **КАЗЕННЫЕ**. Одна из отводных книг Красногорского монастыря озаглавлена словом **ПРИЕМНАЯ**: Книга Красногорского мистря казначея монахъ Стефана *казенная приемная*. (ГААО. 309-3, 2, 1. 1651). (О другом значении слова «приемная» — «приходная книга» см. выше).

Одним примером фиксируется название **ОТДАЧНЫЕ**. В целом же нужно отметить, что в заголовках отводных книг описательные названия встречаются крайне редко, что свидетельствует о довольно устойчивых традициях в оформлении данных документов.

Описанию земельных угодий с налоговой целью посвящались книги, которые светскими писцами назывались обычно **ПИСЦОВЫМИ**. Однако в делопроизводстве северных монастырей это слово практически не используется. Оно документировано лишь одной рукописью Соловецкого монастыря 1661 г.: *Писцовые новые книги РЗО г году Сумского сотрогоу з деревнями*. (ЦГАДА. 1201-1. 57, 1, 1661).

Обычно такие книги назывались **ОТПИСНЫМИ** или **ПЕРЕПИСНЫМИ**. Например: Книги *отписные* Николы Чудотворца Корелского мистря РСИ го году изгодья і дворы кръстянская. (ГААО. 191-1, 6, 1. 1601).

Такие книги составлялись часто представителями светской власти при содействии монастырской, что накладывало отпечаток на их содержание и лингвистические особенности.

Для собственно же оброчных книг, создаваемых уже силами самого монастыря, применялись названия, многие из которых являются местными, т.е. употреблявшимися на ограниченной территории. Так, писцы Николо-Корельского монастыря и реже Соловецкого для обозначения этих книг использовали слово **ВЕРЕВНЫЕ** (от **ВЕРВЬ** — единица земельного обложения): Книга *веревная* верхних волостей Николаевского Корълского монастыря *казенная*. (ЛОИИ. 115, 993, 1. 1690).

В фондах Соловецкого монастыря нам встретилась также **ОБЕЖНАЯ** книга (от **ОБЖА** — единица измерения обрабатываемой земли): Книги *обежные* Пертемъских дрвень дозору старца Капитона РИ году. (ЦГАДА. 1201-5, 473, 1. 1600).

Это название также не является общераспространенным, в рукописях других монастырей оно не документируется. Сам автор цитируемой книги, видимо, сознавая недостаточную информативность этого названия, на следующей странице уточняет заголовок: Книги Пертемских да и въх онъжских мистрских дрвнъ *пашенные и данные и оброчные* (ДАННЫЕ в этом случае от слова ДАНЬ) (Там же, л.1 об.).

Определения ПАШЕННЫЕ и ДАННЫЕ здесь также являются «авторскими», другими писцами они не употребляются. Слово же ОБРОЧНЫЕ, напротив, наиболее распространено в качестве заголовка монастырских рукописей, наряду с названием ОКЛАДНЫЕ: Книги *вытные оброчные хлебные* около Кирилова монастыря всех сел и дрвнъ розныхъ житниковъ. (ОР ГПБ, 351, 69/1308, 153. 1689). Книги *окладные* Резанские вотчины селца Никитинского деревень. (ЦГАДА. 1441-1, 247, 1. 1641).

Писцу Кирилло-Белозерского же монастыря принадлежит название МЕРНЫЕ книги, которое также не отмечено другими примерами: Книги *мѣрные соборново старца... селу Городищу*. (ЦГАДА. 1441-1, 147, 1. 1675).

Слова ВЫТНЫЕ и ОБЕЖНЫЕ являются синонимами, т.к. происходят от названий единиц земельного обложения ОБЖА и ВЫТЬ, принятых в разных местностях. П. А. Колесников указывал, что ВЫТЬ присобладала в Поморье, тогда как в Важском уезде использовалась в качестве единицы измерения земли ОБЖА [3, с. 206]. Однако наши наблюдения говорят о другом. Название ОБЕЖНЫЕ употребляется в документах Соловецкого монастыря, т.е. было распространено в Поморье, а подзаголовок ВЫТНЫЕ характерен для рукописей вологодских и великоустюжских монастырей.

В начале XVIII века делопроизводство Николо-Корельского монастыря отмечается появлением РАЗРУБНЫХ книг, по своему содержанию объединяющих оброчные и сборные книги. М. Н. Довнар-Запольский отмечает, что старейшая разрубная книга относится к 1706 году, однако как самоназвание слово РАЗРУБНЫЕ отмечается лишь в рукописи 1724 [4, с. 5]. Поскольку это время уже не относится к анализируемому нами периоду, вышеупомянутое название мы здесь не рассматриваем.

Среди названий оброчных книг практически не встречаются описательные варианты, но, как видно из вышесказанного, общепринятых заголовков эти документы также не имеют. Развеянная синонимия среди названий этих источников не позволяет говорить об устойчивости традиций оформления данных книг.

Сельскохозяйственные книги, столь распространенные в средней и южной Руси, на Севере не были привычным атрибутом ведения хозяйства. В архангельских и олонецких монастырях учет поступающего в погреба обители (покупаемого на ярмарках) хлеба велся в приходных книгах соответствующих служб. Более же южные монастыри (важские, вологодские, великоустюжские), имевшие свои пахотные земли, вели и различные сельскохозяйственные книги. Здесь были приняты, например, ПОСЕВНЫЕ и СЕМЕННЫЕ книги, учитывающие количество хлеба, посенного на монастырских землях: Книги *посѣвные* РКго году. (ЦГАДА. 1441-1, 91, 1. 1612). Тетрат *сѣмянная* что на околомистрскую пашню сѣяно ржы ко РСИму году. (ЦГАДА. 1441-1, 686, 1. 1607).

Нужно отметить, что общепринятым названием является слово ПОСЕВНЫЕ, лексема СЕМЕННЫЕ же в этом значении выступает как регионализм.

При выдаче кому-либо в аренду пашенных или сенокосных земель (пожень) или рыбных тонн составлялись РАЗДАЧНЫЕ (ДАЧНЫЕ) книги, причем названия этих книг обычно были составными, здесь же указывалось: ПОЖЕННЫЕ это книги или ТОННЫЕ: РКИго году книги поженные дачные в жило и на бразгу. (ГАО. 191-1, 90, 1. 1620).

Иногда в самоназваниях этих рукописей используется прилагательное от слова ПРАЗГА (БРАЗГА) — плата за аренду земли: Книги *празговые тонные* казначея старца Сергея. (ГАО. 191-5, 2, 1. 1649).

Одним примером отмечено название ЗАКОСНЫЕ для обозначения книги с записями отдаенных «на празгу» сенокосных угодий: Тетрадь закосная житника старца Гурья Шишкина Кирилова монастыря. (ЦГАДА. 1441-1, 731, 1. 1632).

РАЗДАЧНЫМИ писцы называли и книги, фиксирующие сдаваемые внаем лавки: Книга *роздачная* лавкамъ у Архангелского города Ставроса монастыря. (ЦГАДА. 1195-1, 26, 1. 1660).

При раздаче внаем амбаров составлялись АМБАРНЫЕ книги: *Анбарные* книги Всемилостиваго Спаса Прилуцкого монастыря Вологодской службы соляного двора. (ГАВО. 512-1, 62, 1. 1686).

Некоторые виды книг делового письма были так или иначе связаны с культовой деятельностью монахов. Эти книги имеют особенности в оформлении и характере языкового материала. Их отличает также отсутствие вариативности самоназваний и четкость заголовков. К именным книгам, содержание которых в общей сложности сводится к перечислению лиц, так или иначе подчиненных монастырю, относятся КРЕСТОПРИВОДНЫЕ. Ростропись монастырской трапезе во время церковных праздников и по остальным дням давалась в ПРАЗДНИЧНЫХ и КОРМОВЫХ книгах. Например: Книга *празничная*. (ОР ГПБ, 351, 68/1308, 28. XVII в). (Книги *кормовые* Кириллова монастыря къларские. (ОР ГПБ, 351, 84/1322, 1, ок. 1621).

Объединенные вместе, эти книги носят название ОБИХОДНИК: *Обиходник* келарской Кириллова монастыря. (ОР ГПБ, 351, 84/1322, 1).

В данной статье рассмотрены практически все самоназвания (за исключением некоторых описательных) исследованных автором хозяйственных книг северорусских монастырей. Многие из этих названий являются яркой характеристикой документа, раскрывают его содержание. Это, например, МЕЛЬНИЧНЫЕ, СЕМЕННЫЕ, ПЛАТЯНЫЕ, ОТВОДНЫЕ, ОКЛАДНЫЕ и др. Другие же, менее конкретные, дают лишь общее представление о характере текста (ПРИХОДНЫЕ и РАСХОДНЫЕ, ДЕНЕЖНЫЕ, РАЗДАТОЧНЫЕ и т.п.). И третьи, наиболее обобщенные, использовавшиеся часто при отсутствии традиционных, закрепленных только за определенным видом книг наименований, такие, как ЗАПИСНЫЕ, ПЕРЕПИСНЫЕ, вообще не несут информации о содержании рукописи. Нужно отметить, что практически любое название, выраженное согласованным определением, могло быть заменено описательным. И теми, и другими заголовками писцы поль-

зовались совершенно свободно, сообразуясь лишь с собственными представлениями о порядке ведения документации.

Обращает на себя внимание и довольно разветвленная синонимия в названиях отдельных книг (например, отводные — отписные — переписные — досмотрные — описные или обежные — веревные — мерные — окладные — оброчные и др.). На эту особенность деловой письменности старорусского периода уже обращали внимание лингвисты. Т. Ф. Вашенко, изучавшая отказные книги, писала, что «сходные по форме и содержанию отказные книги имеют иногда неодинаковые названия» [5, с. 34]. Говоря о языке некоторых актовых документов этого периода, В. Я. Дерягин сделал вывод о резком возрастании в XVII веке количества терминов и соответственном увеличении количества вариантов, применяемых для обозначения отдельных реалий [6, с. 22]. Это замечание о широком варьировании языковых средств справедливо и в отношении самоназваний книг делового письма. В таблице, приводимой ниже, это наглядно продемонстрировано.

В заключение нужно сказать, что наличие описательных наименований, отсутствие закрепленных самоназваний у некоторых видов книг, применение самых различных заголовков для книг общего содержания (широкая синонимия) — все эти черты, характерные для системы делопроизводства Московского государства и, в частности, Севера Руси, говорят о том, что традиции оформления деловых бумаг, в том числе и монастырских, в этот период еще окончательно не сложились, что само по себе определяет наличие большого и интересного материала для исследователей истории русского языка.

В таблице, приведенной ниже, делается попытка комплексного анализа выявленных автором самоназваний монастырских хозяйственных книг с учетом особенностей их лексического значения. В графе 3 лексика характеризуется с точки зрения ее распространения, знаком «+» здесь отмечены слова, употребляемые писцами только одного-двух монастырей или вообще тафиксированы лишь однажды, т.е. названия, которые можно считать местными или «авторскими». В графе 4 знаком «+» отмечены те слова, которые выносятся писцами в заголовок книг различного содержания; в графе 5 напротив слов, имеющих синонимы, обозначены номера последних по этой же таблице. Таким образом объединяются самоназвания, способные выступать в качестве заголовков книг идентичного содержания.

№ пп.	Самоназвание	Ограниченность употребления	Многозначность	Синонимичность	Употребляется самостоятельно	Употребляется в качестве дополнительного при названии
1.	Амбарные	—	—	—	+	—
2.	Белецкие	—	—	—	—	платяные
3.	Белые	—	—	—	—	(различные)

№ пп.	Самоназвание	Ограниченность употребления	Многозначность	Синонимичность	Употребляется самостоятельно	Употребляется в качестве дополнительного при названии
4.	Борошневые	+	—	47	—	приход. и расходн.
5.	Веревные	+	—	8, 9, 32, 34, 36, 30, 43	+	—
6.	Вкладные	—	—	—	+	—
7.	Выдаточные	+	—	16, 40, 42, 58, 60	+	—
8.	Вытные	+	—	см. № 5	—	оброчные
9.	Данные	+	—	см. № 5	+	—
10.	Дачные	—	—	49, 54, 59, 70	+	—
11.	Денежные	—	+	—	—	приход. и расходн.
12.	Доимочные	+	—	57, 62, 63,	—	—
13.	Досмогрные	+	—	37, 38, 41, 44	+	—
14.	Дровосечные	+	—	—	+	—
15.	Дровяные	+	—	—	+	—
16.	Жаловальные	+	—	см. № 7	+	—
17.	Житенные	+	—	—	+	—
18.	Закосные	+	—	10, 49	+	—
19.	Закупные	—	—	50	+	—
20.	Записные	—	+	—	+	—
21.	Заявочные	+	—	—	—	таможенные
22.	Издержечные	+	—	60	+	—
23.	Кабальные	—	—	—	+	—
24.	Казенные	—	+	—	—	(различн.)
25.	Кардешные	+	—	—	+	—
26.	Келарские	—	—	—	—	обиходник
27.	Кресто-приводные	—	—	—	+	—
28.	Кормовые	—	—	—	+	—
29.	Мельничные	+	—	—	+	—

№ пп.	Самоназвание	Ограниченность употребления	Многозначность	Синонимичность	Употребляется самостоятельно	Употребляется в качестве дополнительного при названии
30.	Мерные	+	—	см. № 5	+	—
31.	Мучные	+	—	—	—	приходные
32.	Обежные	+	—	см. № 5	+	—
33.	Обиходник	+	—	—	+	—
34.	Оброчные	—	—	см. № 5	+	—
35.	Обувные	—	—	47	+	—
36.	Окладные	—	—	см. № 5	+	—
37.	Описные	—	—	см. № 13	+	—
38.	Отводные	—	—	см. № 13	+	—
39.	Отданные	+	—	см. № 13	+	—
40.	Отдаточные	+	—	см. № 7	+	—
41.	Отписные	—	—	см. № 13	+	—
42.	Отпускные	+	—	см. № 7	+	—
43.	Пашенные	+	—	см. № 5	+	—
44.	Переписные	—	+	—	+	—
45.	Перечневые	+	—	60	+	—
46.	Писцовые	+	—	41, 44	+	—
47.	Платяные	—	—	4	+	—
48.	Погребные	+	—	—	—	приход. и расходн.
49.	Поженные	—	—	10, 54, 59	+	—
50.	Покупочные	—	—	19	+	—
51.	Пометочные	+	—	—	+	—
52.	Порядные	+	—	см. № 5	+	—
53.	Посевные	—	—	65	+	—
54.	Празговые	+	—	10, 49, 59	+	—
55.	Праздничные	—	—	—	+	—
56.	Приемные	—	+	38, 57	+	—
57.	Приходные	—	+	—	+	—
58.	Раздаточные	+	—	7, 16, 40, 42	+	—
59.	Раздачные	+	—	см. № 10	+	—

№ пп.	Самоназвание	Ограниченность употребления	Многозначность	Синонимичность	Употребляется самостоятельно	Употребляется в качестве дополнительного при названии
60.	Расходные	—	+	см. № 7	+	—
61.	Рыбные	—	—	—	—	приход. и расходн.
62.	Сборные	—	—	63	+	—
63.	Сборчие	—	—	62	+	—
64.	Сдельные	+	—	—	+	—
65.	Семенные	—	+	53	+	—
66.	Скоцкие	+	—	—	—	приход. и расходн.
67.	Старческие	—	—	—	—	платяные
68.	Сундушные	+	—	11	—	расходные
69.	Таможенные	—	—	—	+	—
70.	Тонные	—	—	10, 54, 59	+	празговые
71.	Черные	—	—	—	—	(различн.)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. 1. М., 1988.
2. Астахина Л. Ю. Русские сельскохозяйственные книги XVI-XVII вв. как лингвистический источник. Автореф. диссерт. ... канд. филол. наук. М., 1974.
3. Колесников П. А. Северная Русь. Вып. 1. Вологда. 1971.
4. Довнар-Запольский М. В. Веревные и раздубные книги северного края. СПб, 1905.
5. Ващенко Т. Ф. К изучению отказных книг // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982.
6. Дерягин В. Я. Варьирование языковых средств в текстах деловой письменности (важские денежные отписи XV-XVII вв. // Источники по истории русского языка. М., 1976.

А. С. Герд

О СПЕЦИФИКЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП

В любом языке есть немало достаточно определенных и замкнутых в семантическом отношении групп слов, таких, как термины родства, названия явлений природы, рыб, зверей, птиц, насекомых, растений и их плодов, видов построек, пищи, посуды, утвари, болезней, многих орудий труда и т. п.

История семантического развития таких типов весьма своеобразна в каждом отдельном случае и представляет свой особый интерес и для исторической лексикологии, и для лексикографии.

Рассмотрим вопрос, вынесенный в заглавие, на материале небольшой группы слов, обозначающих камбалу и ей подобных рыб в русском языке. Число, основу названий рыб, обозначающих камбалу и разные ее виды в русском языке, составляют слова *камбала* и *палтус*.

Слово *камбала* исторически проникло в северорусские диалекты из прибалтийско-финских языков; *палтус* — из саамского языка. В XVI–XVII веках они спорадически отмечены в памятниках древнерусской письменности (А. белом. Кн. расх. Холмог. еп.), позднее в письмах Петра I. В письмах Петра от 1704 г.: камбалов сот шесть (Письма Петра I, III).

В XVIII веке прямо из народной диалектной речи слова *камбала*, *палтус* попадают в записи русских путешественников-естественников-испытателей. В «Лицевых записках» Лепехина читаем: «Из морскихъ рыбъ по большему количеству, занимаетъ здѣсь преимущество Треска разныхъ родовъ, Палтусина, Семга, Гольцы, Кумжи, потомъ следуютъ Сиги, Омули, Камбала, Корсхи, Наваги и прочия мелкия» (IV, 328). «Сія приморская, уродливая палтасиыхъ породъ рыба...» (Там же. IV, 341). У Крашенинникова при описании Камчатки: «Камбала там (на Камчатке) хотя тамъ величиною и около полуаршина, и въ превеликомъ множествѣ попадаетъ въ сѣти, однако, выбрасывается за негодную» (I, 307). В «Путешествии» Палласа: «Попадаются въ сеть изъ рода тресокъ, навагы, маленькие камбалки (*Pleuronectes glacialis*), камши (*Cottus scorpius*)» (III, 1:40). Через полевые записи естествоиспытателей слова *камбала* и *палтус* проникают в молодой язык русской науки. В специальной литературе второй половины XVIII века в первых определителях и учебниках по естествознанию находим уже целые ряды слов, связанные с общим семантическим определением *Pleuronectes* (Р.). В науке сразу же начинает развиваться своя особая семантическая дифференциация.

Данные источников. Начерт (1786: 391): *палтус*; Озерецковский (1791: 53): *камбала* (*Pleuronectes*), *гиппоглос* (*P. hippoglossus*), *платесса* (*P. platessa*), *сковородка* (*P. solea*), *ромбическая камбала* (*P. rhombus*), *палтус* (*P. hippoglossus*), *малой палтус* (*P. maximus*); Блуменбах (1797: 388): *камбала* (*Pleuronectes*), *платесса* (*P. platessa*), *флиндер* (*P. flesus*), *лиманда* (*P. flesus*), *гиппоглос* (*P. hippoglossus*), *малой палтус* (*P. maximus*); Двигубский (1820: 133): *платесса*, *сковородка*, *ромбoidalная камбала*; Теряев (1824: 17–48): *камбала* (*Pleuronectes*), *платесса* (*P. platessa*), *флиндер* (*P. flesus*), *лиманда* (*P. limanda*), *гиппоглос* (*P. hippoglossus*), *большой палтус* (*P. maximus*); Ловецкий (1825: 471): *плоскуша* (*Pleuronectes platessa*), *платесса* (*P. platessa*), *ромбoidalная камбала* (*P. rhombus*), *палтус* (*P. maximus*), *саяненная камбала* (*P. hippoglossus*), *окошковая камбала* (*P. hippoglossus*); Шуберт (1841: 129): *камбала* (*Pleuronectes*), *палтус* (*P. hippoglossus*).

Данные источников XVIII — начала XIX в. позволяют наметить следующую систему семантических определений и соответствующих русских названий рыб, связанных с общим семантическим определением *Pleuronectes*.

<i>Pleuronectes</i>	камбала
<i>P. hippoglossus</i>	гиппоглос, палтус, священная камбала, окошковая камбала
<i>P. platessa</i>	платесса, плоскуша
<i>P. flesus</i>	флиндер, лиманда
<i>P. solea</i>	сковородка
<i>P. rhombus</i>	ромбоическая камбала, ромбоидальная камбала
<i>P. maximus</i>	малый палтус, большой палтус

Так, в XVIII — первой половине XIX века появляются уже первые синонимические ряды, связанные со стремлением отдельных авторов найти наиболее точное и верное русское название того или иного вида. Лексико-семантические связи всех слов замкнуты в пределах данной группы.

В качестве опорных слов в первых книжных словосочетаниях выступают слова *камбала* и *палтус*. В основу формирования терминологической группы *Pleuronectes* легло слово *камбала*, известное еще в древнерусском языке: ставшее к XVIII в., по-видимому, повсеместным по употреблению, проникшее в терминологию прямо из общеноародного языка.

Слова *гиппоглос*, *платесса*, *лиманда* представляют собой заимствования из латинской терминологии (ср. *P. hippoglossus*, *P. platessa*, *P. limanda*).

В середине XIX — начале XX века группа *Pleuronectes* претерпевает определенные изменения.

Во-первых, в ихтиологии намечается выделение в самостоятельный ряд видов, которые раньше относились к *Pleuronectes*. Это прежде всего — палтусы; род получает название *Hippoglossoides* (*Hippoglossus*). Налицо тенденция к оформлению новой терминологической группы *Hippoglossoides*. С другой стороны, к этому времени накопилось уже немало данных, связанных с описанием новых видов камбал. Все это и обусловило рост числа новых определений и соответствующих русских названий. У Кесслера (1864: 57) *шиповатая камбала* (*P. flesus*). Большое число различных названий, связанных с общим определением *Pleuronectes*, находим у А. Никольского (1902: 600-605): *настоящие камбалы*, *полурыбицы*, *плоскушки* (*Pleuronectes*), *обыкновенная камбала* (*P. platessa*), *лиманда*, *ери* (*P. limanda*), *малоголовая камбала* (*P. microcephalus*), *черноперая камбала* (*P. cyniglossus*), *шиповатая камбала*, *глосса* (*P. flesus*), *полярная камбала* (*P. glacialis*), *звездчатая камбала* (*P. stellatus*), *четырехугорчатая камбала* (*P. quadrifurcatus*), *мраморная камбала* (*P. variegatus*), *колючая камбала* (*P. asper*), *темная камбала* (*P. obscura*), *японская камбала* (*P. japonicus*), *двухлинейная камбала* (*P. bilineatus*); Максимов (1913: 32): *глосса* (*P. flesus*).

В середине XIX в. слово *камбала* вне сочетаний как основное обозначение вида *Pleuronectes platessa* находим в различных учебных пособиях. У Сент Илера (1860: 71), Григорьева (1862: 139) камбалы (*Pleuronectes*).

Отметим следующую систему латинских определений и русских названий по данным источников середины XIX — начала XX века.

<i>Pleuronectes</i> —	настоящие камбалы, полурыбицы, плоскушки, камбалы
<i>P. platessa</i> —	обыкновенная камбала, лиманда, ерш
<i>P. microcephalus</i> —	малоголовая камбала
<i>P. sutorius</i> —	черноперая камбала
<i>P. flessus</i> —	шиповатая камбала, глюсса
<i>P. glacialis</i> —	полярная камбала
<i>P. stellatus</i> —	звездчатая камбала
<i>P. variegatus</i> —	мраморная камбала
<i>P. asper</i> —	колючая камбала
<i>P. obscura</i> —	темная камбала
<i>P. japonicus</i> —	японская камбала
<i>P. bilineatus</i> —	двухлинейная камбала

В состав группы проникают и новые определения, и новые русские наименования, с ним связанные: *P. microcephalus* (малоголовая камбала, черноперая камбала, полярная камбала, звездчатая камбала, мраморная камбала, колючая камбала, темная камбала, японская камбала, двухлинейная камбала).

У А. Никольского (1962: 597) находим ряд названий со словом *камбала*, которые соотносимы по значению, однако уже с другими группами (*Hippoglossoides*, *Rhombus*). Ср. палтусовые камбалы (*Hippoglossoids*), лимандовая камбала (*H. limandoides*), продолговатая камбала (*H. elossodon*), Гамильтонова камбала (*H. hamiltoni*), камбала (*Rhombus taeoticus*).

Отмеченные впервые по данным источников во второй половине XIX — начале XX века словосочетания *настоящие камбалы, обыкновенная камбала, малоголовая камбала, черноперая камбала, шиповатая камбала, полярная камбала, звездчатая камбала, мраморная камбала, колючая камбала, темная камбала, японская камбала, двухлинейная камбала* обработаны по модели AN.

При этом определение во многих словосочетаниях представляет собой, по-видимому, перевод соответствующего определительного компонента латинского наименования; ср. *малоголовая камбала* — *P. microcephalus*, *звездчатая камбала* — *P. stellatus*, *темная камбала* — *P. obscura*, *японская камбала* — *P. japonicus*, *двухлинейная камбала* — *P. bilineatus*.

Таким образом, пополнение группы новыми наименованиями во второй половине XIX — начале XX века происходит в основном путем образования новых книжных словосочетаний по традиционной модели AN.

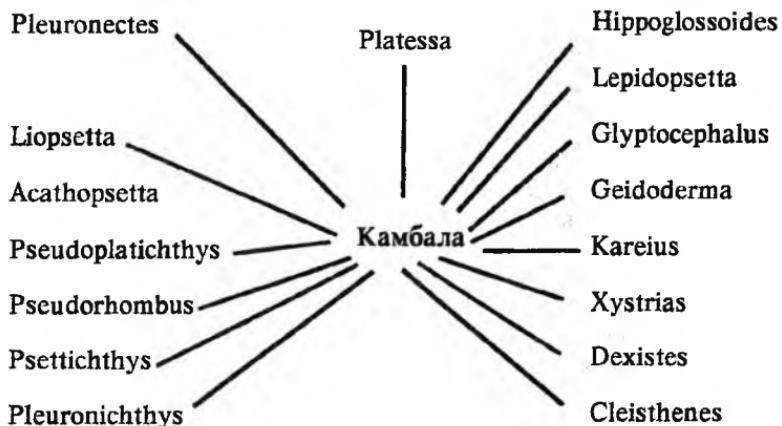
В 10-30-е годы XX века уже целый ряд видов камбал, которые относились ранее к роду *Pleuronectes*, выделяется в ихтиологии в самостоятельные родовые группы. Так возникают новые общие семантические определения, новые семантические группы *Platichthys*, *Liopsetta*, *Platessa*, *Glyptocephalus*, *Pseudoplatichthys*, *Pseudorhombus*, *Dexistes*, *Cleisthenes*, *Kareius*, *Xytrias* и тп.

К роду *Pleuronectes* относятся теперь уже только типичные камбалы. Все это приводит не только к уменьшению числа семантических определений, но и изменению лексического состава группы *Pleuronectes*.

Данные источников. Берг (1916: 466): камбала (*P. flesus*), камбала, глосса (*P. flesus luxus*); калкан (*P. taeoticus*); Книпович (1923: 33): камбала, глосса (*P. flesus luscus*); Линдберг и Таранец (1929: 258) кубышка (*P. obscurus*); Берг (1932-1933: 728): речная камбала (*P. flesus*), балтийская речная камбала (*P. flesus trachurus*), беломорская речная камбала (*P. flesus bogdanovi*), северная речная камбала (*P. flesus septentrionalis*), глосса, глосс (*P. flesus luscus*); Андрияшев (1935: 138): четырехбуторчатая камбала (*P. quadrituberculatus*). Слово камбала как основное русское наименование начинает обслуживать и другие терминологические группы. У Андрияшева (1935: 138-140): палтусовидная камбала (*Hippoglossoides elassodon*), северная двухлинейная камбала (*Lepidopsetta bilineata*), длиннoperая камбала (*Glyptocephalus zachirus*), бородавчатая камбала (*Geidoderma asperimum*), звездчатая камбала (*Platichthys stellatus*), желтобрюхая камбала (*Platessa quadrituberculatus*).

Немало терминологических словосочетаний со словом камбала встречаются в определителе Таранца (1937: 141-147): полосатая камбала (*Liopsetta glacialis pinnifasciata*), надежная камбала (*Acanthopsetta nadeshnyi*), ошорская камбала (*Pseudoplatichthys oshorensis*), глазчатая камбала (*Pseudorhombus olivaceus*), пятнистая камбала (*Psettichthys melanostictus*), рогатая камбала (*Pleuronichthys cornutus*), желтобрюхая камбала (то же, что четырехбуторчатая камбала), двухцветная камбала (*Kareius bicoloratus*, ср. лат. *bicoloratus* — двухцветный), камбала Григорьева (*Xystrius grigoriewi*), чешуеглазая камбала (*Dexistes ricuzenius*), остроголовая камбала (*Cleisthenes herzensteini*).

Таким образом, семантические связи слова камбала в 30-е годы XX века выходят далеко за пределы группы *Pleuronectes*.

Представим состав группы *Pleuronectes* в 10-30-е годы XX века.

Pleuronectes

<i>P. flesus</i>	речная камбала
<i>P. flesus trachurus</i>	балтийская речная камбала
<i>P. flesus bogdanovi</i>	беломорская речная камбала
<i>P. flesus septentrionalis</i>	северная речная камбала
<i>P. flesus luscus</i>	глосса, глось, камбала, азовская камбала

Таким образом, в связи с выделением новых родовых групп, целый ряд семантических определений выходит из группы *Pleuronectes* в эти годы (*P. platessa*, *P. limanda*, *P. microcephalus*, *P. glacialis*, *P. variegatus*, *P. asper*, *P. japonicus*). В то же время все продолжающаяся дифференциация отдельных видов сразу же отражается и на системе семантических определений. Появляется целый ряд новых определений и соответственно новых русских названий: *P. flesus trachurus*, *P. flesus bogdanovi*, *P. flesus septentrionalis*. Формируется новый синонимический ряд *глосса* — *глось* — *камбала* — *азовская камбала*.

В 40-60-е гг. XX в. уже не происходит столь значительных изменений в семантической группе *Pleuronectes*. В целом она сохраняет тот вид и тот характер, который был приобретен ею в 10-30-е годы.

Данные источников, Берг (1940: 31): *речная камбала* (*P. flesus*), Берг (1948-1949: 1185): *речная камбала* (*P. flesus*), *балтийская речная камбала* (*P. flesus trachurus*), *беломорская речная камбала* (*P. flesus bogdanovi*), *северная речная камбала* (*P. flesus septentrionalis*), *глосса*, *глось* (*P. flesus luscus*), *тихоокеанская речная камбала*, *звездчатая камбала* (*P. stellatus*); Чиноградов (1949: 107); *глосса* (*P. flesus luscus*); Андрияшев (1954: 505): *речные камбалы* (*Pleuronectes*), *северная речная камбала*, *мурманская речная камбала* (*P. flesus bogdanovi*); *звездчатая камбала* (*P. stellatus*); Г. Никольский (1954: 389): *обыкновенные камбалы* (*Pleuronectes*), *речная камбала* (*P. flesus*), *черноморская камбала* или *глосса* (*P. flesus luscus*), *средиземноморская камбала* (*P. flesus italicus*), *западноевропейская камбала* (*P. flesus*), *балтийская камбала* (*P. flesus trachurus*), *беломорская камбала* (*P. flesus bogdanovi*), *северная камбала* (*P. flesus septentrionalis*); у Световидова (1964: 196): *глосса*, *глось* (*Pl. flesus luscus*). Представим саму систему.

Pleuronectes

<i>P. flesus</i>	речные камбалы, обыкновенные камбалы
<i>P. flesus trachurus</i>	речная камбала, западноевропейская камбала
<i>P. flesus bogdanovi</i>	балтийская речная камбала, балтийская камбала
<i>P. flesus septentrionalis</i>	беломорская речная камбала, беломорская камбала
	северная речная камбала, мурманская речная камбала, северная камбала

<i>P. flesus luscus</i>	глосса, глось, черноморская камбала
<i>P. stellatus</i>	тихоокеанская речная камбала, звездчатая камбала
<i>P. flesus italicus</i>	средиземноморская камбала

Сопоставляя материалы 10-30-х и 40-60-х гг., следует отметить, что если в 10-30-е годы, в период становления группы *Pleuronectes*, после значительных изменений, произошедших в связи с выделением отдельных новых групп, число синонимов при тех или иных семантических определениях было еще значительно, то в 40-60-е годы резко возрастает тенденция к синонимии дублетности при тех же определениях. Синонимическая пара *речные камбы* — *обыкновенные камбы* употребляется для обозначения рода, на смеси единственному наименованию *речная камбала* теперь приходит синонимическая пара дублетов *речная камбала* — *западноевропейская камбала*; аналогично синонимическая пара *балтийская речная камбала* — *балтийская камбала* заменяет единственное — *балтийская речная камбала*; ряд *северная речная камбала* — *северная камбала*, *мурманская камбала* — сменяя наименование *северная речная камбала*. При этом наименования 10-30-х годов включаются в новые синонимические ряды как один из его компонентов. Меняется и ряд *глосса* — *глось, камбала, азовская камбала*. Выходит в составе синонимического ряда недифференцированное наименование *камбала* (в связи с уточнением характера вида), словосочетание *азовская камбала* заменяется более точным — книжным словосочетанием *черноморская камбала*.

Стремление к точности наименования, которое бы отражало существенные признаки вида, приводит к появлению наименования *тихоокеанская речная камбала*, рядом со старым *звездчатая камбала*.

Таким образом, в анализируемый период основной тенденцией в развитии группы становится тенденция к уточнению отдельных русских наименований под пером отдельных авторов и, как следствие этого, тенденция синонимии.

Итак, каков путь развития слов таких малых замкнутых лексических групп, как названия рыб, зверей, птиц, явлений природы?

На первом этапе — это сводная жизнь слова в диалекте. В XII-XVII веке многие такие слова попадают в памятники древнерусской письменности. Серьезные расхождения в истории этих слов начинаются в XVIII веке. Здесь один путь ведет их в литературный язык, они постепенно становятся общенародными по распространению словами, обрастают производным, закрепляются в разговорной речи, проникают в язык художественной литературы.

Другой путь развития этих слов — это путь в язык науки. Прямо из диалектов через записи ученых они попадают в XVIII веке в первые научные работы по естествознанию. Здесь в силу интенсивного развития научно-технического знания все время происходит семантическая дифференциация понятий, растет число новых слов и словосочетаний — специальных терминов. Активно идут процессы отмирания устарелых понятий и слов. Все эти процессы премножительно к такой лексике, как правило, не захватывают литературные

ники. Это свидетельствует о том, что внутренние закономерности развития литературного языка и языка науки различны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Л. белом. — Акты беломорские XVI-XVII вв. // Елизаровский И. А. Лексика южнорусских актов XVI-XVII вв. Архангельск, 1958.
- А. Холмог. — Акты Холмогорской таможенной избы. XVII в.
- Ландриашев А. П. Географическое распространение морских промысловых рыб Балтийского моря и связанные с этим вопросы // Исследование морей СССР. 22. Л.
- Андряшев А. П. Рыбы северных морей СССР. М.; Л., 1954.
- Блуменбах И. Ф. Руководство к естественной истории. Т. II. СПб., 1797.
- Берг Л. С. Рыбы пресных вод Российской империи. М., 1916.
- Берг Л. С. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Т. I-II. Л., 1932-1939.
- Берг Л. С. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Т. I-III. М.; Л., 1948-1949.
- Григорьев В. В. Три царства природы. М., 1862.
- Двигубский А. И. Начальные основания естественной истории. М., 1820.
- Кесслер К. Ф. Описание рыб Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1864.
- Книпович Н. М. Определитель рыб Черного и Азовского морей. М., 1923.
- Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1, 2. СПб., 1786.
- Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч. I-IV. СПб., 1771-1805.
- Линдберг Г. У. и Таранец А. Я. Список рыб Владивостокского музея // Зап. Владивост. отд. РГО IV (XXI). 1929. С. 221-266.
- Ловецкий А. Краткое начертание естественной истории животных. М., 1825.
- Начертания естественной истории. СПб., 1786.
- Никольский А. М. Годы и рыбы. СПб., 1902.
- Никольский Г. В. Частная ихтиология. М., 1954.
- Озерецковский И. Я. Начальные основания естественной истории. Т. IV. СПб., 1791.
- Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Т. I-III. СПб., 1773-1788.
- Письма Петра // Сб. РИО. Т. 11. СПб., 1873.
- Световидов А. Н. Рыбы Черного моря. М.; Л., 1964.
- Сент-Илер К. Краткая зоология. СПб., 1860.
- Таранец А. Я. Краткий определитель рыб советского Дальнего Востока и прилежащих Владивосток, 1937.
- Теряев А. А. Главные основания системы царства животных. СПб., 1824.
- Шуберт Г. П. Руководство к естественной истории. Т. II. Дерпт, 1841.

И. Г. Добродомов

НИ В ЗУБ (толконуть/ногой)

Хотя слова по праву считаются первоэлементом литературы и из них составляются художественные тексты, слово как таковое довольно редко привлекает к себе внимание писателей, которые как бы считают, что этим должны заниматься по преимуществу языковеды. Но иногда к какому-нибудь слову или выражению одновременно обнаруживают интерес как писа-

тели, так и языковеды, демонстрируя своеобразие писательского и лингвистического подхода к слову.

В качестве характерного примера можно привести случаи истолкования устойчивого оборота в конце цитаты из стихотворения «Юбилейное» В. В. Маяковского поэтом Н. Н. Асеевым и языковедами-фразеологистами В. Л. Архангельским и А. И. Молотковым:

Вами
лирика
в штыки
неоднократно атакована,

Ищем
речи
точной и
нагой.

Но поэзия —
пресволовнейшая штуковина:

Существует —
и ни в зуб ногой.

В данном контексте идиома *ни в зуб ногой* употреблена как бы в двойном значении: как синоним ходового «не знает ничего» и скорее переносно «знать ничего не хочет», то есть «все игнорирует и требует от поэта неустанного служения ей (т.е. поэзии)». Но все это с трудом выражается с помощью сухих привычных слов и обычно на значние делаются лишь столь же поэтические намеки.

Поэт Н. Асеев в статье «Поэтическая речь» (1958 г.) так комментирует, как бы опираясь на приведенную нами цитату, своеобразие языка В. В. Маяковского: «Точная и нагая речь, оказывается, отыскивается через новые средства выразительности, иногда вовсе не отвечающие прямому смыслу. И ругательное пресволовнейшая оказывается выполняющим значение неодолимости, необходимости, а выражение *ни в зуб ногой*, взятое от уличного летучего словца, убеждает именно странностью своего нелогического обрата* [1, с. 408].

Языковед В. Л. Архангельский эту же цитату из В. В. Маяковского использовал для иллюстрации своего следующего не очень внятного положения: «Окказиональные варианты связаны с преобразованием фразеологических единиц на разных уровнях, часто в связи с индивидуально-художественным творчеством писателя» [2, с. 135]. Суть окказионально-

* Благодарю А. К. Панфилова за указание на этот источник и за другие интересные материалы, которые я использовал в данной статье.

сти (случайности) употребления фразеологизма *ни в зуб ногой* у В. В. Маяковского В. Л. Архангельский не раскрывает, как не смог этого сделать и его последователь А. И. Молотков: «Фразеологизм *ни в зуб ногой* нормативно употребляется в значении «совершенно, ничего» (не знать, не понимать, не смыслить и т.п.). «Жаль только, что я по-немецки *ни в зуб ногой*, — подумал он» (Н. Островский. Как закалялась сталь). Вместе с тем у Маяковского, например, отмечается и такое индивидуально-авторское употребление» [3, с. 193]. Не раскрывает сути авторского употребления фразеологизма и следующая за той же самой цитатой из В. В. Маяковского сентенция: «Разумеется, подобные авторские «вольности» построены как раз на преднамеренном использовании необычной лексической сочетаемости фразеологизма со словами. Но в известном смысле они опираются также и на особенности самого значения некоторых фразеологизмов».

Крупнейший наш языковед В. В. Виноградов обратил внимание на другую форму этого выражения в русском языке XIX века.

В своей большой монографии «О языке художественной литературы» (М., 1959. С. 570) он дал стилистическую характеристику реплики четвертого боярина в диалоге из сочинения М. П. Погодина «История в лицах о Димитрии Самозванце» (М., 1835, с. 37):

Третий боярин: Поставили себе Царя, да и не знаем, что делать с ним. *Дмитрий Петрович!* не скажешь ли что нам?

Четвертый боярин: Ни в зуб толкнуть, братцы. Хоть зарежьте!

В выражении *ни в зуб толкнуть* В. В. Виноградов видит средство исторической стилизации с опорой на элементы простонародной грубой речи: «Особенно далеко в использовании древнерусских выражений пошел М. П. Погодин в своем сочинении «История в лицах о Димитрии Самозванце». Однако и здесь бытовое просторечие носит яркий отпечаток мещанского говора».

Правда, за двадцать с лишним лет до этого В. В. Виноградов фразеологизм *ни в зуб толкнуть* вместе с глаголами: гимназическим *провалиться* (ср. немецкое *durchfallen*) и семинарским *срезаться*, противопоставленными по сфере употребления во втором из «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского (Полн. собр. соч., т. II.; М.; Л., 1935, с. 68), что ускользнуло от В. В. Виноградова, — считал элементами школьного арго, которые «стремительным потоком» вились в литературную речь во второй половине XIX века вместе с другими жаргонно-профессиональными фразами и идиомами демократического происхождения [4, с. 432].

Между этими социо-стилистическими характеристиками выражения *ни в зуб толкнуть* у В. В. Виноградова нет особого противоречия, поскольку в 1938 году был правильно указан школьный первоисточник выражения, а в 1959 году обращено внимание на его дальнейшее распространение в мещанскую среду, но употребление выражения уже в 1835 году у М. П. Погодина наставляет перенести экспансию выражения за пределы школьной среды к более раннему времени, чем вторая половина XIX века.

Отнесение выражения *ни в зуб толкнуть* к числу школьническо-семинарских хорошо подтверждается подчеркиванием этого обстоятельства в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского:

Ученники, как говорится в бурсе, *ни в зуб толкнуть*. (Полн. собр. соч. Т. II. М.; Л., 1935. С. 157).

Ср. в воспоминаниях Н.П. Гиляровса-Платонова о годах учения:

Заставляет переводить. *Ни в зуб толкнуть* никто (Из пережитого. Т. I. М., 1886. С. 67).

В 40-е годы XX века В. В. Виноградов, опираясь исключительно на собранные не названным у него М. И. Михельсоном [5, с. 689] материалы дополнив их цитатой из А. П. Чехова, рассмотрел ранние формы существования выражения *ни в зуб толкнуть* как пример сильной неустойчивости идиомы: «...при экспрессивном употреблении сращения, если позволяю синтаксические условия, опорная часть его может быть равна целому выступать в значении целого. Фразологическое сращение в этих случаях теряет свои части — одну за другой. Например, идиома: *ни в зуб толкнут* (или *толкнуть*) *не смыслит*, *ни в зуб толкнуть не умеет*. У Салтыкова Щедрина в «Современной идиллии»: «Я к Гинцбургу — не понимает... Я Розенталю — *в зуб толкнуть не смыслит*. У Макарова в «Воспоминаниях» «Прелесть что за немочка! Да то беда, по-французски-то я маракую, по-немецки-то *ни в зуб толкнуть не умел*. Тот же смысл имеет выражение *ни зуб толкнуть*, например, у Гончарова в «Обломове»: «Надзиратель придет, хозяин домовый что-нибудь спросит, так ведь, *ни в зуб толкнуть — все я!* Ничего не смыслит...» Ср. у Чехова в рассказе «Репетитор»: В шестой раз задаю вам четвертое склонение, и вы *ни в зуб толкнуть*! Когда же вы наконец, начнете учить уроки? Наконец, одно *ни в зуб* употребляется в том же значении, например, у Достоевского в «Дневнике писателя» (1876 г. февраль): «Человек он темный, законов *ни в зуб** [6, с. 124-125, с. 148].

Исключительно на материале В. В. Виноградова и М. И. Михельсон опирался в 1956 году Б. А. Ларин, который, не учитя соображения основоположника нашей научной фразеологии о былой принадлежности выражения *ни в зуб толкнуть* к мещанской или школьно-семинарской среде, обобщил мнение своего предшественника, но независимо от него отнес истоки идиомы к среде крепостников, что едва ли может быть принято:

«Важным отличием метода акад. Виноградова во фразеологии необходимо признать его разыскания исторического характера. Для ряда фразеологических сочетаний он нашел старшие, более ранние формы в источниках XVIII в. (?), что позволило ему проследить изменения в их составе и структуре на протяжении двух столетий. Когда-то полное речение: *Ни в зуб толкнуть не смыслит*! постепенно сократилось: *Ни в зуб толкнуть!* и даже: *Ни в зуб!* Эти наблюдения над изменениями фразеологического материала, требующие исторических исследований, вплотную подвели акад. Виноградова к перестройке описательной фразеологии в историческую. Но он не сделал этого важного шага».

* Эти соображения почему-то не попали в сборник материалов В. В. Виноградова «История слов». М., 1994.

В примечании к конкретной части высказывания Б. А. Ларин поставил этиологическую задачу: «Следовало бы рассмотреть семантическую перспективу этих изменений объема словосочетания. Если принять во внимание еще и вариант: *Ни в зуб ногой*, то едва ли можно сомневаться, что этот оборот речи крепостной эпохи означал первоначально: 'При надобности даже дать зуботычину для поощрения не умеет!'; затем: 'Ни к чему не годен', 'Ничего не умеет'. В конце концов *Ни в зуб* стало синонимичным выражению: *Ни аз!*» [7, с. 135-136].

Семантическая беззаботность экстравагантной этимологии Б. А. Ларина не может быть преодолена даже путем обращения к литературе XIX века, живописующей битье по зубам ногами (каблуком):

*Даже с родными, не только с крестьянами,
Был господин Полованов жесток;
Дочь повенчав, муренка благоверного
Высек — обоих прогнал нагишом,
В зубы холопа примерного,
Якова верного,
Походя дул каблуком [8, с. 196].*

Приписанные Б. А. Ларину соображения В. В. Виноградова о развитии выражения *ни в зуб толкнуть* получили распространение в языковедческой литературе, став основой для обобщений: «Историки языка обычно рассматривают сокращение числа компонентов фразеологизма в русле процесса изменения пословицы в сочетание. Для Ларина это сокращение было одним из видов «утрачивания подробностей» выражений при их превращении в «сигнальный фрагмент» [7, с. 145]. Такое превращение аргументировалось убедительными гипотезами о происхождении отдельных выражений; например, *ни в зуб (ногой)* Ларин связывал с более пространным *ни в зуб толкнуть не смыслит*. До сих пор, однако, справедливо подчеркивается недостаточная изученность этого процесса»* [9, с. 120].

К более позднему времени относится вариант сейчас уже архаичного выражения *ни в зуб (толкнуть)* — современная идиома *ни в зуб ногой*, которая была неизвестна В. В. Виноградову и не употреблялась до 20-30-х годов XX века. В. Н. Сергеев предложил, отталкиваясь от соображений Б. А. Ларина — В. В. Виноградова, остроумное объяснение возникновения фразеологизма *ни в зуб ногой* в результате контаминации двух самостоятельных выражений: 1) *ни в зуб* (не знать) и 2) *ни ногой* (не ходить, не посещать и поэтому не знать тоже) [10, с. 121-122].

* Ср. суждение В. М. Мокиенко о появлении выражения *ни в зуб ногой* из более краткого *ни в зуб* на с. 150 этой же книги, фактически восходящее к статье В. Н. Сергеева. Ср. также: Фразеологический словарь русского языка / Подред. А. И. Молоткова. М., 1967. С. 176.

Правдоподобие соображений В. Н. Сергеева с учетом позднего появления выражения *ни в зуб ногой* сразу же выбивает почву из-под чисто умозрительной гипотезы о появлении этого выражения как исполненного варианта из якобы полного мифического *ни в зуб ногой толкнуть* [11, с. 8], существование которого в речевой практике весьма сомнительно: он бытует только исключительно в этимологических гипотезах малой надежности.

Аналогичным образом не подкреплена фактическим материалом и сомнительная идея о существовании в русском языке XVIII века для фразеологизма *ни в зуб (ногой)* двух его разновидностей — *ни в зуб и ни в зуб ногой*, — что обусловлено панхронизмом синхронистического мышления специалистов по (современной!) фразеологии* [12, с. 171]. Существование обоих вариантов для русского языка XVIII века сомнительно: фактами оно не подтверждается.

Из-за опоры на поздний вариант идиомы *ни в зуб ногой* с компонентом нога не может быть принята всерьез и акробатически-гимнастическая этимология Н. М. Шанского, В. И. Зимина и А. В. Филиппова, как она дана в их «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» (М., 1987, С. 93): «НИ В ЗУБ НОГОЙ (толкнуть) *Прост.* Совершенно ничего не понимать в каком-л. деле. Собств. русск. с XIX в. Вероятно, от забавы детей: подносить большой палец ноги ко рту и подтрунивать над теми, кто не смог этого сделать». К тому же в этимологии говорится об умении, а в фразеологизме речь идет о знании, что далеко не одно и то же. Ошибочны и указания на то, что фразеологизм имеет собственно русский характер, поскольку его знают белорусский (*ни у зуб ногой*) и украинский (*ни (ан) в зуб*) языки.

Оказывается, что все исторические и этимологические соображения фразеологов, если вообще и опирались на материал, то использовали в своих целях исключительно поздние источники — преимущественно произведения художественной литературы, публицистики и мемуары не ранее второй половины XIX века.

Не придавая слишком большого значения точным датам (годам) употребления в произведениях художественной литературы (заметим, кстати, что использованный у В. В. Виноградова цитатный материал относится соответственно к 1883 г. из Щедрина, к 1882 — из Макарова, к 1850 — из Гончарова, к 1884 — из Чехова, к 1876 — из Достоевского и не иллюстрирует прямолинейно предполагаемое В. В. Виноградовым сокращение данного фразеологизма), я тем не менее должен подчеркнуть, что самая старшая известная мне литературная фиксация школьного фразеологизма в первой главе рассказа Н. В. Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» относится к 1831 году, иллюстрируя употребление выражения в школьной среде, причем представлена она в кратчайшем виде:

«... он своего урока в зуб не знал ...» (Полн. соб. соч. 1, М., 1940. С. 285).

* Указано А. К. Панфиловым.

Чуть к более позднему времени (1838–1843) относится и его фиксация в малороссийском (украинском) диалектном словаре старшего современника и полтавского земляка Р. В. Гоголя писателя П. П. Белецкого-Носенки (1774–1856). В его известном «Словаре малороссийского, или юго-восточно-русского языка» под словом *зуб* даны сведения по употреблению этого существительного в составе фразеологии: «Употребляется в виде наречия: *У него (чёма) ани в' зубъ*. У него ничего нет; не сищешь. У него нечего есть. *Винъ ани в зубъ*. Он ничего не знает; ничего не выучил» [13, с. 160].

Эти материалы обращают на себя внимание и побуждают к поискам новых фактов, которыми можно было бы уточнить собранный М.И. Михельсоном и В. В. Виноградовым материал на предмет его представительности. Как видим, у Н. В. Гоголя выражение *в зуб не знать* еще не имеет подчеркивания (эмфазы) отрицания, что как бы говорит о древнейшей форме выражения, в виде частицы *ни*, без которой сейчас это выражение немыслимо. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля также приводит выражение *В зуб толкнуть не смыслит* (под словом *толкать*). Сейчас в выражении *ни* и *зуб* начальный компонент в виде частицы *ни* выступает как усиление отрицания *не*, причем последнее может и опускаться.

На неэмфатическую разновидность выражения никто из исследователей, кажется, не обращал внимания.

Остается нерешенным вопрос о том, зародилось ли это выражение в самой школьно-бурсацкой среде или же оно в последней только приобрело характерную обработку. Имеющийся (правда, весьма пока скромный) материал говорит в пользу второй возможности, поскольку для конца XVIII века зафиксирован похожий фразеологизм *нечем в зуб толкнуть*, но применительно не к скудости знаний, а к скудости прожиточных средств, скудости провианта. В связи с этим смысловым расхождением возникает вопрос о том, связаны ли эти выражения между собой.

В этом плане особый интерес приобретает употребление восьмидесятиного выражения *нечем в зуб толкнуть «нечего есть»* в комедии И. Соколова «Судейские имянины»:

[..] «скоро и до тово дойдет, что не чем будет в зуб толкнуть. Не давно через мои руки последние сто душ продал» [..]* [14, с. 55].

Ни материалы И. Соколова, ни Н. В. Гоголя, ни П. П. Белецкого-Носенки не попадали в поле зрения лингвистов и не получили пока удовлетворительного объяснения.

Можно высказать осторожное предположение, что выражение *нечем в зуб толкнуть «нечего есть»* стало в бурсацкой среде применяться к оставленным без обеда за незнание урока бурсакам и лишь постепенно приобрело

---

* Благодарю А. И. Молоткова за указание на этот интересный пример.

смысл оценки совершенно недостаточных знаний*. Но это предположение нуждается в поддержке дополнительным материалом, который пока еще не собран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А сеев Н. Н. Стихотворения, поэмы, воспоминания, статьи. М., 1990.
2. А рхангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов, 1964.
3. М олотов А. И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.
4. В ионградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. 2-е изд. М., 1938.
5. М ихельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. I. СПб., 1902.
6. В ионградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
7. Л арин В. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
8. Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо // Полн. собр. соч. и писем. В 15 тт. Т. V. Л., 1982.
9. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. изд. 2-е. М., 1989.
10. С ергеев В. Н. Ни в зуб ногой // Русская речь. 1971. № 6.
11. К олесникова Л. Н., П олопин Р. Н. К вопросу о вариантиности фразеологических единиц // Проблемы фразеологии. Тула, 1980.
12. М олотов А. И., О сипова Э. В. Проблема отдельности фразеологический единицы на материале русского языка XVIII // Развитие словарного состава русского литературного языка XVIII века. Вопросы словообразования. Л., 1990.
13. Б илецкий-Носенко П. П. Словник української мови. Київ, 1966 Ср. у него же на с. 44 «АНИ В' ЗУБ (наречие отрицательное). Нечего есть. Ничего нет. Ничего не знает.
14. Росийский театр. Ч. 35. СПб., 1790. С. 55.

А. В. Камкин

СЕВЕРОРУССКИЕ МИКРОТЕРРИТОРИИ В XVIII ВЕКЕ: из опыта самоорганизации народной жизни в «эпоху абсолютизма»

Универсальная северорусская крестьянская триада — «волость-приход община» — вступила в эпоху нового времени, обладая многопоколенным опытом саморегулирования и самоорганизации. XVIII век заметно ускорил процесс интеграции указанной триады в российские государственно-власт

* В связи с этим предположением я не могу теперь со всей уверенностью отстаивать свои сейчас уже устаревшие предположения, изложенные в моей статье: «К изучению семинарско-школьнического вклада во фразеологию восточнославянских языков» сборнике «Язык и культура. Вторая международная конференция. Доклады». Киев 1993 С.112-118. Здесь подобраны также другие фразеологизмы с компонентом зуб выучить, знать на зуб(ок), чтобы от зубов отскакивало и т.п.

ные и церковно-административные структуры. Разумеется, нельзя сказать, что подобная интеграция стала присуща черносошному Северу лишь в XVIII веке, — она вполне выявлена и в рамках предыдущих периодов истории [1]. Новой была его интенсивность и наступательность, вызванная к жизни известными особенностями российской государственной системы так называемого абсолютизма, общим нарастанием принципов всеобщей регламентации в управлеченческой практике.

Вместе с тем, нетрудно заметить, что две крупные реформы местного управления, проведенные в XVIII столетии (петровская и екатерининская), практически не затронули традиционных границ и институтов крестьянских сообществ Севера. Без видимых изменений для деревенских приходов прошло и учреждение огосударствленной Синодальной Церкви и последовавшая после губернской реформы 1775 года подгонка епархиальных границ под губернские. Вот почему вполне закономерен вопрос о реальном статусе, состоянии и жизнедеятельности традиционных крестьянских сообществ в таких условиях. Вопрос этот сложен и многогранен [2].

В рамках данной статьи высвечивается лишь одна из его граней — судьбы микротерриторий. Имеются в виду те малые, локальные союзы-объединения волостей, приходов и общин, которые естественно сформировались в ходе освоения и заселения Севера и всегда существовали в его реальной территориально-пространственной системе. Они как бы дополняли официальную двухзвенную административную систему XV-XVII веков (уезд-волость) и всегда *de facto* признавались властью. Микротерриториальные объединения усиливали позиции крестьянских миров в различных социальных коллизиях и в крестьянском обществе осознавались в качестве необходимого института самоорганизации. Специальное изучение вопроса о традиционных межмирских микротерриториях оправдано еще и потому, что петровское четырехзвенное местное управление (губерния-провинция-уезд-волость) и екатерининское трехзвенное (губерния-уезд-волость) формально не предусматривали каких-либо иных административно-территориальных промежуточных образований. А это значит, что случаи их бытования в XVIII веке могут существенно поправить имеющиеся представления о реальной практике местного управления. Весьма важно это и для накопления знаний о традиционных этнокультурных ареалах и всем укладе духовной жизни деревни той поры.

Основными источниками данной статьи стали документы Генерального межевания земель, губернские и уездные планы и атласы (РГАДА, Ф. 1355, 1356), фонды местных учреждений в центральных архивах (РГАДА. ф. 451 — Великоустюгская провинциальная канцелярия. Ф.609 — Яренская воеводская канцелярия. Ф. 1206 — Устюжский архиерейский дом), в том числе коллекции волостных фондов в архиве С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН (Ф. 138 — Дмитриевская Устьянская волостная изба). В республиканских и областных архивах Европейского Севера Российской Федерации обследованы фонды местной администрации губернского и епархиального уровня: Архангелогородской губернской канцелярии, Вологодского наместнического правления, Великоустюгской провинциальной канцелярии, Вологодской казенной палаты, Архангельской,

Вологодской и Великоустюгской духовных консисторий. Особенно тщательно просматривались фонды уездного звена: воеводских канцелярий, уездных казначейств, городовых магистратов, нижних и верхних расправ, нижних земских судов, уездных духовных правлений, православных приходов и др. Именно здесь находятся документы (доклады, рапорты, донесения, представления и записки крестьянских должностных лиц, порядные, поручительства, отпускные и заемные письма, расписки, подписки, квитанции, изветы, договоры, свидетельства, одобрительные письма, мирские челобития, наказы крестьянским посыльщикам и мн. др.), отражающие все многообразие действий традиционных крестьянских сообществ в конкретной исторической и социокультурной среде, а также непосредственное повседневное проявление взаимосвязи «власть-общество».

Использованный документальный массив позволил вполне уверенно выделить наиболее типичные варианты бытования неформальных или полуформальных микротерриторий на Европейском Севере в XVIII веке.

Во-первых, в официальном делопроизводстве и управленческой переписке XVIII века не переставала употребляться традиционная группировка волостей в пределах уездов. Так, в Нижнем Подвиде волости, расположенные в районе Холмогор, продолжали именоваться Околопосадными, в районе Архангельска — Низовскими или Окологородными, в среднем течении Двины — Емецкими, т.е. как бы сохранялись существовавшие в прежние века «трети» уезда. В подобные же «трети» продолжали объединяться и волости Велико-Устюгского уезда — Сухонская, Двинская и Южская (т.е. расположенная по реке Югу). В Коми крае во всех управленческих ситуациях также постоянно имелись в виду прежние волости-земли — Вычегодская земля, Вымская земля, Удора, Ужга, Сысолыская земля и пр. В деловой переписке арханглородского губернатора Е. А. Головцина (1760-1770-е годы) волости Ваги, как и прежде, продолжают группироваться в станицы: Верховажский (5 волостей), Вельский (6 волостей), Тавренский (9 волостей), Ромашевский (8 волостей) и т.п. Подобные кусты волостей имелись и в иных зонах Европейского Севера [3]. Источники свидетельствуют также о том, что власти в XVIII веке при необходимости опирались на указанные объединения волостей не только при переписке и организации разного рода сборов (денежных сумм, информации и т.п.), но и при ведении судных и розыскных дел, при организации выборов крестьянских поверенных в Уложенную комиссию 1767 года, а позднее — в ходе формирования новой модели местного управления и судопроизводства по Екатерининской реформе 1775 года — при выборах заседателей в нижние и верхние расправы.

Во-вторых, подобные микротерритории нередко использовало и крестьянское самоуправление. Как правило, потребность в межволостном единении возникала при организации совместного несения государственных повинностей, особенно новых (рекрутской, охраны лесов, мобилизации для строительства Петербурга, содержания питейных и соляных магазинов и пр.). В таких случаях фиксируются межволостные сходы мирских поверенных. Примером может стать состоявшийся в марте 1795 года многолюдный (80 представителей) сход пяти волостей Тотемского уезда по поводу задержки с выплатой прогонных денег «за почтовую гоньбу» по Устюжской дороге.

Был избран общий посыльщик, которому сход поручил добиваться — «где надлежит» — восстановления справедливости. Ярким примером такого же единения волостей было и совместное выступление 11 Окологородных волостей Двинского уезда в 1766 году, протестовавших против растущей дороживши на архангельском хлебном рынке [4]. Впрочем, объединяясь крестьянское самоуправление не только для организаций акций протеста, чаще межволостные сходы собирались для поиска оптимальных путей исполнения государственных повинностей — выбора общего рекрута, распределения обязанностей по содержанию путей коммуникаций и пр.

В-третьих, свои микротерритории создавали традиции межприходского общения и православного благочестия. Так, известно, что священникам некоторых храмов поручалось быть духовниками для священно- и церковно-служителей ближайших приходов и членов их семей. Практически создавались своего рода локальные союзы приходского духовенства, основанные не только на территориальной близости, но и на особом духовном единении, неизбежно вытекавшем из совместного причащения и исповедования общему духовнику. Сравнение указанных объединений с межволостными микротерриториями хоть и не показывает их полной идентичности, но всегда обнаруживает совпадение их исторического ядра [5]. Близки к межволостным микротерриториям были и «заказы» — церковно-административные округа, объединявшие от 8 до 15 приходов и находившиеся под контролем старшего священника («десятского попа», позднее — благочинного).

Известны обычаи межприходских крестных ходов. Повсеместно бытова-ли традиции межприходского поклонения местночтимым святым, явленным, чудотворным или особо почитаемым иконам. Так, известен массовый межприходской крестный ход 6 июля в Дедовскую Троицкую пустынь (Тотемский уезд), ежегодный крестный ход к небольшой Никольской часовне на территории старинного Лявленского прихода в нижнем Подвилье, паломничества богомольцев из всех соседних приходов к иконе священномученика Власия (Тулгаский приход Подвилья), почитание всем нижним Поонежьем чудотворной иконы великомученицы Варвары (Владыченский приход) и многое др. [6].

Показательно, в-четвертых, что во многих микротерриториях образовывались малые круги храмоименований. В данном случае имеется в виду та особенность в пространственном размещении приходских церквей, когда именования их престолов образовывали вполне законченную систему в пределах микротерритории (иными словами, в ее пределах налицаствовали все принятые в Православии группы храмоименований: господские, архангельские, богоческие, апостольские и пророческие, во имя святых и святыни). Подобная сакральная география, вмещавшая в себя всю полноту православных духовных ценностей, существенно укрепляла единство микротерритории. Между приходами микротерритории складывались традиции взаимопосещения в дни престольных праздников. В течение года престольные праздники перемещались из прихода в приход, благодаря чему каждый из них раз в году становился центром большого народноправославного торжества всей микротерритории. К единению историческому, торжово-хозяй-

ственному, тягово-податному и пр. добавлялось единение литургическое, духовное.

Наконец, в-пятых, тяготение крестьянских сообществ друг к другу могло вызываться общим владением недвижимой собственностью, а также принадлежностью к той или иной категории крестьян.

Таким образом, у нас есть все основания считать, что реформы местного управления XVIII века почти не затронули микротерриториальные системы расселения, т.е. первую и самую близкую крестьянским сообществам внешнюю территориально-пространственную среду. В своей основе они остались традиционными. Существуя неформально (или — до поры до времени — полуформально), микротерритории продолжали сохранять огромный запас прочности. Ее истоки лежали в генетической общности близлежащих деревень и приходов, в многообразии объединяющих факторов, а также подкреплялись природно-географическими особенностями северороссийских ландшафтов. И в условиях XVIII века сохранялась многовариативность крестьянских сообществ и эффективность их взаимодействия в пределах микротерриторий. При этом историческая действительность указывает на заинтересованность в сохранении таких пространственных систем как со стороны крестьянских сообществ, так и провинциальной (уездной) администрации. Для одних они умножали силу воздействия акций социальной защиты, были первым шагом за круг внутриволостного (внутриприходского) пространства, средством обогащения форм общения, укрепления духовного и праздничного строя деревни. Для других микротерритории становились удобным средством оперативного информирования, управления и контроля за государственными крестьянами в обширном и редкозаселенном пространстве Европейского Севера России.

Можно говорить и о том, что российской государственно-административной, территориальной и правовой системе XVIII века была свойственна готовность к региональной адаптации, к осмотрительному ее совмещению (исторически оформленной системой расселения, хозяйствования, социальной и духовной организации чернососинно-государственной деревни Севера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. Т. 1-2 М., 1909, 1912.; Колесников П. А. Основные этапы развития северной общины // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976; Васильев Ю. С. Аграрные отношения в Поморье XVI — XVII вв. Сыктывкар, 1979; История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984; Швейковская Е. Н. Государство и чернососинные крестьяне России XVII века. Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. М., 1993.

2. Камкин А. В. Общественная жизнь северной деревни XVIII века. Вологда, 1990; Еже. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII веке. Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. М., 1993.

3. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 415. Л. 1-22, 107-110; Д. 649. Л. 1-2 и др.; Д. 13254; Ф. 88. Оп. 1 Д. 140. Л. 7-7 об. и др.

4. ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 710. Л. 721 об.; Камкин А. В. «Недородные годы» в нижнем Подвийне (комплекс источников 1766-1767 гг.) // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992.

5. ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 9.; ГАВО. Ф. 496 Оп. 1. Д. 469. Л. 331-331 об.; Оп. 19. Д. 390. Л. 16-108.

6. Амвросий. История российской иерархии. Ч. 2. М., 1810; Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. С. 88-91, 178-182; Вып. 2. С. 182-186.

Л. М. Кознева

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛОВЫЕ ИМЕНА В ДЕЛОВЫХ СЕВЕРНОРУССКИХ ТЕКСТАХ XVI-XVII вв.

Обращение к собирательным числовым именам, сравнительно частотным в деловых севернорусских текстах XVI-XVII вв., предопределено двумя взаимосвязанными факторами. Во-первых, представляется целесообразным описать функционирование данной лексико-грамматической группы слов в текстах этого региона, что не было до сих пор предметом специального исследования. Во-вторых, очевидна связь данных образований с лексико-грамматической характеристикой сочетающихся с ними имен существительных (представленная и в современном русском языке). И проблемы интерпретации лексического значения существительных (а также и проблемы лексикографического характера), встающие перед лексикологами и лексикографами, в частности, перед составителями Словаря промысловой лексики Северной Руси (рук. Ю. И. Чайкина), в ряде случаев могут решаться и на практике иногда решаются с учетом сочетаемости существительных с собирательными счетными именами.

Анализ материала обнаруживает весьма обширный набор образований с суффиксами *-ој-*, *-ер-*, который включает в себя не только собирательные первого десятка: *двоє коней* (Чел., 1653 — ДПВК, 47) / *двои сани* (РК Сп.-Прил. м., 1604 — ДПРС I, 23), *трое іагніат* (Чел., 1653 — ДПВК, 47) / *трои пошевни* (РК Сп.-Прил. м., 1604 — ДПРС I, 23), *шестеро овець* (ОР Шенк., 1661 — ДПРС I, 9) / *шестеры дровни* (РК Сп. Прил. м., 1604 — ДПРС I, 18), *осмеро *вываживалников* (РТ п. Н. Мокр., 1663 — ДПВК, 52) / *осмеры колеса* (КУД Тот., 1606 — ДПРС I, с. 39) и др.; но и второго десятка: *одиннадцатицетиры водяницы* (Оп. Белоз. рыб. д., 1679 — ДП II, 28), *двенадцатицетиры поршни* (РК Важ. м., 1598 — ДПРС I, 3) и *двоенадцатицетиры рукавицы* (РК Сп.-Прил. м., 1604 — ДПРС I, 17), *четырнадцатицетиры пришвы* (РК Тр.-Гл. м., 1634-35 — ДПРС II, 12) и *четвернадцатицетиры колеса* (ПРК Сп.-Прил. м., 1632 — ДПРС I, 57), *осмнадцатицетиры петли* (Солов. м., 1698 — КСПЛ) и *осмнадцатицетиры дровни* (ПРК К.-Белоз. м., 1567 — КСПЛ) и др. Представлены также собирательные образования для названий десятков: *дватцетиры рукавицы* (РК Важ. м., 1598 — ДПРС I, 5), *тритцетиры сохи* (Оп. им. Сп.-Прил. м., 1654 — ДПРС II, 6), *пятьдесятцетиры рукавицы* (ТК Уст. Вел., 1676-77 — КСПЛ), *шестьдесятцетиры рукавицы* (там же); для обозначения количества внутри десятков: *дватцат двои сохи* (КУД Тот., 1606 — ДПРС I, 48), *дватцат семеры сани* (ПРК К.-Белоз. м., 1567 — КСПЛ),

дватцат осмеры четки (РК Сп.-Прил. м., 1604 — ДПРС I, 20), тритцат пятеры гужи (ТК Уст. Вел., 1633-34 — КСПЛ), семьдесят пятеры рукавицы (ТК Уст. Вел., 1676-77 — КСПЛ) и др.

Морфемная структура более частотных образований первого десятка стандартна: *двоє/двои, пятеро/пятеры, десятеро/десятеры* (различия флексивного характера связаны с сочетаемостью этих имен).

Стандартна структура и собираательных названий десятков: «основа мотивирующего количественного числительного + -ер-» (за исключением 40, 90): *дватцатеры, тритцатеры* и под.

По той же модели могут образовываться и собираательные второго десятка: *одиннадцатеры, двенадцатеры, четырнадцатеры, осмнадцатеры*. Вместе с тем представлены и иные способы образования соответствующих имен. По-видимому, под воздействием модели, актуальной в этот период для количественных числительных, в которой словоформа И.-В. количественно-го числительного первого десятка соединялась с суффиксальным показателем второго десятка *-натцат-* (типа *двенадцать, тринадцать* и зафиксированное в исследованных текстах *четыренадцать* — РК Сп.-Прил. м., 1604 — ДПРС I, 24), создаются и аналогичные собираательные образования: *двоє-натцат-ер-ы, осмеры-натцат-ер-ы*. В данных образованиях обнаруживается суффиксальное дублирование значения собираательности (ср. также более ранний пример, приведенный А. А. Шахматовым, — *девятеро-натцатеро* — Новг. писц., 1495 [I, с. 148]). Интересно, что флексивная вариантность отражается и в структуре этих образований: *двоє-* (по-видимому, по аналогии с *две-*), но *осмеры-, девятеро-*. В именах такого типа может быть также отражена редукция конечного гласного (окончания) собираательного первого десятка — *четвернадцатеры*.

В составных собираательных, обозначающих числа внутри десятков, значение собираательности формируется включением в двусловное сочетание собираательного имени первого десятка: *дватцат двои* и под.

Неустойчивость морфемной структуры собираательных имен второго десятка, особенно очевидная на фоне стандартности других собираательных сущных слов, связана, вероятно, прежде всего с меньшей частотностью в языке этих образований, а также с меньшей стабильностью соответствующих количественных образований.

Содержание и формуляр деловых текстов предопределяет различную частотность тех или иных словоформ описываемых имен. Так, наиболее частотной является форма И.-В., включающаяся в конструкции типа 'купил/явил/дано + количественно-именное сочетание в В.п.' и др. Встречаются также словоформы дательного падежа, обычно в сочетании с одушевленными существительными, формы родительного падежа. Характер представленного в текстах материала не дает возможности увидеть всю словоизменительную парадигму собираательных образований. Однако имеющиеся факты позволяют предположить наличие в косвенных падежах адъективной местоименной системы флексий множественного числа: ... от лехченья жеребят шестерых (КП Тр.-Гл. м., 1684 — ДПВК, 84), ...от трех рубах да от троих штанов (РК Тр. — Гл. м., 1634-35 — ДПРС II, 13), ...дал шестерым робенком (ПРК Сп.-Прил. м., 1632 — ДПРС I, 58), ...дал пятым старцам, ...дал семерым робенком (там же).

Словоформы И.-В. характеризуются флексиями *-о/-е, -ы/-и: десятеро лошадей, двое коней, двои подошвы, четырнадцатеро колеса*. При этом, если *ы/-и* совпадает с унифицированной к тому времени флексией И.-В. мн.ч. именного склонения [2, с. 148-149], то флексия *-о/-е* соотносится с флексией ср.ч. ср.р., в которой можно усматривать «идею собирательности, множественности как единого целого» [2, с. 265].

Образования с формантом *-о* управляют формой Р. мн.ч. существительных: ...да копны возили на сухоне *четверо робят* (РК Сп.-Прил.м., 1632 — ДПРС I, 56) ...подковывал кузнец *десятеро лошадей* (КУД Тот., 1606 — ДПРС I, 45). В косвенных падежах они согласуются (примеры см. выше). Тем самым словоформы типа *двоое, десятеро* и под. с точки зрения грамматической адекватны аналогичным образованиям в современном русском языке.

Словоформы с флексией *-ы/-и* согласуются с соответствующей словоформой имени существительного, функционируя как прилагательные: ...*купил четверы поршни* (РК Важ. м., 1598 — ДПРС I, 6), ...*девятеры сожи острял* (РТ п. Н. Мокр., 1663 — ДПВК, 52).

Следует отметить своеобразие сочетания собирательных счетных имен со словосочетанием 'имя существительное + прилагательное'. При согласовании собирательного имени с существительным в форме И.-В. прилагательное может иметь вариативные формы — И.-В. мн. ч. (более частотны) или Р. мн. ч.: ...*двои дровни сани дубовые* (КУД Тот., 1606 — ДПРС I, 35), ...*наимывал шит трои сапоги братцкие* (РТ п. Н. Мокр., 1663 — ДПВК, 51), ...на Вологде купили осмеры колеса любимъских (КУД Тот., 1606 — ДПСР I, 39).

Включение в данные словоформы Р. мн. ч. прилагательного, по-видимому, предопределяется «распространением модели 'название числа в И.-В. + Р. существительного' на все сочетания числительных с существительными под влиянием давних конструкций типа *пять* (и т. д.) *столов, лѣт, коров с* Р. мн. ч.»* [2, с. 277].

Анализ сочетаемости описываемых имен с существительными позволяет предполагать, что северорусские тексты отражают общерусские закономерности.

Образования с формантом *-о/-е* (И.п.), обнаруживая связь с развитием категории одушевленности, сочетаются а) с существительными муж.р. — названиями лиц: *четверо робят* и др. Среди них может быть и существительное *человек*: ...*наимовали на лодю казаков шестерых чловкъ* (КУД Тот., 1606 — ДПРС I, 53). Ср.замечание Г. А. Хабургаева относительно неупотребительности этого существительного в сочетании с собирательными, основанное, по-видимому, на материале южнорусских текстов [2, с. 264]; б) с названиями животных, в том числе невзрослых: *десятеро лошадей, шестеро овец, троє г҃гнта т* и т. д.

* По наблюдениям Г. А. Хабургаева, проиллюстрированным южнорусскими примерами, в сочетаниях с числительными при существительных в Р. ед. или И.-В. мн. в письменных памятниках с XVI в. согласуемые слова оказываются, как правило, в Р. мн. [2, с. 277].

Употребление собирательных числительных в сочетании с именами лиц в контекстах, указывающих сумму оплаты за тот или иной вид работы, выполняемой несколькими лицами, последовательно и вполне оправданно, так как за всю совместно выполненную работу выплачивается общая сумма: ...дал шестерым робенком волочили мохъ въ болотъ и отъ возъки шестнадцат алтын пят денег (ПРК Сп.-Прил. м., 1632 — ДПРС I, 58). Но ср. Наимовали в дрвнс на Галецкой четырех члвкъ орат паренины дали члвку по четыре алтыны итог шеснадцат алтын (КУД Тот., 1606 — ДПРС I, 49).

Сложнее выявить закономерности употребления собирательных числовых образований в сочетании с названиями животных. В одном и том же контексте возможно употребление и собирательного, и количественного имени: Да во дворе скота: кобыла гнедая да дѣвъ коровы и третяя телушка, да шестеро зимовых овецъ бѣлыхъ, да дѣвъ ягушки (ОР Шенк., 1661 — ДПРС I, 9). Пожалуй, более последовательно употребляются собирательные имена с названиями молодых животных на -ата, которые обычно соединяются с представлением о неделимой множественности, сплошной массе предметов [3, с. 147]: ...да скотины мерин да кобыла да двое жеребятъ три коровы да телица четыре овцы шестеро ягънятъ два улья со пѣчелами (Чел. Влгд. у., 1686 — ХИВГ, 41); ...да двое коней кобылка и гренъ противъ десятате травы да меріонкъ гнѣдъ противъ шесты травы... да двое овец под німі троє ягн та т (Чел., 1653 — ДПВК, 47).

В исследованных текстах встретилось сочетание образования на -о с существительным, характеризующимся лексическим значением собирательности, которое при этом выступает в форме Р. ед. ч. и имеет значение genet. part.: ...у батюшки де у моего есть рублев з дватуцеть, лошадей с шесть..., рогатого скота пятнадцато, овецъ восмь больших, осннатцеть ягнят, восмь свиней больших (ОСВД У, 95).

Образования с формантом -ы/-и сочетаются а) с именами pluralia tantum (это предметно-бытовая лексика, а также существительное сутки): двои сани, трои пошевни, десятеры грабли, двои часы, двои сутки) ПРК Сп.-Прил. м., 1599 — ВХК, 229); б) с существительными, имеющими соотносительные числовые формы, но обычно выступающими во множественном числе, так как они обозначают парные предметы, то есть «предмет в той целостности, которая значима в реальной действительности» [4, с. 115]: двои подошвы, дватцатеры рукавицы и т. д. Это названия обуви, различные названия рукавиц, женские украшения, хозяйствственные предметы.

В сочетании с именами pl. tant. собирательные имена функционально равнозначны соответствующим количественным, и двои сани — это дви соответствующих предмета, десятеры грабли — десять предметов.

Иное семантическое содержание усматривается в сочетаниях с существительными, характеризующимися 'естественной парностью'. В них представлено значение парности, то есть двои подошвы — это две пары (и четыри предмета), десятеры рукавицы — десять пар (и двадцать предметов). В случае необходимости указания на одну пару ('единичность пары') используется сочетание со счетно-местоименным прилагательным одне: ...а с ним устюжской покупки одне сапоги женские телятинные (ТК Уст. Вел., 1676-77 — КСПЛ); ...на плотине мелнишной шнбарь а в нем жерновы шднъ ...д

за белым иззеромъ в селѣ маексе мистрьская мелница два инбара мелнишных а в них трои жерновы (Оп. им. У-Шех. м., 1661 — ДПРС II, 22). Тем самым для парных имен словосочетание типа *одне сапоги* функционально замещает в традиционно трехчленной числовой оппозиции старую форму двойственного числа: *сапог — одне сапоги — сапоги*. Как известно, с утратой двойственного числа представление о двойственности «растворяется в более широком представлении о множественности» [5, с. 17]. Однако для старорусского языка, судя по деловым текстам, категория парности (ранее также выражавшаяся формами двойственного числа) оказывается актуальной, и существующая в реальной действительности потребность обозначения парности осуществляется на языковом уровне посредством сочетания собирательного прилагательного с формой мн. ч. существительного. Для некоторых имен это значение может передаваться и лексически: ...сапогов больших 20 обувей да малья 32 обуви (ТК Уст. Вел., 1633-1634 — КСПЛ), ...явил продать товару ...сапогов пришв 10 обувей (ТК Уст. Вел., 1633-34 — КСПЛ). Слово *обувь*, представленное в этих контекстах, имеет значение 'пара' [6, с. 184].

Закрепление собирательных имен (а не количественных числительных) в сочетании с pl. tant., сформировавшимися на основе собирательной множественности [7, с. 236], объясняется, по-видимому, тем, что pl. tant. не могли сочетаться с количественными числительными, с давних пор управлявшими формами Р. мн., которые предполагали разделительную множественность. Невозможность сочетания pl. tant. с числительными *два, три, четыре* определяется развивающейся моделью управления Р. ед.

Класс имен pl. tant. активно пополняется после распада двойственного числа и последовавшего разрушения словоизменительного единства числовых форм [5, с. 19]. Первоначально соотносимые числовые образования теряют соотносительность, возникающее семантическое противопоставление форм числа приводит к лексикализации множественного числа.

Процесс этот отражается и в исследованных текстах. О лексикализации форм мн.ч. может свидетельствовать сочетаемость словоформы мн.ч. неодувленного предметного имени с собирательными числовыми наименованиями. Однако, как отмечалось, плюральная словоформа в таком сочетании может иметь контекстуальное значение парности. А это ставит вопрос о разграничении имен с соотносительными числовыми формами и формами лексикализованными.

В ряде случаев значение парности достаточно очевидно и последовательно отражено в текстах. Например, в тех случаях, когда существительное обозначает обувь, рукавицы (в лексикографической практике может возникнуть лишь вопрос о характере словарной формы, и, как представляется, указанная сочетаемость, фиксирующая узульное преобладание плюральной словоформы, делает более предпочтительной форму мн.ч.).

С другой стороны, целый ряд имен последовательно функционируют в текстах как имена pl. tant. Это лексемы, обозначающие (чаще) двусоставные предметы, а также сложносоставные предметы — одежду, инструменты, предметы сельскохозяйственного быта и др.: *сани, пошевни, дрѣзвни, четки*,

грабли, вилы, штаны и т. д. В случае необходимости счета они сочетаются только с собирательными числовыми именами.

Сложнее решить вопрос о лексико-грамматическом характере слова, сочетающегося как с количественным, так и собирательным числовым именем. Так, например, в исследованных текстах встречается составное наименование *дерева хомутные*: Купил *дерев хомутных* да лыкъ на пять алтын на двѣ денги (РК Сп.-Прил. м., 1604 — ДПРС I, 22), Да купил ...*трои дерева хомутные* (РК Важ. м., 1598 — ДПРС I, 5). Существительное в составе этого наименования последовательно употребляется в форме мн.ч., при указании на количество сочетается с собирательными именами. (Носр. купил пять *деревъ образных* — РК Сп.-Прил. м., 1604 — ДПРС I, 19). Сл РЯ XI-XVII фиксирует это сочетание: «*Дерево хомутное. Купил 65 ужицъ сенныхъ да двадцати трои дерева хомутныхъ*. Кн. прих.-расх. Прил. м. № 45, 30 об. 1609» (Сл. РЯ XI-XVII, 4, 221). *Дерева хомутные* — это основная часть хомута, состоящая из двух полуovalных деревянных деталей, скрепленных в верхней части (совр. проф. *клещи*, слово *клещи* с этим значением отмечено и в старорусских текстах — СлРЯ XI-XVII, 7, 169). С точки зрения соотношения с реальной действительностью *дерева хомутные* не отличаются от *ножницы* (*шестеры ножницы* овечи — ПК Белоз. у., 1672 — ДПРС II, 18): и то, и другое двусоставное, части соединены в процессе создания нового предмета (не *случайна* и *номинация* *клещи*). В современных говорах эта лексема функционирует как pl. tant., например: «*Дерёва, мн., дерсв. Деревянные части хомута, стягиваемые под шеей лошади ремнем*» (СВГ, 2, 21). Есть все основания считать словоформу мн.ч. данного наименования лексикализованной, не соотносимой с формой ед. ч.

В некоторых случаях, как кажется, процесс лексикализации плюральной формы еще не завершен. Так, представленное в СЛРЯ XI-XVII существительное *пола* в значении «2. Бок, край разрезанной вдоль по брюху шкуры или выделанной кожи; полотнище меха или выделанной кожи» (СлРЯ XI-XVII, 16, 189), в текстах одного времени и жанра (РК), но разных территорий (Важ. м. и Сп.-Прил. м.) характеризуется различной сочетаемостью в аналогичных контекстах. В РК Сп.-Прил. м., 1604 оно выступает в форме мн.ч. и сочетается с собирательными именами: купил *двои полы дубленные* да *пять алтын на двѣ денги...*, купил *трои полы бѣлых галецких...*, *четверы полы...* (ДПРС I, 17, 20, 26). В РК Важ. м., 1598 это имя со значением единичности — в форме мн.ч.: Купил *полы на перѣды*, дал 2 ал 3 дс... купил *полы дубленные* большие, дал 5 ал..., но сочетается оно с количественным числительным: ...купил *две полы дубленные* на заплаты, дал 4 алтына 2 де. (ДПРС I, 5). Такое словоупотребление, возможно, отражает идущий процесс лексикализации мн.ч. данной лексемы (в Важском тексте).

Таким образом, в истории описываемых имен обнаруживается сложное взаимодействие лексических и грамматических факторов. Семантика существительного предопределяет формально-грамматический характер собирательных счетных слов, судьба которых оказывается тесно связанной с развитием грамматических категорий одушевленности и числа. Изменение лексического значения существительного и его иное грамматическое офор-

иение получает выражение на синтагматическом уровне в сочетаемости с обирательными счетными именами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1952.
2. Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
3. Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2. Л., 1931.
4. Чельдова Л. К. Форма множественного числа имен существительных как исходная форма в лексикографии на материале толковых словарей современного русского литературного языка // Грамматика и норма. М., 1977.
5. Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.
6. Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков. М., 1970.
7. Дегтярев В. И. Категория числа в славянских языках. Ростов-на-Дону, 1982.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВХК — Вотчинные хозяйствственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. М.; Л., 1979.
- ДПВК — Деловая письменность Вологодского края XVII–XVIII вв. Вологда, 1979.
- ДПРС I — Деловая письменность русского Севера XVI–XVII вв. Вологда, 1986.
- ДПРС II — Деловая письменность русского Севера XVII века. Вологда, 1986.
- КП Тр.-Гл. м. — Книга приходная Троице-Гледенского монастыря.
- КУД Тот. — Книга учета денег Тотемского промысла.
- Оп. Белоз. рыб. д. — Опись Белозерского рыбного двора.
- Оп. им. Сп.-Прил. м. — Опись имущества Спасо-Прилуцкого монастыря.
- Оп. им. У-Шех. м. — Опись имущества Усть-Шехонского монастыря.
- ОР Шенк. — Отводная роспись земского судьи Шенкурской четверти Ф. В. Тарнянина Томскому монастырю.
- ОСВД У — Описание свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнеграничнице. Пятый выпуск (1623–1716 гг.). — Вологда, 1902.
- НК Белоз. у. — Переписная книга имущества Ворониной пустыни Белозерского уезда.
- НПК К-Белоз. м. — Приходо-расходная книга Кирилло-Белозерского монастыря.
- НПК Сп.-Прил. м. — Приходо-расходная книга Спасо-Прилуцкого монастыря.
- РК Важ. м. — Расходные книги Важского Богословского монастыря.
- РК Сп.-Прил. м. — Расходная книга Спасо-Прилуцкого монастыря.
- РК Тр.-Глед. м. — Расходная книга Троице-Гледенского монастыря.
- РТ п. Н. Мокр. — Расходная тетрадь пустыни Николы Мокрого.
- Солов. м. — Соловецкий монастырь.
- ТК Уст. Вел. — Таможенная книга Устюга Великого.
- ХИВГ — Хрестоматия по истории вологодских говоров. Вологда, 1975.
- Чел. — Челобитная.

Л. Е. Кругликова

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЫ КАЧЕСТВЕННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА

Качественные наименования лица являются такими единицами, которые нужны людям для общения в любые времена. Проведенная нами идографическая классификация слов и фразеологизмов русского языка с XI в. до настоящего времени хорошо подтверждает это.

Согласно этой классификации, все качественные наименования лица подразделяются на характеризующие человека в целом (*идеал, совершенство, образец, ни рыба ни мясо, дрянь, шваль, исчадие ада...*) и на те, которые дают характеристику ему по отдельным его качествам. В свою очередь последние делятся на две подгруппы: «человек как индивид» и «человек как член общества». Объектом анализа в данной статье является вторая подгруппа.

Большинство парадигм, выделяемых в этой подгруппе, было свойственно языку во все периоды его существования. Особенно это касается группировок, состоящих из единиц, которые в обобщенном виде называют те или иные свойства человека. Основное членение подгруппы «человек как член общества» сложилось еще в XI в. В этот период находим уже все парадигмы, выделяемые на I и II уровнях членения. Если проанализировать те из конечных микросистем (синонимические ряды и самостоятельные языковые единицы, не входящие в ряды), которые дают наиболее общую характеристику человека, то можно увидеть, что уже с XI в. берут начало такие из них, как «богатый человек» — «бедный человек», «расточительный человек» (антонимичная микросистема «бесрежливый человек» появилась в XVIII в.), «корыстолюбивый человек» («бескорыстный человек» — с XII в.), «щедрый человек» («скупой, жадный человек» — с XII в.), «человек, посягающий на чужую собственность», «человек, нарушающий законы» («человек, строитель соблюдающий законы» — с XX в.), «высоконравственный человек» — «беснравственный человек», «целомудренный человек» — «развратный человек», «человек, нарушающий супружескую верность» («жених илина, верна супружескому долгу» — с XIII в., «мужчина, верный супружескому долгу» отсутствует), «человек, не употребляющий спиртных напитков» — «человек, злоупотребляющий спиртными напитками», «бесстыдный человек» («стыдливый человек» — с XIX в.), «искусный человек» («неискусный человек» — с XVIII в.), «человек, превосходящий в работе других усердием» — «человек, уклоняющийся от работы, живущий за счет других в результате их попустительства» («человек, уклоняющийся от работы из-за лени» — XVI в., «человек, уклоняющийся от работы из-за любви к праздной жизни» — с XIII в., «человек, уклоняющийся от работы из-за несерьезности» — с XVIII в.), «человек, проводящий жизнь в строгом воздержании» — «человек, живущий в свое удовольствие», «человек, обладающий обширными зна-

ниями» — «невежественный, несведущий человек», «пытливый, любознательный человек» («человек, ничем не интересующийся» — XVIII в.), « влиительный, занимающий высокое общественное положение человек» («невлиятельный, незначительный по общественному положению человек» — с XVIII в.), «властолюбивый человек», «чудной, странный человек», «человек, любящий людей» — «человек, ненавидящий людей», «мягкосердечный, чуткий, отзывчивый человек» («бессердечный, нечуткий, не отзывчивый человек» — с XVII в.), «человек, делающий добро другим» — «человек, причиняющий зло другим», «коварный человек», «человек, причиняющий мучения, страдания», «человек, который строит козни», «тот, кто предает кого-, что-л.», «завистливый человек», «человек, который говорит много и попусту» («молчаливый, неразговорчивый человек» — с XIX в., разговорчивый, словоохотливый человек» — с XVII в.), «человек, пристрастный к ведению тяжб», «человек, который любит спорить», «человек, который любит распространять слухи», «тот, кто подстрекает кого-л. к чему-л.», «непослушный, строптивый человек» — «поступший, безропотный человек», «человек, любящий мир, согласие», «учтивый, обходительный человек» — «грубый, дерзкий в обращении человек», «человек, который постоянно ругается, употребляет грубые, резкие слова», «сквернослов», «честивый человек», «лицемерный человек», «человек, который говорит не правду» — «человек, который говорит правду», «недоверчивый человек» («доверчивый человек» — с XVIII в.), «человек, любящий насмехаться над кем-, чем-л.» («человек, любящий восхвалять кого-, что-л.» — с XVIII в.), «человек, который изменил своим прежним взглядам, убеждениям» («человек твердых убеждений» — с XVIII в.).

С XII в. существуют такие группировки, как «жестокий, безжалостный человек», «честолюбивый человек», «крайний, тихий человек» («задиристый человек» — с XVIII в.), «человек, склонный к притворству», «женщина, любящая мужчин»; с XIII в. — «мужчина, любящий ухаживать за женщиной из серьезных намерений», «любопытный человек», «некультурный, отсталый человек» («культурный, просвещенный человек» — с XX в.), «справедливый человек» («несправедливый человек» отсутствует), «злой человек» («добрый человек» — с XIX в.), «высокомерный, спесивый человек» («простой в общении человек» — с XX в.); с XIV в. — «несподытный человек» («опытный человек» — с XVII в.), «недоброжелательный человек» («доброжелательный человек» — с XV в.), «благодарный человек» («неблагодарный человек» — с XV в.), «хвастливый человек», «открытый, откровенный человек» («скрытный человек» — с XIX в.), «человек, который обманывает при торговых, денежных и т. п. сделках» («честный человек» — с XIX в., «человек, нечестный в деле, игре и т. п.» — с XV в.); с XV в. — «человек, служащий посмешищем в глазах других людей» («человек, являющийся предметом обожания, восторженного поклонения» — с XVIII в.); с XVI в. — «гостеприимный, хлебосольный человек», «подлый человек» («человек, поступки которого основаны на правилах, понятиях чести» — с XIX в.); с XVII в. — «упрямый, неуступчивый человек» («сговорчивый, покладистый человек» — с XIX в.), «бесцеремонный, развязный в обращении человек» («скромный,держаный в обращении человек» — с XVIII в.), «хитрый человек» («бес-

хитростный человек» с XVIII в.), «сторонник прогресса в жизни общества» («человек, придерживающийся косных взглядов» — с XIX в.), «несерьезный, легкомысленный человек», «бесплодный мечтатель» («практичный человек» — с XIX в.), «человек с жизнерадостным мироощущением» («человек с мироощущением, исполненным уныния, безнадежности» — с XIX в.), «неудачливый человек» («удачливый человек» — с XVIII в.), «невоспитанный, не умеющий себя вести человек» («воспитанный, умеющий себя вести человек» — с XIX в.), «изнеженный, избалованный человек», «ничтожный, ничего не значащий человек», «ни от кого не зависящий, свободный человек» («человек, всецело зависящий от чужой воли» — с XVIII в.); с XVIII в. — «человек, который имеет неограниченную возможность, полное право распоряжаться кем-, чем-л.», «выдающийся в какой-л. области деятельности человек», «известный, прославившийся в какой-л. сфере деятельности человек», «нелюдимый, необщительный человек», «человек, нарушающий общественный порядок», «грозный человек», «человек, не выполняющий обещаний» — «человек, выполняющий обещания», «человек, любящий только себя» («человек, жертвуяший для других своими личными интересами» — с XIX в.), «ревнивый человек», «человек, возвыщенно, романтически относящийся к жизни» («человек, рационалистично, рассудочно относящийся к жизни» — с XIX в.); с XIX в. — «человек, не интересующийся общественной жизнью» («человек, принимающий активное участие в общественной жизни» — с XX в.), «человек, идеализирующий действительность» — «человек, учитывающий в своей деятельности условия реальной действительности», «мужчина (женщина), избегающий (-ая) женщин (мужчин)»; с XX в. — «человек, склонный к коллектизму» — «человек, склонный к индивидуализму».

Число известных с XI в. микросистем, дающих наиболее обобщенную характеристику, меньше количества парадигм, появившихся во все остальные века, лишь в 1,7 раза (см. таблицу I).

Таблица 1

ПОПОЛНЕНИЕ ПОДГРУППЫ «ЧЕЛОВЕК КАК ЧЛЕН КОЛЛЕКТИВА»
КОНЕЧНЫМИ МИКРОСИСТЕМАМИ, ДАЮЩИМИ
НАИБОЛЕЕ ОБОБЩЕННУЮ ХАРАКТЕРИСТИКУ ЧЕЛОВЕКА

Век Вид парадигм	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	Всего
Приспособленность к жизни в обществе	3	—	2	1	—	—	2	1	1	1	11
Место в коллективе	3	—	—	—	1	—	—	6	—	—	10
Общение с людьми	17	3	1	3	2	1	4	11	6	3	51

Век Вид парадигм	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	Всего
отношение к людям	11	2	2	2	2	—	1	1	1	—	22
отношение к жизни в целом	2	—	—	—	—	—	5	2	7	1	17
отношение к труду	3	—	1	—	—	1	—	2	—	—	7
отношение к нравственности	8	—	—	—	—	—	—	1	1	—	10
отношение к любви	—	1	1	—	—	—	—	1	1	—	4
отношение к закону	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2
отношение к собственности	6	2	—	—	—	1	—	1	—	—	10
Всего	54	8	7	6	5	3	12	26	17	6	144

Как явствует из таблицы, в наименьшей степени пополнение коснулось таких парадигм, как «отношение к нравственности» (соотношение количества группировок, существовавших в XI в., и группировок, появившихся в дальние века, можно представить как 1:0,25), «отношение к собственности» (1:0,7), «отношение к людям» (1:1), «отношение к закону» (1:1), в наибольшей — «отношение к жизни в целом» (1:7,5), «место в коллективе» (1:3).

Имеется 144 микросистемы, дающие обобщенную характеристику человека. Всего же в подгруппе «человек как член коллектива» сейчас бытует 416 микросистем (см. таблицу 2), а с XI по XX в. их насчитывается 482*.

Рост общего числа лексико-фразеологических парадигм шел в основном счет детализации каких-либо основных понятий (307 микросистем из 399 появившихся в XII-XX вв. выполняют такую функцию). Исчезновению так были подвержены прежде всего те микросистемы, члены которых конкретизируют те или иные понятия (56 из 66 вышедших из употребления микросистем).

Анализ общего количества микросистем, бытавших в разные века, несет результаты, сходные с теми, которые были получены при рассмотрении микросистем, дающих обобщенную характеристику человека. В наимень-

* Незаполненность той или иной парадигмы в каком-либо веке, по всей видимости, часто является свидетельством отсутствия определенных единиц в словаре, а не в языке.

шей степени изменениям подверглись следующие парадигмы: «отношение к закону» (1:1), «отношение к нравственности» (1:1,6), «отношение к собственности» (1:1,86), «отношение к людям» (1:2,75). Наибольшие изменения претерпели парадигмы: «место в коллективе» (1:24,6), «отношение к труду» (1:8,7), «отношение к жизни в целом» (1:8)*.

Таблица 2

КОЛИЧЕСТВО КОНЕЧНЫХ МИКРОСИСТЕМ,
БЫТОВАВШИХ В РАЗЛИЧНЫЕ ВЕКА**

Век Вид парадигм	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	Всего
Приспособленность к жизни в коллективе	7	7	9	9	8	7	13	16	25	28	33
			+2	+1			+7	+4	+9	+3	+26
				-1	-1	-1	-1	-1			-5
Место в коллективе	3	4	5	6	7	7	7	32	60	71	77
		+1	+1	+1	+1	+1	+2	+26	+28	+13	+74
						-1	-2	-1		-2	-6
Общение с людьми	28	29	34	41	36	38	44	88	118	138	158
		+2	+5	+7	+2	+6	+6	+44	+33	+25	+130
		-1			-7	-4			-3	-5	-20
Отношение к людям	16	21	22	27	24	26	27	34	45	47	60
		+5	+3	+5	+1	+2	+3	+9	+13	+3	+44
			-2		-4		-2	-2	-2	-1	-13

* Парадигму «отношение к любви» мы не включили в этот список, ибо шесть микросистем в ней представляют собой соотносительные группировки по отношению к лицу противоположного пола, например, «ревнивый мужчина», «ревнивая женщина». Они подаются не вместе, т.к. не содержат ни одного общего члена (ревнивец, отелло, ревнивница, отелло в юбке). В результате общее число микросистем будет как бы на шесть единиц меньше, т.е. интересующее нас соотношение будет уже выглядеть не как 1:11, а как 1:5.

** В первой строке указано количество микросистем, бытовавших в том или ином веке, во второй строке со знаком (+) — количество появившихся в данном веке микросистем, в третьей строке со знаком (-) — количество вышедших из употребления в данном веке микросистем.

Век Вид парадигм	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	Всего
Отноше- ние к жизни в целом	4	4	4	4	4	4	9	14	32	35	36
							+6	+5	+18	+3	+32
							-1				-1
Отноше- ние к труду	6	-	7	9	9	12	14	27	37	44	58
			-3	+2	+2	+3	+4	+14	+13	+11	+52
			-2		-2		-2	-1	-3	-4	-14
Отноше- ние к правст- венности	10	9	9	11	9	9	12	15	20	23	26
			+1			+3	+4	+5	+3	+16	+32
			-1		-1			-1			-3
Отноше- ние к любви	1	2	3	3	3	3	3	5	11	12	12
		+1	+1					+2	+6	+1	+11
	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2
Отноше- ние к закону	7	-	8	8	8	8	8	12	15	16	20
			+2				+1	+4	+3	+3	+13
			-1				-1			-2	-4
Всего	83	90	102	118	109	115	138	244	364	416	482
		+11	+15	+17	+6	+12	+32	+112	+128	+66	+415
		-4	-3	-1	-15	-6	-9	-6	-8	-14	-66

Такая устойчивость не случайна. Имущественные отношения, представления людей о том, что хорошо, что плохо, изначальны и мало подвержены изменениям. Характер отношений людей друг к другу также в целом схож на протяжении веков. Стабильность в парадигме «отношение к закону» обусловлена тем, что совместная жизнь людей невозможна без соблюдения определенных законов, которые или же соблюдаются, или же нарушаются. В то же время смена общественно-экономических формаций вызывает преобразования в жизни общества, чем и объясняются значительные изменения в парадигмах: «место в коллективе», «отношение к труду», «отношение к жизни в целом».

Что касается наполненности языковыми единицами тех или иных группировок, то и она не оставалась неизменной на протяжении веков. На ней также отразились изменения в жизни общества. Так, сокращению подверглись синонимические ряды: «бескорыстный человек», «человек, делающий добро другим», «человек, сведущий в церковных книгах, знаток и толкователь

тель законов и правил религиозно-нравственного характера», значительно-му увеличению — «человек, обладающий обширными знаниями», «человек, превосходящий в работе других искусностью», «мужчина, любящий ухаживать за женщиной без серьезных намерений», «человек, злоупотребляющий спиртными напитками», «человек, живущий за счет других в результате их попустительства», «человек коварный, скрывающий под показной добродетелью злой умысел», «жестокий, безжалостный человек», «человек, причиняющий мучения, страдания кому-л.», «высокомерный, спесивый человек», «человек, поступающий нечестно в каком-л. деле, игре и т.п.», «подлый, низкий, бесчестный человек» и т.д.

В некоторых случаях единственным наименованием того или иного понятия служат ФЕ, при этом в подавляющем большинстве случаев они детализируют ту или иную характеристику человека: *собака на сене* «человек, который сам не пользуется чем-л. и не дает другим», *морской волк* «опытный моряк», *серый кардинал* «человек, обладающий сильной властью при отсутствии соответствующего ей официального положения», *пятое колесо в телеге (колеснице)* «лишний, ненужный в каком-л. деле человек», *カリф (халиф) на час* «человек, наделенный властью или завладевший ею на короткое время», *человек чести* «человек, поступки которого основаны на правилах, понятиях чести» и т.д.

В такой функции единственного наименования понятия фразологизмы чаще употребляются самостоятельно, без других оборотов. Только из ФЕ состоят следующие ряды: «человек, на которого сваливают чужую вину, ответственность» (козел отпущения, мальчик для битья), «человек от которого уже ничего нельзя ждать в будущем» (конченый человек), пропаща голова, живой (ходячий) труп (мертвец), мертвая душа, бывший человек), «наиболее типичный представитель своего времени» (дитя (сын и т.п.) своего (нашего и т.п.) века (времени), герой нашего времени), «открытый, откровенный человек» (рубаха-парень, душа нараспашку, открытая душа). Еще один ряд — «опытный, бывалый, искушенный человек» — сейчас и в XIX в. представлен лишь фразеологизмами (тертый калач, стреляный (старый) воробей, стреляная (обстрелянная) птица, травленый (старый, матерый и т.п.) волк, пролетная голова (головушка), а в XIX в. еще и старого лесу кочерга), но в XVIII в. в его составе были еще и лексемы.

Наибольший рост как числа микросистем, так и числа конкретных языковых единиц наблюдается в XIX в., что является наглядным подтверждением известного положения о том, что процесс формирования русского литературного языка завершился в XIX в.

И. А. Кюршунова

О СТЕПЕНИ НАДЕЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛЕКСИКИ ПО ДАННЫМ ОНОМАСТИКИ

Среди различных проблем исторической лексикологии довольно актуальным является восстановление отдельных слов и целых лексико-семантических групп, отсутствующих в памятниках письменности донационального периода. В решении этого вопроса ученые (О. Н. Трубачев, Г. П. Смолицкая, Ю. И. Чайкина, В. Я. Дерягин, Ю. С. Азарх и другие) обратились к именам существенным, считая их ценнейшим источником изучения лексики русского языка донационального периода.

Данные ономастики подтверждают мнение исследователей о том, что экспрессивные названия лиц, а также названия лиц по профессии, местожительству, не отмеченные в памятниках письменности русского языка до XVII века, являлись существенной частью лексико-семантической системы русского языка того времени. Так, на основе именований, зафиксированных в новой письменности Карелии XV-XVII вв., нами восстановлено большое количество нарицательных существительных. Приведем пример. Апеллятив старорусского языка **варзака* реконструируется на основе именования Варзакин (ср.: *Фетко Варзакин*, 1563г., Писц. кн. Обон. п., 69; *Варзакин* <— прозвища *Варзака*). Соотношение с данными современных говоров позволяет сделать предположение о лексическом значении, которое могло существовать у слова **варзака* в прошлом, ср. *варзака* 'тот, кто плохо, неряшливо пишет' волог. (СРНГ, в.4. с. 45), а также однокоренные — *варза* 'нечисто-честный, неопрятный человек; пачкун, грязнуля, неряха' петерб., волог. (там же), *варзать, варзгать* 'делать небрежно, плохо, пачкать', 'марать' (Фасм., 1, 275). Вероятно, **варзака* — это 'неаккуратный человек'. Как отметил Т. И. Вендина, мутационный суффикс *-ака* служит для образования названий лиц по агентивному признаку. Такие имена, как правило, имеют оценочный характер и образуются от глагольных (инфinitивных) слов [4, с. 56].

Однако при реконструкции апеллятивов по данным исторической антропонимии неизбежно встает вопрос о степени ее надежности. Анализ материалов показал, что мы должны учесть следующее.

1. Некалендарные имена могли совпадать с разговорными вариантами календарного имени, представляющими собой субъективно-оценочные формы слов. Так, в памятниках письменности находим такие именования, как *Гриш, Семейка, Киндяки* и др., которые можно соотнести 1) как с апеллятивами *гриш, семейка, киндяк* (последнее известно в значениях 'красная хлопчатобумажная ткань, кумач' твер., пск. говорам, 'кафтан особого покроя' костр. говорам, 'сарафан' пск. говорам, не исключено и переосмысление местного чечецкого *киндяга* 'большая дубина', СРНГ, 13, 212); 2) так и с разговорными формами официальных календарных имен: Ерофей (—> Ерошка —> Гриш), Семен (—> Семейка), Анкиндин (—> Киндяк).

II. В памятниках письменности отмечено большое количество заимствованных имен, являющихся результатом контактов русских с прибалто-финами и саамами. Эти антропонимы могли быть записаны московскими писцами в форме некалендарного русского прозвища (ложная этимология). Так, в Дозорной книге Лопских погостов 1597 года неоднократно упоминается *Иван Степанов Рогач*. На первый взгляд, именование восходит к апеллятиву *рогач и связано с переосмысливанием таких значений, как 'самец олена и некоторых других пород рогатых животных', 'жук, имеющий верхние челюсти в виде рогов', 'ухват' (МАС, 3, 722), 'рогатина' [12, с. 84]. Но, по мнению Т. В. Старостиной, *Иван Степанов Рогач* — это не кто иной, как легендарный карельский герой *Рогаччу*, прозвище которого писец передал по-русски. Поэтому именование, как считает Т. В. Старостина, восходит к прибалтийско-финским апеллятивам рокка 'гороховая похлебка' или рокко 'оспина', 'перенесший оспу' [12, с. 84]. На наш взгляд, в первую очередь надо бы учесть такие факты, как фин. *rohkea* 'смелый, отважный, мужественный' (ФРС, 531), карел. *rohkei* 'смелый, ловкий' (СКЯ. 309-310), которые больше подходят в качестве мотива именования легендарного героя.

В связи с этим возникает проблема, касающаяся возможности привлечения к реконструкции антропонимов, имеющихся в основе апеллятивы неславянского происхождения. Считаем, что не все именования подобного типа являются базой для реконструкции лексики XV-XVII веков.

Для указанного периода основной критерий отбора именований для восстановления слов старорусского языка — *опора на апеллятивную лексику современных русских говоров*.

В соответствии с выдвинутым положением именования лиц типа *Васюк Гуйкиев* (1563г., Писц. кн. Обон. п., 69), *Степанко Юрьев Рожкачев* (1563г., там же, 143), *Васюк Кярзин* (1563г., там же, 207) и проч., зафиксированные в писцовых и актовых материалах XV-XVII вв., являются базой для реконструкции слов, несмотря на то, что этимологически в конечном счете они связаны с фин. *kuikk*, карел. *quikk* 'птица нырок' (Фасмер, т. 2, с. 403); карел. *giuohk*, люд. *giuohk-*, фин. *rohko*, *rohka* 'неспелая ягода' (Фасм., 3, 508); карел. *kagza-*, фин. *karsa* 'морда' (Фасм. 2, 441) и др. Соответствующие данным антропонимам однокоренные нарицательные существительные отмечены в современных русских говорах Карелии и сопредельных областях, ср.: *куйка* — птица 'нырок, гагара', *куёк* — то же, олон.; *гуйка*, *гүёк* — то же, петровав. (Фасм. 2, 403); *рожкач* 'незрелый плод, ягода' олон., арх. (Фасм., 3, 508); [3, с. 34], медвеж., пудож., прионеж. Карелия (КСРГК, Карт. КГПИ); *кярза*, *кярзя* — 'морда, рыло (свиньи), челюсть' олон. (Фасм., 3, 441); [3, с. 34]. Это позволяет считать такие именования *основой для реконструкции апеллятивов старорусского языка*. При этом данные соответствия свидетельствуют о том, что прежде чем стать именем собственным, в словарном составе русских говоров Карелии укрепился иноязычный апеллятив. В основном это заимствованные славянами названия неизвестных им прежде предметов, промыслов, животных, различных явлений.

Именования с адаптированными русскими прибалтийско-финскими апеллятивами в основе, являясь узко локальной, специфической частью именника, составляли такую же конкуренцию церковным именам, как и

некалендарные, восходящие к славянским апеллятивам, и выполняли, по-видимому, идентифицирующей, и характеризующую функцию. Носителями данных имен могло быть как славянское, так и прибалтийско-финское, саамское население края.

Другая часть именований лиц восходит к апеллятивам, которые не находят отражения в русских областных словарях (*Иванко Куйва*, 1563 г., Писц. кн. Обон. п., 1442; *Семенко Гимой*, там же, с. 233; *Тимошка Ондреев Мустоев*, там же, с. 194; *Максимко Печей*, там же, с. 79; *Гришка Иванов Гонголя*, там же, с. 60; *Данилко Ребуев*, 1582/83 гг., Кн. Заон. пол. Обон. п., 15; *Василий Родионов сын Кеттуева*, 1571, Акты Солов. м., с. 235 и прочие). Соответствующие им однокоренные апеллятивы активно употребляются в современных прибалтийско-финских языках и диалектах: карел. *kuiva* 'сухой' [7, с. 223]; (СКЯ, 161); *himo* 'желание, страсть' [7, с. 223]; (СКЯ, 69); карсл., фин. *musta*, *mustu* 'черный' [7, с. 226]; (СКЯ, 213); вепс. *recoi* 'брюх' [9, с. 275]; 'пузатик' (о ребенке) (СВЯ. с. 456); карел. *kango* 'вилы' [раа 'голова, конец' [7, с. 223]; фин. *kettu* 'лиса' или карсл. *kettu* 'пенка' (СКЯ, 136); [7. с. 226]; вепс. *reboi* 'лиса' (СВЯ, 466); [9, с. 273] и др.

В данном случае возможны две версии: первая — апеллятивы входили в словарный состав старорусских говоров Карелии, но утрачены, отсюда встает вопрос о причинах утраты и о возможности их реконструкции по данным неславянских лингвистических источников. Но наиболее вероятна вторая версия: так как перечисленные выше апеллятивы эквивалентны имеющимся в славян названиям явлений и предметов, то у местного русского населения не было надобности вводить такие лексемы в словарный запас, а тем более использовать их в качестве ИС. Эти именования носило, скорее всего, неславянское население, ср. похожие именования, зафиксированные в прибалтийско-финских ономастиконах: *Himanen* (Suom. *nimikirja*, 326), *Kettunen* (там же, 421), *Mustola* (там же, 568), *Repo*, *Reporiaproika*, *Reblenn* [9, с. 273 со ссылкой на *Forsman*, *Nissila*, *Stoebke*]; *Pecoi* [9, с. 275 со ссылкой на *Nissila*]. При этом следует допустить возможность заимствования самого личного имени, а затем и его адаптацию в славянской антропонимии края.

III. Особого внимания заслуживает тот факт, что не все некалендарные имена являются базой для реконструкции апеллятивов.

Так, не подлежат реконструкции антропонимы, которые, по мнению О. Н. Трубачева, не имеют апеллятивной стадии употребления и формируются сразу на ономастическом уровне [16, с. 6-9]. Такими именованиями, нашедшими отражение в памятниках письменности Карелии XV-XVII веков, являются, во-первых, композиты. Например, в купчей изданной XV века зафиксировано именование Твердислав (ср.: *Селифонтии Твердислав, Гейман*, 99, 102).

Часть композитов, отмеченных в наших источниках, сохранилась в сокращенной (гипокористической) форме. Так, личное имя Гость *Кастьянов* (1639 г., Мюллер, 38) и прозводные от него — *Гостюша*, *Гостюшко*, *Гостев*, *Гостилина* — являются, по-видимому, усеченной формой одного из композитов: *Gostomir*, *Gostomit*, *Hostirad*, *Hostislav*, *Lubohost*, отмеченные в славянских языках. От антропонима Хвалимир образовано личное имя *Хвалим* (1563 г., Писц. кн. Обон. п., 151). Гипокористиками являются сле-

свои производные имена, также зафиксированные в местной деловой топонимии.

Такимже *Дом-*: Домагош (ЭССЯ, 5, 67); *Святухин* — *Свят-*: *Святослав*, *Святогор*, *Святополк*, *Svetomir*, *Svetobor*, *Svatoslav* [5, с. 81]; *Прибытие* — *Прибыш-*: *Прибыслав*, *Pribislav* *Святослав*, *Святогор*, *Святополк*, *Svetomir*, *Svetobor*, *Svatoslav* [5, с. 81]; *Гнев* — *Гнев-*: польск. *Gniwomir*, *Ostrogniw*, чеш. *Hnevomir*, *Lutohnew*, *Stojhnew* (там же, 70); *Воин* и прозвища от него — *Воинъгъ* (там же, 86) и пр.

Сокращение формы имени-композита И. М. Железняк связывает с законом «максимальной экономии формальных ознак слова: найкоротшою формою выражения складної думки — побаження с композит» [6, с. 57].

По мнению О. Н. Трубачева, композиты — «чистые изначальные помина проргія, созданные в результате моментального однократного акта номинации» [12, с. 8].

От имен-композитов следует отличать двусловные имена, для образования которых «потребовались предварительные акты апеллятивного слово-сложения и синтаксического фразообразования» [12, с. 8]. Например, именование Кривоногой (ср.: Кудро Семенов сын Кривоногой, 1563 г., Писц. кн. Обон. п., 142) допускает развертывание фразы 'тот, у кого кривые ноги'. Доказательством того, что ряд двусловных антропонимов не относится к древним композитам, является наличие соответствующих апеллятивов в исторических и диалектных словарях. Так, для именования Белоглазый и дривата от него — Белоглазов (ср.: Сидор Григорьев сын Белоглазой, 1538/39 гг., Гейман, 133; Васко Белоглазов, 1563 г., Писц. кн. Обон. п., 162) находим в Словаре XI–XVII вв. апеллятив белоглазый 'светлоглазый' (СлРЯ XI–XVII, 1, 134)*.

Именования Батоногов (ср.: Иванко Кузьмин сын Батоногов, 1568 г., Писц. кн. Водск. п., 56), Трегубов (ср.: Ондрюша Олексеев Трегубов, 1597 г. Дозорн. кн. Лопск. п., 219) связаны по происхождению с диалектными апеллятивами: батоногий 'человек с заплетающейся ногой' без указ. места, (СРНГ, 3, 138); трегубый 'тот, у кого от природы рассечена верхняя губа' без указ. места (Даль, 4, 432). Наличие данных антропонимов делает возможным реконструкцию апеллятивов *батоногий и *тргубый в словарном составе говоров Карелии XV–XVII вв.

Во-вторых, помимо древних композитов на ономастическом уровне, образовались и некоторые однословные исконно русские антропонимы (по терминологии А. И. Мирославской, «первичные» [8]). В структуре именования такие антропонимы занимали первое место и выполняли функцию личного имени. Известно, что такие именования долгое время составляли

* Отметим, что именование Белоглазый могло иметь и другой мотивировочный признак, связанный с этническим названием чуди белоглазой (Куликов, 134). Последний компонент является постоянным определением к слову «чудь». Поэтому Белоглазый — это еще и 'тот, кто не является славянином по происхождению'.

именарию церковным и продолжали употребляться в качестве личного имени даже тогда, когда человек становился взрослым.

Таким образом, объектом нашего внимания являются по преимуществу «ориентированные» русские антропонимы, иначе прозвища.

Следует остановиться и на вопросе, касающемся ряда аффиксальных производств, соотносимых с личными именами и фамильными прозваниями типа *Бабка, Бабушка, Белава, Булава, Бурак, Бурко* и некоторых других. В исторической антропонимике вопрос о них решается неоднозначно. Так, Суперанская считает, что образование их шло независимо от древних личных основ *баб-*, *бас-*, *бел-* сразу на ономастическом уровне. Совпадение личных имен со словами общей лексики является случайным [11, с. 70-71]. Представляется более обоснованным мнение тех ученых, которые считают, что эти именования образованы все же от аффиксальных апеллятивов *бабка, бабушка, белава, бурак, бурко*, поскольку такие апеллятивы отмечены в памятниках письменности и современных говорах, а значения, свойственные им, вполне могли быть мотивами именований. Так, апеллятив *бабушка* аффиксирован в русском языке в значениях 'мать отца или матери', 'пожилая женщина, старуха', 'повитуха' и в диалектах *бабушка* 'оспина', 'всякая лялечка у детей', 'пятна в натуральной оспе', в ряде славянских языков: варшавском, македонском, сербохорватском, словенском, а также верхне- и нижненемецком (ЭССЯ, 1, 115).

Подтверждением второй точки зрения на происхождение аффиксальных производств являются работы Ю. С. Азарх, в которых рассматривается вопрос об апеллятивном и ономастическом словообразовательных типах [11]. Но мнению Ю. С. Азарх, только те аффиксальные антропонимы возникли на ономастическом уровне, которые не имеют апеллятивных соответствий в словарном составе старорусского языка или современных говоров. Например, антропонимы *Негодяйко, Негодяец* (ср.: Негодяйко (он же Негодяец) Истомин Балакшин, 1568 г., Писц. кн. Водск. п., 89) сформировались на ономастическом уровне, поскольку в говорах отмечен лишь апеллятив *негодяй* 'неспособный, непригодный для дела человек' олон., волог., смол.; 'непригодный для службы в армии человек' арх. (СРНГ, 20, 375). Поэтому именования *Негодяйко, Негодяец* уже не могут служить основой для реконструкции апеллятивов. Новые «производные» имена образуются с помощью аффиксов субъективной оценки в основном от первичных антропонимов, которые имеют соотношение с апеллятивом (ср. *Негодяйко — Негодяй — негодяй*).

Производные именования типа *Негодяец, Негодяйко* следует отличать от антропонимов, возникших в результате индивидуализации производного апеллятива. Так, казалось бы, что именования *Голованов* (от прозвища *голован*) (ср.: Гриша Голованов, 1582/83 гг., Неволин, с. 173) и *Головарь* (ср.: Ивашко Головарь, 1496 г., Писц. кн. Обон. п., 2) образовались с помощью присоединения формантов *-ан*, *-арь* к именной основе *Голов-*. Но в говорах находим апеллятивы *голован* и *головарь*. Слово *голован* отмечено в говорах в следующих значениях: 1) 'человек или животное с несоразмерно большой головой' онеж. арх., волог., а также южн.-сиб.; 2) *голован* в петров. олон. и каргоп. арх. говорах — бранное слово: «Што, голован, парня-то

дразнишь'; 3) 'деревянный чурбан, употребляемый в виде поплавка рыболовной сети' ксм. арх., беломор., помор. (СРНГ, 6, 301). Апеллятив головарь 'главарь', отмечен в русских говорах лишь на территории средней части бассейна реки Оби (Словарь старожил. говоров, Дон., I, 96), ср. также белорусск. диал. галаварь 'человек с большой головой', болг. главар 'предводитель, начальник' и близкие по значению апеллятивы в родственных славянских языках: македонском и словенском (ЭССЯ, 7, 7-8). Следовательно, апеллятивы были производными до перехода в разряд антропонимов и, видимо, имели значения, близкие к названным, в старорусский период, а может быть, и раньше.

Таким образом, только сопоставление именования с материалами древних письменных источников и данными современных говоров могут служить основанием для отнесения антропонима к апеллятивному или ономастическому уровню формирования.

За пределами реконструкции остаются также антропонимы типа Ошмакда (ср.: Александро Еремеев *Ошмакда*, 1540 г., Гейман, 143), для которых в настоящее время не хватает или не имеется сопоставительного апеллятивного материала.

Итак, учет перечисленных явлений необходим для определения возможности привлечения данных ономастики для восстановления лексики донационального периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Азарх Ю. С. Данные ономастики как источник исторической диалектологии (на материале русского именного словообразования) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981.
2. Азарх Ю. С. Апеллятивный и ономастический словообразовательные типы // Лексика и фразеология северорусских говоров. Вологда, 1980.
3. Алатырев В. И. Словарь-вопросник по изучению заимствованных карельских, вепсских и финских областных слов в русских говорах КФССР. Петрозаводск, 1948.
4. Ведина Т. И. Словообразовательные особенности восточнославянских языков в сравнении с другими славянскими языками. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1968. М., 1985.
5. Демчук М. О Слов'янські автохтоній особові власні імена в побуті Українців XIV-XVII ст. Київ, 1988.
6. Железняк И. М. Антропоними з усіченим другим компонентом композита в сербохорватській мові // Мовознавства. — Київ, 1971, № 1.
7. Мамонтова Н. И. Карельская и вепсская антропонимия на современном этапе // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988.
8. Мирасова А. Н. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
9. Мулонен М. И. О вепсской антропонимии (Опыт топонимической реконструкции) // Советское финноугроведение. Таллин, 1988, XXIV, № 4.
10. Старостина Т. В. Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. о герое народных преданий Иване Рогаччу // Вопросы изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников. Тезисы докладов и сообщений. Петрозаводск, 1991.
11. Сперанская А. В. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.
12. Трубачев О. Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.

13. Ч а й к и н а Ю. И. Опыт исторического регионального словообразования русских фамилий // Этимология. 1986-1987. М., 1989.

14. Ч а й к и н а Ю. И. Проблемы реконструкции лексики старорусского языка на местном языкоисторическом материале письменных источников XVI-XVII вв. // История русского слова: проблемы номинации и семантики. Вологда, 1991.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Акты Солов. м. — Акты социально-экономической истории Севера России конца XV-XVI вв. / Акты Соловецкого монастыря. 1479-1571 гг. Л., 1988.

Гейман — Материалы по истории Карелии XII-XVII вв. Под ред. В. Г. Г е й м а н а. Петрозаводск, 1941.

Дозорн. кн. Лопск. п. — Дозорная книга Лопских погостов, 1597г. // История Карелии XVI-XVII вв. Сборник документов. Петрозаводск — Иоэнсуу, 1987.

Карт. КГПИ — Картотека Карельского государственного педагогического института (хранится на кафедре русского языка).

Кн. Заоп. пол. Обон. п. — Книга Заонежской половины Обонежской пятини, 1582/83 гг. История Карелии XVI-XVII вв. в документах. III. Петрозаводск — Иоэнсуу, 1993.

КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии (хранится в СПГУ, г. Санкт-Петербург).

Кулик. — К у л и к о в с к и й Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и языкоисторическом применении. СПб., 1898.

Мюллер — Карелия в XVII в. / Сост. Р. Б. М ю л л е р. Петрозаводск, 1948.

Писц. кн. Водск. п. — Писцовые книги Водской пятини, 1568 г. // История Карелии XVI-XVII вв. Сборник документов. Петрозаводск — Иоэнсуу, 1987.

Писц. кн. Обон. п. — Писцовые книги Обонежской пятини, 1563 г. Л., 1930.

СВЯ — З а й ц е в а Н. И., М у л л о н е н М. И. Словарь вепсского языка. М., 1972.

СКЯ — Словарь карельского языка (Ливвиковский диалект). / Сост. М а к а р о в Г. Н. Петрозаводск, 1990.

ФРС — Финско-русский словарь. / Сост. И. В а х р о с, А. Ш е р б а к о в. М., 1975.

Siom. nimikirja — Suomalainen nimikirja. — Keuru, 1984.

Сокращенные географические названия (районов, областей) приводятся так, как они обозначены в соответствующих словарях.

А. К. Матвеев

КОСТРОМСКОЕ АНДОБА (к мерянской этимологии)

В исследовании, посвященном реконструкции мерянского языка [1], часто упоминается наименование небольшого левого притока Костромы — реки Андоба. Этот субстратный гидроним сопоставляется с фин. *antava* «дающий» от *antaa* «давать», эст. *andev* «дающий» от *andma* «давать», морд. *andomis* «кормить» и т. п. финно-угор. *amta «давать», восстановливается в виде *anDoba со значением «кормящий(-ая), дающий(-ая)» и квалифицируется как мерянский [2]. В дальнейшем название Андоба приводится как

пример мерянского звукотипа *a* в первом слоге, соответствия русск. *б*=мерян. *B*=фин. *v*, употребления полузвонкого *D*, перехода прайзыкового **r* в середине слова в соответствующий фрикативный (ср. фин. *antava* **antapa*), звукотипа *n*, причастия с суффиксом **-Ba*, точного грамматического соответствия (**-Ba*=*-va* **-pa*) прибалтийско-финским языкам (а это важно для того, чтобы показать связь мерянского языка прежде всего с прибалтийско-финскими языками [3]), наконец, обозначения одного из элементарных явлений жизни — глагола «кормить < давать», рассматриваемого в составе финно-угорского слоя мерянской лексики [4]. Попутно уточняется исходная семантика гидронима, который толкуется «кормящий реку своими водами» как «наиболее вероятная для речного притока» [5].

Таким образом, *Андоба* — одно из ключевых слов книги, этимологическая надежность которого, по-видимому, считается очень высокой. Этому способствовала, конечно, и его звуковая близость прибалтийско-финским данным.

Название *Андоба* считается мерянским в соответствии с установкой, что все субстратные явления в пределах исторических мерянских земель следует считать мерянскими [6]. Однако почти на любой территории может быть обнаружен различный по происхождению субстрат, адстрат, а иногда и субсубстрат. Костромская земля, расположенная между Волго-Окским междуречьем и Русским Севером, не является исключением. Поэтому здесь и находят многочисленные параллели как для волго-окских, так и для севернорусских топонимов, прежде всего гидронимов. Но именно топооснова *анд-* совершенно не представлена в Волго-Окском междуречье, где был основной массив исторических мерянских земель (современные Владимирская, Ивановская и Ярославская области), и, напротив, обычна в топонимии Русского Севера. Особенно много таких названий в юго-западной части севернорусского региона между Онежским озером и Пошеноем, т. е. в Белозерском крае и сопредельных с ним землях. Здесь находим реки *Андога*, *Андома*, *Андобой*, *Андушка*, *Андейка* (деревня *Андеба*), озера *Андозеро* и *Андомозеро*, село *Андопал* (*Андобал*), урочище (остров леса в болоте) *Андосолово*. Однако названия с основой *анд-* встречаются и на севере Архангельской области между низовьями Онеги и Северной Двины — река *Анда* и три *Андозеро* (в Онежском, Приморском и Холмогорском районах), в бассейне Ваги — река *Андова*, а также на крайнем юго-востоке Вологодской области в бассейне Юга, где засвидетельствованы три реки с наименованием *Анданга*. Может быть, к названиям этого рода относятся и зафиксированные далеко на северо-востоке в Республике Коми наименования селения *Анде* и реки *Андюга* (бассейн Печоры).

На фоне многочисленных географических названий с топоосновой *анд-*, ареал которых охватывает почти весь Русский Север, костромское *Андоба*, находящееся на северной периферии исторической мерянской территории, закономерно воспринимается как южное продолжение. Соответственно топооснова *анд-* должна считаться специфичной для субстратной топонимии Русского Севера. Это подтверждает со своей стороны и прямая аналогия костромскому *Андоба* в белозерском топониме *Андеба* [7]. Учитывая географию названий с топоосновой *анд-* и сочетаемость этой основы с различными

субстратными топоформантами, можно высказать и некоторые другие соображения.

Во-первых, единичность фиксации топоосновы *анд-* на исторической мерянской территории и связь этой топоосновы с Русским Севером не позволяют безоговорочно относить ее к мерянским. А если все-таки признать эту топооснову мерянской, то придется допустить раннюю колонизацию чуть ли не всей территории Русского Севера собственно мерянами, что вызывает определенные сомнения [8].

Во-вторых, нельзя исключить принадлежность этой топоосновы севернофинским языкам [9], степень родственных отношений которых с мерянским пока не установлена. Одни топоформанты указывают на саамские связи топоосновы (-бой в *Андобой* — саам. *vuaj*, *vuoj* «ручей», -олово в *Андосолово* — саам. *suolo* «остров»), другие — на мерянские (-*пал*, -*бал* в *Андопал*, *Андобал* — мерян. -*бал*, -*пал*, -*бол*, -*пол*).

Таким образом, в настоящее время по данным формального анализа и лингвистической географии невозможно ни принять, ни отвергнуть мерянское происхождение названия *Андоба*. Уже одно это обстоятельство делает нецелесообразным его использование на современном этапе реконструкции мерянского языка. Кроме того, если не будут обнаружены новые факты, топооснова *анд-* окажется в числе недифференцирующих мерянский и севернофинский материал, а это со своей стороны затруднит идентификацию гидронима *Андома* как факта мерянской топонимии.

Обратимся теперь к вопросу об этимологической интерпретации названия *Андома*.

Топооснова *анд-* привлекла внимание А. И. Соболевского, который в духе своей «скифской» концепции сравнивал гидронимы *Лидога*, *Андоба* с древнеиндийским *andha-*, древнебактрийским *anda* «темный, слепой» [10]. Однако финно-угорское происхождение этих топонимов совершенно очевидно.

Сопоставление с финским материалом впервые осуществлено для названия *Андозеро* А. Алквистом (фин. *Antojarvi*) [11], а для гидронима *Андома* Н. И. Богдановым (всп. *антта* «давать», *андом* «даяние, дар, подарок») [12]. Следует упомянуть также о разысканиях Л. Л. Трубе, который сравнивал наименование реки *Анда* (бассейн Суры на крайнем юго-востоке Нижегородской области) с мордовским *андома* «кормление», толкуя гидроним «кормящая» и объясняя появление этого названия наличием богатых диким медом бортных лесов, используемых местной «а́ндосовской мордвой» [13]. Сурская *Анда*, возможно, относится к числу древних финно-угорских названий, однако ее связь с мерянским и севернофинским ареалами, а также непосредственно с мордовскими данными очень проблематична.

Предложенная этимология (*Андоба* — фин. *antava* и т. п.) приемлема в основном с фонетической стороны, так как *v* — *b* и *t* — *d* легко объясняются спецификой звуков языка-источника — билабиального В и медиального D. Сложность представляет двоякая рефлексия субстратного *a* (*a* в первом слоге, *o* — во втором), но появление *o* можно было бы объяснить выравниванием по топонимическим моделям *-оба*, *-еба*, *-ома*, *-ема* и т. п.

Намного больше трудностей создает семантический план. Прежде всего следует отклонить такое уточнение семантики гидронима, как «кормящая (реку своими водами)», поскольку любой приток реки «кормит» ее, а кроме того, существуют два *Андозера* без притока (истока) с наименованием *Анда*. Во всяком случае, эта семантическая модель не может реализоваться в высокочастотных топоосновах типа *анд-*, тем более, что на богатом водами Русском Севере широко распространены менее изощренные семанты «водяной» и «мокрый» (особенно как противопоставление «сухой»), и это хорошо подтверждает финно-угорский и славянский материал.

Другой потенциальный вариант этой семантической модели «(река) кормящая (человека, людей)» при всей его кажущейся привлекательности также очень уязвим из-за высокой частотности топоосновы, и вследствие распространенности в русской и финно-угорской топонимии близких семантов — «рыбная (река)», «мясная (река)» и т. п. На территории Русского Севера, где обычны русские кальки финно-угорских названий, до сих пор не засвидетельствовано ни одной реки *Кормящая*. Правда, для русской топонимии причастия исхарктерны, но и субстантивные эквиваленты типа *Кормилица* ни разу не зафиксированы в гидронимии этого обширного региона, хотя и встречаются изредка как обозначения малых объектов, особенно лугов и полей (*Кормежка*, *Кормиляха*, *Кормилица*, *Кормище*, *Кормовище*, *Кормуша* и т. п.). В современной финно-угорской гидронимии основу *and-* со значением «кормить» также не удалось обнаружить. Нашлось только одно близкое в звуковом отношении наименование небольшой реки *Андамесляй* [14], явно мордовское, если судить по топоформанту *-ляй* («река») и местонахождению (бассейн *Мокши*), но и это название очень походит на топонимическое производное от какого-то мордовского личного имени типа *Арземас*, *Качемас*, *Пинемас* [15], *Вечкомас*, *Инемас*, *Полдомас* [16] и т. п.

Разумеется, учитывая особенности древнего быта и мировосприятия, можно предположить, что модель «дающая (река)», «кормящая (река)» существовала в субстратных финно-угорских языках, хотя ее наличие не подтверждается современным топонимическим материалом. Но необходимы доказательства этого. И уж во всяком случае не следовало использовать не вполне ясные факты при характеристике звукового состава, грамматики и лексики восстанавливаемого мерянского языка. Если даже допустить, что топооснова *анд-* связана с мерянским языком (в этом случае скорее всего одним из северофинских), то ее исходная семантика пока остается тайной. Есть уверенность только в одном: топооснова *анд-* обозначала нечто весьма важное для жизни древнего населения, так как редкая семантическая модель не могла получить такое распространение в субстратной топонимии.

Анализ топоформанта *-v + ба* даст определенные результаты. Характерны уже данные о частотности и локализации многосложных названий на *-v + ба* (*-оба*, *-еба*). Эти наименования, во-первых, очень редки, во-вторых, не образуют сколько-нибудь четкого ареала или «рифмованных сегментов», в-третьих, в большинстве случаев, а в Костромском крае, насколько удалось выяснить, всегда, в топооснове имеют консонантную группу *-н-д-* или звук *-н-* (ср. костромские гидронимы *Андоба*, *Кондобра*, *Сундобра*, *Гонеба*). Последнее — ключ к пониманию частотной и ареальной специфики топоформанта

и + ба. Дело в том, что он является фонетической разновидностью широко распространенного топоформанта *-v + ма* (*Колдома, Костома, Яхрома и проч.*), возникшей уже в русском языке на почве диссимиляции носовых *и — м н — б*. Это хорошо подтверждается и данными исторических памятников, в которых на территории Костромского уезда упоминается волость *Индома* (XV в.) [17]. Следовательно, несколько веков тому назад костромская *Андоба* была еще *Андомой*, так что о причастии на **Ba* (— фин. *-ua*) в качестве этимона не может быть и речи. Позволительно усомниться и в особой близости мерянского языка к прибалтийско-финским, во всяком случае по этому показателю, тем более, что все сказанное об *Андобе — Андоме* равной степени относится и к гидрониму *Кондобра*, которому также приписывается аналогичная структура и семантика «несущий(-ая), приносящий(-ая) (воду в другую речу)» [18].

В методике изучения субстратных географических названий выработан ряд общих положений, с которыми принято считаться в практике топонимического этимологизирования. Таковы, в частности, принципы номинации географических объектов, учет окружения, т. е. топонимического материала сопредельных территорий, адаптации со стороны усваивающего языка, выделяемых исторических документов. Иначе неизбежно возникает «кабинетная» этимология, которая иногда становится базой для широкомасштабных выводов о тех или иных свойствах восстанавливаемого языка, хотя предложенная реконструкция или крайне проблематична, или вообще является фикцией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Укаченко О. Б. Мерянский язык. Киев, 1985.
2. Там же. С. 47, 132.
3. Там же. С. 189.
4. Там же. С. 47, 62, 65, 68, 82, 116–118, 172, 179.
5. Там же. С. 117, 133.
6. Там же. С. 110, 131.
7. Есть еще гидроним *Андова* (ср. мерян. **Ba*), но он возник скорее всего под влиянием русских названий на *-ова, -ева*.
8. Если принять гипотезу финского лексиколога Я. Калимы о массовом переносе мерянских названий на Русский Север в процессе русского освоения этой территории, в котором, может быть, принимали участие и меряне (Калимо Я. Aanisen tienoon paikannimia // Virittaja. 1941. № 5. С. 326–329), то невозможно представить, как на основе единичного костромского гидронима *Андоба* возникли многочисленные и разнообразные по структуре северорусские названия с опоносной *анд-*.
9. См.: Матвеев А. К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера // ВЯ. 1969. № 5. С. 51–54.
10. Соболевский А. И. Названия рек и озер русского Севера // Известия ОРЯС АН СССР. Том XXXII. Л., 1927. С. 16.
11. Ahlqvist Aug. Kalevalan kieljaisuus. Kalevalasta itsestaan ja muualta. Helsingissä, 1887. 25.
12. Богданов Н. И. К истории вепсов (по материалам топонимики) // Известия Карело-финского филиала Академии наук СССР. № 2. 1951. С. 30.
13. Трубе Л. Л. Как возникли географические названия Горьковской области. Горький, 1962. С. 84.

14. Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976. С. 258.
15. Надкин Д. Т. Морфологическое строение мордовских дохристианских личных имен // Ономастика Поволжья. 2. Горький, 1971. С. 76-78.
16. Попов А. И. О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования // Этимология 1967. М., 1969. С. 123.
17. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950. С. 76, 78, 87.
18. Ткаченко О. Б. Указ. соч. С. 48., 68, 116-117, 149.

О. И. Новоселова

ИЗ ИСТОРИИ МЕТРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПОДВИНЬЯ

(Единицы измерения железа в памятниках деловой
письменности XVI-XVII вв.)

Торговля металлом в XVI-XVII вв. и его производство составляли важное звено экономической деятельности Московского государства, в связи с чем в документах старорусского языка довольно хорошо отражены названия единиц измерения железа. В источниках Северного Подвиная данная тематическая группа характеризуется большим разнообразием и чрезвычайной неупорядоченностью. Прежде всего, металлы измерялись весовыми единицами, в основном *пудом* и *гривенкой*, во-вторых — мерами вместимости (бочкой, котлом, корытом и т. п.). Самую многочисленную группу составляли штучные единицы исчисления железа: *батог, брус, веретено, выбоек, гиря, доска, каракуля, косяк, крица, кус, лемех, лист, обломок, обрез, ожимок, плуг, полица, полсвиньи, полполица, прут, ральник, свина, свинья, свинка, свитка, связка, связок, середка, соха, сошник, сугреб, тетрадь, четвертина*.

Вообще в XVI-XVII вв. измерение штучными мерами было обычным явлением, и они на равных правах с мерами длины, поверхности, объема, веса входили в донаучную метрическую систему, а следовательно, подчинялись некоторым закономерностям ее организации. И хотя штучные меры очень далеки от научной метрологии, все же и между ними можно выделить такие, которые находятся в определенной градации друг с другом. Они и послужили материалом данной статьи.

Состав рассматриваемых нами системных градационных рядов и соотношение между единицами во многих случаях гипотетичны, а иногда и противоречивы. Поэтому наши выводы нельзя считать окончательными. Контексты, в которых представлены названия мер металлов, в большинстве своем не отражают связи между реальными величинами, поэтому даже единичные примеры с указанием соотношений обладают некоторой диагностической силой.

Весьма частотна в документах исследуемого региона лексема *лист* — название штучной единицы исчисления преимущественно золота и серебра, а также других металлов: Купил 400 листов золота дал денег 3 руб. 4 гривны К Сп. — Пр. м., 1576 — ВХК XVI, 302); ... дано серебра сто листовъ (ПРК Ант. — Сийск. м., 1659 — 62 — ЦГАДА. Ф. 1196. Оп. 1. №1. Л. 80 об.). Название лексемы в данных контекстах определяется как 'тонкий четырехърольный пласт, выкованный из металла' (Сл. РЯ XI-XVII, 8, 239; САР III, 10; Сл. ЦРЯ II, 256). Первая фиксация с метрологическим оттенком относится к ПРК Иосифо-Волоколамского монастыря. По данным КДРС и нашим материалам, слово *лист* как метрологическое наименование имеет общерусское распространение. Косвенно мы можем судить лишь о величине листа железа: контексты показывают, что в бочку входило 300-450 листов: Даль кладом колмогорецъ... бочечьку жельза бълого 300 листовъ (Вкл. Ант., 1603, 22); ... жельза бълого ... числом в трех бочках... тысяча триста пятьдесят листовъ (ПРК Ант. — Сийск. м., 1659 — 62 — ЦГАДА. Ф. 1196. Оп. 1. № 1. л. 77 об.); Жельза такого жъ одинакого, по 450 листовъ въ бочкъ (Торг.став. мор. тариф., 1724 — КДРС).

В градационных отношениях с термином *лист* находится метрологиче-
ское наименование *тетрадь*, отмеченное на территории Подвина лишь в
каках Пертоминского монастыря: ... золота сусалнего сорок три *тетрати*
одних ... золота же красного в малых тетратехъ тринацать *тетрати*
Опись Перт. м., 1687 — ГААО. Ф. 60. Оп. 1. N48-1. Л. 2.); ... серебра
осмыдсят *тетрати*... серебра же пять *тетрати* держаных (там же. Л. 2
б.). Данное наименование фиксируется также в тихвинских, белозерских,
московских источниках. Первое отражение в письменности относится к ПРК
Ирилло-Белозерского монастыря 1581 г. Значение лексемы *тетрадь* мож-
но определить следующим образом: 'единица исчисления золота и серебра,
включающая определенное количество листов'. Контексты, позволяющие
судить о наличии градации между мерами *лист* и *тетрадь*, содержатся в
переписной книге домовой казны патриарха Никона, например: Серебра
листового двадцать семь тетратей, а въ нихъ... по пятидесяти листовъ
Казн. п. Ник., 1658 — Вр. ОИДР, XV, 23). По-видимому, количество листов
в тетради не было постоянным, поскольку в источниках встречаются опреде-
нения к слову *тетрадь*: большая и малая (пр. см. выше).

В документах исследуемого региона (волог., уст., сольвыч., северодв.,
олов.) частотно слово *свинья* — наименование штучной единицы измерения
зинца (изредка — железа), а также его варианты *свинка*, *свитка*, *свина*:
Московитин ... явил в проезд ... 4 свиньи свинцу (ТК Вологды, 1634 — 35, 146);
На свинцу 70 свинеи (Кн. Солов. м., 1639 — ЦГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. № 36.
Л. 17); ... явил продать ... 3 свинки свинцу (ТК Сольвыч., 1677 — 78 — Там.
кн. II, 400); ... 2 свитки свинца весом 9 п. (ТК Уст. Вел., 1679 — 80 — Там.
кн. III, 325).

Большое количество вариантов позволяет попутно рассмотреть и вариа-
тивные отношения между словами: наиболее распространенным в исследуе-
мый период было общерусское, по данным КДРС, название *свинья*, *свинка*
широко представлена лишь в ТК Устюга Великого и Сольвычегодска, *свина*
встретилась всего два раза в ТК Вологды и расх. кн. Чарондского бурмистра

1710 г., свинка зафиксирована также 2 раза в ТК Устюга 1679-80 годов. Однако в результате отбора вариантов победило слово *свинка*, которое и отмечено в лексикографической литературе XIX в. В Сл. ЦРЯ *свинка* — 'брускообразный слиток свинца или чугуна' (IV, 99), у В. И. Даля *свинка* — 'литокъ, брускъ свинцу, иногда и чугуна' (IV, 149). Данное толкование подтверждают современные ярославские говоры, в которых *свинка* — 'брускъ свинца' (Мельниченко, 181).

Меру *свинья* фиксируют Б. Г. Курц и Н. И. Костомаров, однако из их небольших замечаний нельзя сделать более точные выводы о семантике слова [6, с. 381; 4, с. 201]. У Б. Г. Курца читаем: «Свинья была другой неопределенной мѣрой. Свиньями привозили къ намъ свинецъ, а иногда пряденый шелкъ... По нашимъ свѣдѣніямъ, въ 1 свинью было среднимъ около 4 пудовъ...» [6, с. 381]. Однако, по нашим примерам, вес свиней мог колебаться в значительных пределах — от 2 до 10 пудов. Поэтому к слову *свинья* в источниках содержатся определения *большая* и *малая*, а также не вполне понятное словосочетание *свинья больших корыт*, которое противопоставляется *свинье малой руки*: ... по новгородской выписи ... 49 свиней больших корыт да 32 свиньи малой руки свинцу, весом 561 п. (ТК Новгорода. 1693-94 — Там. кн. Моск. 1, 52). Таким образом, несмотря на различие в весе, форма свиньи была всегда одинаковой. Это подтверждают и такие контексты: ... свинцу 2 свиньи большихъ, 4 свиньи малыхъ, да въ 7 кусъхъ, въ ѿсомъ не въ домо (Псков. а., 1631 — КДРС); ... свинья целая свинцу въ ѿсомъ четыре пуда... свинья свинцу початая (Росп. список нового белоз. воеводы. 1668 — ГПБ, Белоз. акты, N34). Метрологическое значение лексемы известно старобелорусскому языку, в котором оно отмечается с 1506 г. [9, с. 182]. В польском языке *свинья* — 'ком, груда олова' [там же]. В русском впервые отмечается с 1609 г. (АИ II, 194) и широко употребляется в течение всего XVII в. В XVI в., по наблюдениям А. Г. Манькова [7, с. 79], свинец измерялся пудами и гривенками, хотя сведения о нем очень скучны.

Лексема не отмечена в словаре Г. Е. Коцина [5]. Поэтому, видимо, старорусскому языку XVI в. данное значение не известно. Согласно В. Р. Кипарскому [3, с. 137], *свинка* свинца — это калька английского *pig of lead* «литок свинца», или *pig of iron* «литок, брускъ железа», где *pig* первоначально «свинья».

В градационных отношениях с лексемой *свинья* находилось наименование *полсвиньи* (*полсвинки*), обозначающее штучную меру свинца, составляющую половину свиньи: ... *пол свиньи* свинцу весом три пуда (Якут. а. 1643 — КДРС); ... свинцу ... *пол-свинки* весу в нем 3 пуда (Баг. Мат. XVII в. — КДРС). Данная мера представлена лишь 3 примерами в харьковских и якутском документах; в исследованиях о мерах свинца не отмечена.

В переписной книге г. Новгорода и новгородских пригородов фиксируется контекст, на основании которого можно было бы говорить о дальнейшем делении меры *свинья* на четверти, четверики и чети четверика: Да свинцу две свиньи целыхъ да в кусу больши свиньи свинцу же да в мелькихъ кусах свинцу жъ поменщи четверти четверика да в кусу с четверть свиньи свинцу же (Кн. пер. Новг., 1698-99 — ЛОИИ. К. 115. № 324. Л. 202). Мы пока не располагаем сведениями о том, существовала ли мера четверик, находя-

щаяся в точной пропорции с мерой свинья, и каково метрологическое значение чети четверика. Однако думается, что этот пример не случаен, поскольку иное словосочетание употреблено в нем для обозначения некоторого этапа: свинцу не ровно четь четверика, а «поменши». Следует обратить внимание на относительную самостоятельность метрологического значения словосочетания *четверть свиньи*, поскольку оно является своеобразным алоном при указании на приблизительную величину «куса» свинца: ... да *кусу с четверть свиньи свинцу же*. Думаем, что дальнейшие исследования позволят уточнить наши наблюдения.

Существование производных от свиньи мер свидетельствует о высокой степени терминологизации слова *свинья*, несмотря на то, что реальная величина данной меры не постоянна. Видимо, во главу угла при измерении свинца ставилась форма литья, а не вес штуки товара.

Специфически проявляются семантические градационные отношения между названиями штучных мер железа и уклада. Основной мерой цренного железа, из которого клепались солеваренные црены, была *полица*, распространенная преимущественно в северных уездах Московского государства: Да црного железа полтораста *полицъ* (Опись Солов. м., 1514 — Арх. ежегодн. 1970, 371); ... да железа пошло четыре *полицы* (ПРК Сп. — Пр. м., 1658 — АВО. Ф. 512. Оп. 1. №92. Л. 13 об.). Данная мера, первая фиксация которой письменно относится к 1514 г., описана в работах Ю. И. Чайкиной, Г. Манькова, Н. В. Устюгова [10, с. 77 — 83; 7, с. 75; 2, с. 128]. Однако производное от полицы слово *полуполица* в научной литературе не отмечено: ... железа ... пошло османацть полицъ с *полуполицю* (ПРК Ник.-Кор. м., 1655-56 — ГААО. Ф. 191. Оп. 1. №463. Л. 41 об. — 42); ... да *полуполица* железа белого (Разд. кн. Тр.-Гл. м., 1682 — ВОКМ. Ф. 2. №10. Л. 23 об.). Данное наименование представлено в иверских, устюжских и северодвинских источниках.

Торговая книга фиксирует также находящийся в градационных отношениях с полицей термин *четвертина* — наименование единицы измерения железа в 300 полиц: А нъмецкого жељза въ *четвертина* по 300 полицъ упять *четвертичу* по 2 рубля съ половиною, а коли дорога по 6 рублей Торг. кн., Записки, 127). Данное наименование и его производное *полчетвертины* отмечено на территории Подвина, но можно полагать, что оно было известно и в Новгороде: Да по двинскому ж сметному списку ... сорок *четвертина* железа белово листового (ПК Новг. четверти, 1620-21 — ПРК Моск. пр., 1983, 249); По двинскому ж сметному списку в покупках же в остатке: ... семьдесят полиц ... семьдесят четыре *четвертины с полчетвертиною* железа белово листового (там же, 250). Однако в других документах XVI-XVII вв. этот термин в данном значении нам пока не встретился, нет его и в лексикографической литературе.

В исследовании С. В. Бахрушина [1, С. 65-66] отмечаются также меры *црен* и *полцрена*, составляющие определенную градацию с мерой полица. Точные наименования фиксируются в книгах Соловецкого монастыря: в 1579-80 гг. Соловецкий монастырь купил у селжан (Селга — одна из заонежских волостей) железа цренного 4 црена без 13 1/2 полиц; в 1580 г. у сумлян (Сумский острог) был приобретен *црен* железа без 14 полиц, у Никона

Демидова Окатова было куплено *полцрена* железа, у Семена Кунехова — 225 полиц [1, с. 65-66]. Вероятно, на црен шло определенное количество полиц, что и послужило основанием для возникновения меры *црен*. В источниках других регионов подобное употребление лексемы *црен* не отмечено.

Определенная градационная связь существует также между мерами *полица* и *крица*, *крица* и *прут*. Однако градационные семы в значениях слов *крица* и *прут* являются периферийными. Слово *крица* как название штучной меры железа — полуфабриката, которое шло на изготовление уклада (железа, приближающегося по своим качествам к стали) и других изделий, было общерусским. В документах исследуемой территории данная мера — одна из самых употребительных: Купили железа судромъског сто пятдесят *криц* (ПРК Тот. пр., 1623 — ГПБ. П. 119. Л. 24 об.); ... желъза ветоши осталос семь пуд да девять *крич* (ПРК Ник.-Кор. м., 1669-70 — ГААО. Ф. 191. Оп. 1. № 598. Л. 6). О крице имеется немало замечаний у ряда исследователей [8, с. 55, 131, 152; 10, с. 77-83]. Вес крицы, т. е. слитка, куска железа, получающегося прямо из руды путем смешения с углем, зависел от размеров горна. Объединим наблюдения, сделанные К. Н. Сербиной в ее монографии, в следующую таблицу:

Тихвин. у.	Новг. у.	Тульск. у.	Алексин. у.	Нижегор. у.
24-36 ф.	36 ф.	2-6 пуд.	2-5 пуд.	5-8 ф.

В наших источниках вес криц обычно не указывается. Исключение составляет следующий пример: ... дано в кузницу ... *крицу* желъза черного весом четырнадцат фунтов на насеку (ПРК Тр.-Гл. м., 1682 — ДПВК, 80). Отсюда можно сделать вывод, что в Устюге Великом крицы весили около 14 фунтов. Таким образом, реальная величина крицы железа установлена для разных центров железноделательной промышленности Русского государства. Однако соотношение между крицей и другими штучными мерами железа в исследованиях не показано. Тем не менее такие соотношения были, хотя они и плохо отражены в документах того времени.

Так, нам встретился контекст, из которого следует, что в Тотьме из одной крицы выходило 2 полицы цренного железа: Выбил кузнец из ста криц двъсти полиц цыренного желъза (РК Тот. пр., 1616 — ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. № 14. Л. 54 об.). Конечно, из этого нельзя делать вывод о том, что значение слова *полица* в тотемском говоре — «единица измерения железа, равная 1/2 крицы». Полица здесь — небольшая железная пластина, идущая на изготовление солеваренного црена. Однако на периферии значения находится градуальная сема «получающаяся из половины (либо из части?) крицы». Об определенном соотношении между крицей и полицей свидетельствует также следующий контекст: ... выбили кузнецы ис судромъског железа ис *крицъ* сто девяносто пять *полиц* цыреного железа (РК Тот. пр., 1606 — ДПРС, 1, 29-30).

Общерусское распространение имела лексема *прут*, значение которой Г. Е. Кочин определяет как форму литья и единицу исчисления железа [5, с. 287]; однако, несмотря на широкое употребление данной меры, а также

имеющиеся исследования [7, с. 75-76; 10, с. 77-83], семантика слова продолжает оставаться не вполне ясной, а некоторые факты кажутся противоречивыми. С одной стороны, мы имеем следующий пример, показывающий связь между крицей и прутом: ... а мелкого доходу ... 16 возовъ съна, 40 прутовъ и 7 крицъ железа, а в прутъ по 10 крицъ (Кн. пер. Водск. пят. 1, 917). А с другой стороны, в грамоте боярина Морозова приказчику в Нижегородскийезд читаем: А выходит де у них из горна на сутки по 7-ми криц и по 8-ми ... ис крицы де выходит по 4 прута железа, а прут де такой купить по торговому по 8-ми денег (Хоз. Мор. II, 1651, 160).

Думается, что в разных диалектах старорусского языка и в разные периоды метрологический термин *прут* имел неодинаковое значение. В лексикографической литературе зафиксировано лишь одно из них: «металл, вытянутый в виде прута» (Сл. ЦРЯ III, 572); «кусок металла в форме стержня прутлого или квадратного сечения» (Щеглова, Словарь, 387), а следовательно, и штучная единица исчисления такого металла. Именно это значение представлено в последнем примере. Причем такой прут мог получаться либо из крицы, либо непосредственно из руды. Отсюда — и прутовос жлезо, которое вместе с кричным было одним из видов железа-полуфабриката и предназначалось для выделки металлических изделий. Естественно, что величина прута, как и крицы, могла колебаться в значительных пределах. (Овидимому, именно с такой семантикой употребляется лексема *прут* в документах Подвина: ... купил пятнадцать прутов желиза с прутом дал полтора рубли (ПРК Ант.-Сийск. м., 1575-1643 — ЛОИИ. Ф. 5. Оп. 2. № 1. Т. 81); 24 прута железа свейского (ТК Уст. Вел., 1633-34 — Там. кн. 1, 15); ... явил на санех 270 прутов железа (ТК Вологды, 1634-35, 140).

Другое метрологическое значение лексемы *прут* можно определить по приходо-расходным книгам Иосифо-Волоколамского монастыря: ... восемь прутов железа, а в осми прутех 160 батагов, дано 3 рубли (ПК Иос.-Волок. м., 1581-82 — ВХК XVI, ПРК Иос.-Волок. м., 221). Видно, что один прут равен двадцати батагам. Если прут здесь «брус, стержень, слиток металла», то непонятно, как он может делиться на составные части. В ПРК 1586 г. содержатся сведения о том, что Чудов монастырь купил 2 связки уклада по 20 батожков в каждой; в этой же книге указано, что 1 прут = 20 батожкам [7, с. 77]. В книге 1606-07 гг. встречаем следующий пример: Куплено 15 связков железа без пяти батогов (ПРК Иос.-Волок. м., 1606-07 — Археогр. ежегодн., 1968, 348). Возможно потому, что *прут* в данном случае — «связка, сцепление». Видимо, это значение отражено и в Кн. пер. Водск. пят. I, и прут в них — «связка из 10 криц». Возможность появления у лексемы *прут* семы «связка, сцепление» подтверждается некоторыми современными русскими говорами. Так, по материалам КСРНГ, в рязанских диалектах *прут* — «нанизанные на нитку однородные предметы» (о бусах), в сибирских *прут юхалки* — «тонкая жердь с нанизанной на ней юхалкой числом в сто штук» (юхалка — «сельдятка, разрезанная по длине и высушенная на воздухе»).

Среди других многочисленных мер железа какой-либо градационной организации не прослеживается. Да и рассмотренные нами градационные связи единиц друг с другом, которые отражаются в семантических градационных отношениях между словами, нечетки, непостоянны и трудно опреде-

лимы. Переплетение многообразных связей не приводит к образованию строгой системы единиц измерения железа. Несовершенство этой системы и послужило причиной того, что в конце XVII в. металлы все чащи начинают измеряться мерами веса, хотя никакого упорядочения единиц измерения металлов со стороны официальных властей не было.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бахрушин С. В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — нач. XVII вв. // Научные труды. М., 1952. Т. 1.
2. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1956.
3. Кипарский В. Р. Рецензия // Вопросы языкоизнания. 1956. № 5. С. 130-138.
4. Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862.
5. Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937.
6. Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.
7. Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951.
8. Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность центральной России XVI — перв. пол. XIX в. Л., 1978.
9. Скурат К. В. Наименования метрических единиц в старобелорусском языке (на материалах письменных памятников XV-XVII вв.): Дисс... канд. филол. наук. Минск, 1971.
10. Чайкина Ю. И. Из истории русской метрологии (штучные единицы измерения железа в белозерской письменности XVI-XVII вв.) // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИ II — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. II.
- ВХХ XVI — Вотчинные хозяйственныес книги XVI в. Приходныс, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574-1600 гг. М.; Л., 1979.
- Вкл. Ант. — Изюмов А. Ф. Вкладные книги Антониева Сийского монастыря 1576-1694 гг. (Чт. ОИДР, 1917. Кн. 2. Отд. 1. С. 1-79).
- ДПВК — Деловая письменность Вологодского края XVII-XVIII вв. Составители А. П. Ларионова, Г. В. Судакова, Ю. И. Чайкина. Вологда, 1979.
- ДПРС I — Деловая письменность Русского Севера XVI-XVII вв. (Материалы к практическим занятиям по истории русского языка). Вологда, 1986.
- Кн. пер. Водск. пят. I — Новгородские писцовые книги. Т. III. Переписная оброчная книга Водской пятини 1500 года. I-я половина. СПб., 1868.
- Мельническо — М с л и н и ч с н и к о Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
- САР — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I-VI. СПб., 1806-1822.
- Сл. ЦРЯ — Словарь церковно-славянского и русского языков, сост. Вторым отделением Имп. Академии наук. Т. I-IV. СПб., 1847.
- Там. кн. II-III — Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. II-III. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма. Под ред. А. И. Яковлева. М.; Л., 1951.
- Там. кн. Моск. I — Книги Московской большой таможни. 1693-1694 гг. Новгородская, Астраханская, Малороссийская. М., 1961 (Тр. ГИМ. Вып. 30).
- ТК Вологды — Таможенная книга города Вологды 1634-35 гг. М.: Институт истории СССР, 1983.

Торг. кн. — Торговая книга. С предисл. И. И. Сахарова (Зап. Отдел. русской и слав. археологии Археолог. об-ва. Т. I, 1851. Отд. 3. С. 106-139).

Хоз. Мор. II — Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. (Хозяйство боярина Г. И. Морозова. Ч. I-II). М.; Л., 1936.

Щеглова, Словарь — Щеглова Н. А. Терминологическая лексика оружейно-железоделательного производства XVII-XVIII вв. (по материалам Тульского края): Дисс... канд. филол. наук. М., 1964. 411 с. — Словарь. 541 с.

Е. Н. Полякова

ЛЕКСИКА ГОВОРЕНИЯ В ПЕРМСКИХ ПРОЗВИЩАХ КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVIII ВЕКА*

В последней четверти нашего века активно ведутся исследования русских фамилий, зафиксированных в документах разных эпох. Большое внимание уделяется анализу основ фамилий и реконструкции прозвищ, ставших некогда основами 3/4 всех русских фамилий. В связи с этим анализируются многие северорусские памятники письменности XVI — начала XVIII в. — времени формирования фамилий всех социальных слоев общества и фиксации их в переписных и других документах [5, 7, 1]. Среди них значительное место занимают пермские памятники (далее ПП), изучение которых позволяет реконструировать значительный пласт слов нарицательных, перешедших в прозвища, ставших затем основой формирующихся фамилий [2, 3].

Под ПП имеются в виду переписные, имущественные и судебные акты, написанные в XVI — начале XVIII в. на территории Верхнего и Среднего Прикамья, т. е. в Перми Великой, Соли Камской, пермских вотчинах имених людей Строгановых, в Кунгурском и Осинском уездах.

Нередко в ПП фиксируются и сами прозвища, и антропонимы, оформляющиеся на их базе с помощью суффиксов -ов, -ев, -ин, -ых: «Крестьянин деревни на реке Каме и на Усть-Юге Демка Михайлов сын Сивко» и «Крестьянин деревни Верхний Шакшер на реке Каме Пороша Сивков»; «Чердынец Гриша Ситник» и «Кунгурский площадной подьячий Захар Ситников»; «Крестьянин Городка на Чусовой над речкою Усолкою Аничка Иовлев сын Рябуха» и «Кунгурский целовальник Елеска Рябухин»; «Кунгурский бобыль Феклиско Филипов сын Гладких» и «Крестьянин деревни Бовина Гора Ивашко Петров сын Гладкой».

Оформленные суффиксами -ов, -ев, -ин, -ых антропонимы передавались из поколения в поколение, закреплялись как семейное именование, становились фамилиями. Отбрасывая указанные суффиксы, мы восстанавливаем

* В статье представлена часть исследования «Пермские фамилии XVI — начала XVIII века», проведенного на средства Международного фонда «Культурная инициатива».

ту основу, которая явилась базой фамилии. Это были либо имена (ср.: Анисимов от Анисим, Арефиных от Арефа), либо чаще прозвища: Галкин от прозвища Галка, Дерягин от Дерягá 'неговорчивый, вздорный человек', Брюханов от Брюхан 'толстый человек'.

В ПП собственно прозвища встречаются не столь часто, как фамилии, преимущественно они отмечаются в ранних переписных и других официальных документах (ср. писцовую книгу по Перми Великой 1579 г. Ивана Яхонтова), а также в показаниях истцов, ответчиков, свидетелей при передаче прямой речи в судебных актах. В основном же в текстах фиксируются антропонимы, оформленные суффиксами притяжательных прилагательных и воспринимающиеся современным читателем как фамилии.

Именно фамилии дают большой материал для реконструкции старых прозвищ, полученных людьми в разных бытовых ситуациях. Нередко они давались по каким-то ярко выраженным чертам: по особенностям внешности, характера, манере двигаться, говорить и т. д. Восстановление старых прозвищ позволяет существенно пополнить списки слов нарицательных XVI–XVIII вв., особенно слов эмоционально окрашенных, сниженных, редко попадавших в официальную письменность вне антропонимии.

Среди многочисленных, разнообразных и весьма интересных для современного исследователя реконструированных на базе фамилий слов нарицательных значительную часть составляет группа, которую можно отнести к лексике говорения. Под лексикой говорения традиционно понимаются слова разных частей речи, связанные с речевым процессом, однако в исследуемом материале представлены только существительные и прилагательные — именования людей по их участию в речевом процессе, по особенностям произношения, по отношению говорящих в процессе речи к реальной действительности. Ранее изучалась лексика говорения по данным современного пермского говора [6], теперь обратимся к антропонимии пермских памятников письменности.

К лексике говорения можно отнести более 60 прозвищ, обнаруженных в ПП или реконструированных по пермским материалам. Среди них лишь одно слово легко выделяется в эту группу, так как совпадает с современным литературным — *говорливый*. Не исключено, что к лексике говорения можно отнести и давнее прозвище слово *болтун*, хотя актуальным здесь могло быть и другое значение: *болтун* — 'человек, болтающийся без дела'.

Всё же остальные слова оказалось возможным выделить в исследуемую группу только после специального анализа. Этот анализ проведен в процессе сопоставления прозвищ ПП с материалами диалектных, исторических, этимологических, антропонимических словарей русского языка, а также словарей и словников, фиксирующих данные коми и тюркских языков. Значения восстановленных прозвищ реконструируются в основном по данным «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, «Словаря русских народных говоров», «Этимологического словаря славянских языков», а также словарей архангельских, вологодских, пермских и среднесууральских говоров.

В большей части случаев оказалось, что исследуемые слова употреблялись или употребляются сейчас в различных русских и, в частности, в север-

иорусских говорах: *бормот* 'говорящий быстро, бормочущий', *верещага* и *голда* 'чрезмерно говорливый', *варакса* и *голомолза* 'болтун, пустомеля'. Некоторые слова фиксируются в словарях как пермские или уральские: *бобоша* 'человек, невнятно говорящий', *борш* 'тот, кто ворчит, бранится', *ватлаш* 'болтун, пустомеля', *турус* 'тот, кто говорит вздор, врет'. Видимо, изучение именно реконструированных прозвищ памятников разных территорий позволит расширить границы употребления в прошлом тех или иных слов. Ср. употребление известного как пермское слова *бобоша* в вологодской антропонимии XVII–XVIII вв. [7, с. 13].

Для значительного числа прозвищ ПП, к сожалению, нет параллелей среди обозначающих лиц имен существительных нарицательных со значением говорения. Однако отмечаются однокоренные к ним диалектные глаголы, которые дают возможность гипотетически реконструировать не только форму прозвищ, но и их семантику. Так, по фамилии Варачев реконструировано слово *варач*, которое соотносится с глаголом *варачкать* — 'болтать, пустословить'. Таким образом, можно предположить, что *варач* — 'болтун, пустомеля'. Ср. также в таблице:

Фамилия	Реконструированное прозвище	Глагол	Значение глагола
Ватолин	Ватола	ватолить	'говорить невнятно'
Гайков	Гайко	гайкать	'кричать, шуметь'
Кайков	Кайко	кайкать	'говорить громко, возбужденно'
Кичев	Кич	кичать	'кричать'
Киленин	Киленя	килить	'ворчать'
Кыринаев	Кырнай	кырнуть	'вскрикнуть'
Латышев	Латыш	латышить	'кардавить'
Лусников	Лусник	луснить	'говорить'
Пастин	Паста (Пастя)	пастить	'орать'
Репинин	Репня	репеть	'ворчать'
Трецилов	Трецило	трещать	'быстро говорить'

В результате восстановлены прозвища *ватола* 'говорящий невнятно', *гайко*, *кайко*, *кич* и *паста* (пастя) 'крикун, громкоголосый', *киленя* 'ворчун', *латыш* 'кардовый', *лусник* 'говорливый, болтливый', *репня* 'ворчун', *трещило* 'говорящий быстро'.

Реконструированные таким образом прозвища можно рассматривать наряду с зафиксированными в материалах для сопоставления. В итоге оказывается, что в пермских говорах XVI — начала XVIII в. функционировал значительный ряд слов лексики говорения.

Часть прозвищ характеризовала человека, говорящего много, без умолку: *говорливый*, *голда*, *дудяк*, *колтыря*, *лусник*. Болтуна и пустомеля в

Прикамье называли словами *баланда*, *ботало*, *бот*, *варач*, *варакса*, *ватлаш*, *голомолза*, *колег*, *колотило*, *колт*, *турус*. В прозвищах отражалась манера говорить, например, подчеркивался громкий голос, крикливость носителя прозвища (*гайко*, *громотан*, *громыхало*, *гурыль*, *зык*, *зыковка*, *кайко*, *кич*, *кука*, *рычко*, *шумиха*), различные недостатки произношения (*ваула* и *заяка* 'зайка', *латыш* 'картавый', *сесюня* 'шепелявый', *бобоша* и *мик* 'говорящий исквятно'). Ряд прозвищ объединяется общим значением 'ворчать': *борш*, *килена*, *кыр(а)*, *репня*, *ропотун*.

В таких прозвищах, как *валка*, *вискун*, *голк*, *кырнай*, *рай*, семантику можно лишь предположить либо на основе одного из значений слова, не называющего человека, (*рай* — 'гул, раскат', *раять* — 'звучать', видимо, словом *рай* могли назвать человека с громким голосом; *голк* — 'шум, крик', этим словом характеризовали громкого голоса), либо на основе значения однокоренных глаголов: *вискать* — 'визжать', т. е. *вискун* — 'говорящий визгливо', *кырнуть* — 'кашлянуть, подать голос', отсюда *кырнай* — 'говорящий с хрипом, с кашлем'.

В исследуемой группе слов выделяются образные, появившиеся в результате сравнения со звучащими предметами. Так, в говорах бытуют названия колокольчика, подвешиваемого на шею коровы, *ботало* и *кутак*. В них развилось и другое значение — название болтливого человека, пустомели. Эти слова отмечаются в качестве основ фамилий Боталов и Кутаков. Фамилия Реутов могла возникнуть от слова *реут* 'большой колокол'.

По-видимому, было достаточно прозвищ, характеризующих человека по манере говорить, возникших как результат сравнения с подающими голос звярями и особенно птицами. Такие образные антропонимы обычно отмечаются исследователями северорусской ономастики. Например, в исследовании образных прозвищ Русского Севера М. Э. Рут приведены комментарии носителей говоров, поясняющих причину появления того или иного антропонима: «Ворона. — Кричит, как ворона... Накаркает что-то плохое вечно... Каркает много на себя, на людей; Гагара. — Голос у Дашки Гагары противный; Кукушка. — Кукувала только, ничо не делала; Сорока. — Сорокает, сорокает, спасу нет, ну, болтает много» [5, с. 407-450].

Некоторые прозвища, реконструированные на базе фамилий ПП, соотносятся с однокоренными глаголами, называющими крик животных или птиц. Так, прозвище *Кич* связано с однокоренным диалектным глаголом *кичать*, *кычать* 'курлыкать (о гусях, лебедях)', именование *Каньша* — с диалектным глаголом *каньшить* 'надоедно и долго мяукать'. Прозвище *Сыч*, помимо названия птицы, связано с диалектным глаголом *сычить* 'сипло кричать'.

Видимо, таких прозвищ, данных в прошлом в пермских говорах по манере говорить, по голосу в результате сравнения с птицами, было немало, однако прямых доказательств этого у нас нет.

В антропонимии ПП фиксируется немало складывающихся фамилий, в основе которых лежат прозвища и имена из прозвищ коми-пермяцкого языка, ср.: *Гоб* 'гриб', *Сюзь* 'филик', *Ижитпель* 'большое ухо', *Кушпель* 'голое ухо', *Жебег* из *жеб* 'дряхлый, слабосильный', *Жунег* из *жунь* 'сисигирь'. Однако лексика говорения, восстанавливаемая по антропонимам ПП,

оказывается обычно русской по происхождению и употреблению. Коми слов в ней единицы: Колег 'болтливый', Ляб 'жалующийся, плачущий'; возможно в качестве образного прозвища слово Кыр 'дятел' (но сравни русское *крыть* 'ворчать'); может быть, Тюлелий (коми глагол *тялякыны* 'лепетать').

Выявление в ПП прозвищ, характеризующих человека по особенностям говорения, показало, что они составляют довольно значительную группу слов, являющихся в настоящее время диалектными или исчезнувшими совсем. Однако и среди отмеченных словарями XIX-XX вв. диалектизмов, которые использованы нами для реконструкции семантики, большая часть в современных пермских говорах уже не фиксируется [ср. б; словари пермских говоров] и при прямом опросе носителей пермских говоров (и городского просторечия) уже не поддается истолкованию. Эта лексика в основном вышла из употребления, тогда как в XVI — начале XVIII в. многие из анализируемых прозвищ функционировали на разных территориях Верхнего и Среднего Прикамья (т. е. обширной области распространения пермских говоров), что говорит о ее актуальности и обычности в прошлом.

Кроме Верхнего и Среднего Прикамья, и другие территории Русского Севера (а иногда и не только северорусских говоров) были местом активного употребления в антропонимии слов, пришедших из лексики говорения. Выявление их поможет решению различных проблем диалектологии, исторической лексикологии и этимологии. Таким образом, реконструкция лексики по данным антропонимии разных регионов — одна из важнейших задач историков русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. К ю р ш у н о в а И. А. Славянская антропонимия Карелии XV-XVII веков в связи с реконструкцией лексики донационального периода. Автореф. диссерт... канд. филолог. наук. Вологда, 1994.
2. П о л я к о в а Е. Н. Об источниках изучения разговорной лексики XVII века (Переписная книга Прокопия Елизарова 1647 года по вотчинам Строгановых) // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1978.
3. П о л я к о в а Е. Н. Об источниках исторической реконструкции пермских говоров XVII века (на материале лексики) // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1993.
4. Р у т М. Э. Образная ономастика в русском языке: ономасиологический аспект. Диссерт... докт. филолог. наук. Екатеринбург, 1994.
5. С и м и н а Г. Я. Фамилия и прозвища // Ономастика. М., 1969.
6. С к и т о в а Ф. Л. Из наблюдений над лексикой говорения в народной речи (опыт определения границ и структуры лексико-семантической группы) // Вопросы фонетики, словаообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Труды 4-й зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала. Пермь, 1964. Вып. 1.
7. Ч а й к и н а Ю. И. История вологодских фамилий. Вологда, 1989.

Л. В. Савельева

ПРОТИВОРЕЧИЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО И
АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ
СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
ДРЕВНЕРУССКИХ ПАРАТАКСИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ

Взаимодействие языка и мышления в ходе исторического развития языковой структуры — один из основных постулатов общей лингвистики, который тем не менее практически не был конкретизирован в исследованиях, в том числе и по историческому синтаксису русского языка. В ряде наших работ последнего времени [13, с. 29-40; 14, с. 134-146] механизм взаимодействия языка и мышления был изучен на примере развития синтаксических форм отрицания. При этом нами обосновывался принципиально новый подход к причинности структурных изменений языка как способу разрешения противоречия синтаксического и актуального членения отрицательных построений, если оно становится регулярным и однотипным в их реализациях.

Принципиальная возможность реконструкции коммуникативного задания высказываний по письменным источникам (т. е. при отсутствии фразового удараения) вытекает из лексико-семантической структуры предложения, синтаксического характера компонентов и внепредложеческих факторов [1, с. 39-40], благодаря которым анализируемая линейно-динамическая структура выступает «ампутированным элементом макроконтекста» [2, с. 7].

Аналогичная обусловленность диахронического структурного сдвига может быть прослежена в истории тех синтаксических конструкций, которые представляют собой частные проявления общей паратаксичности древнеславянской речи. Под паратаксичностью мы имеем в виду наиболее существенную черту архаического синтаксического строя — отсутствие или относительную слабость формальной зависимости синтаксических единиц (словоформ, словосочетаний, предикативных единиц), вступающих в сложные функционально-семантические отношения [11, с. 137; 13, с. 39-51].

Предметом рассмотрения данной статьи являются паратаксические субстантивные построения, функционирующие в структуре древнерусского простого предложения, типа *грамота своя рука, грамоту своя рука, к рукъ к сultану, на бочку на рожь, с дѣтищемъ мужескъ поль* и под. Слабость паратаксической связи, не имеющей морфологических средств выражения, обусловливает особую природу этих субстантивных конструкций, которые не являются словосочетаниями в том смысле, как употребляется этот термин в трудах В. В. Виноградова, Н. Н. Прокоповича, Н. Ю. Шведовой, О. Б. Сиротиной, Г. А. Золотовой и др.

Прежде всего, паратаксические сочетания не обладают строгой синтаксической организацией по принципу подчинения с однонаправленной связью. Кроме того, они далеко не всегда представляют собой вне предложения номинативную единицу, передающую расчлененное понятие, так как не

оляются, подобно словосочетанию, моделью распространения слова. Если же отталкиваться от теоретической концепции форм имени и их функций в коммуникации Г. А. Золотовой [3, с. 66-101; 4, с. 65-67], то обнаруживается новая функциональная типология парапаксически присоединяемых именных словоформ обоих видов [9]. Так, второй компонент субстантивных построений вида: *грамоту своя рука, с дѣтищемъ мужескъ поль* — может быть потреблен самостоятельно (выделяемая Г. А. Золотовой первая функция) и в качестве компонента аналога словосочетания (третья функция), но лишен возможности выступать в качестве компонента предложения (вторая функция). Парапаксически присоединяемый компонент в конструкциях однопадежного ряда: *к рукъ к сultану, на бочку на рожь* — совмещает в себе одновременно функции вторую и третью (как компонент аналога словосочетания). Как видим, в обоих типах парапаксической связи имеется необычная для современного языка сочетаемость функций в словоформе.

С другой стороны, рассматриваемые конструкции обнаруживают черты, общие со словосочетаниями: 1) грамматическая семантика, т. е. возникающие смысловые отношения между парапаксически соединяемыми субстантивами (определительные, объектные, информативно-вспомогательные); 2) наличие номинативного ядра, обозначающего тот семантический разряд, к которому принадлежит все сочетание; 3) синтагматическая зависимость компонентов, которая реализуется в обычной контактной позиции присоединяемого субстантива.

Все сказанное позволяет считать парапаксические конструкции простого предложения скорее аналогом словосочетания, чем словосочетанием. Занявшая зону переходности между ними, парапаксические конструкции разных видов в значительной степени приближаются к подчинительным словосочетаниям, сохранив вместе с тем свою полицентрическую природу.

На современном этапе теоретического языкоznания проблема взаимосвязи синтаксического строя с мышлением вырисовывается как взаимосвязь синтаксического и актуального (коммуникативного) членсния, передающего субъектно-предикатную структуру суждения. При этом изучение коммуникативных функций, заложенных в структуре предложения, признается одной из перспектив синтаксических исследований современного языка [5, с. 513]. Не менее важным следует признать и изучение коммуникативных парадигм синтаксических конструкций на диахронической оси.

В аспекте актуального членения парапаксические построения выступали в составе высказывания с недифференцированной, неустановившейся функциональной перспективой, то есть имеющего двухвершинный (иногда многовершинный) коммуникативный центр, или бифокусную (а иногда и полифокусную) рему. Ход познавательной мысли, фиксируемый актуальным членснисом, при этом как бы раздваивается — явление, подмеченное еще А. А. Потебней, писавшим о двух параллельных направлениях мысли [7, с. 209].

Таким образом, в состоянии «синтаксического покоя» (выражение В. Г. Адмони), или в «синтагматически независимых условиях контекста» [6, с. 37], структурная схема предложения с парапаксическим сочетанием соответствовала актуальному членснию на тему и постпозитивную бифокус-

ную рему: итекыше припаде // к Сосиеви къ ногама (И. Фл., 531); мы ся доискахомъ // оружьем одною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь (Лавр. л., 16); а въ межахъ та пожня // съ Ефрутиными бѣтыми съ пожнею (А. Ю., 124); а сверхъ того есми послаль тобъ // Федорову ружу деловую грамоту (там же, 26); взяти у Федора у Григорьева у Плещеева // тафья синь бархат (там же, 488).

В условиях конситуации в стилистических целях для передачи субъективной окрашенности речи была возможна препозиция единой двухвершинной ремы: Чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружие // — храброму Святыславичу! (Сл. о п. Иг.); а люди многое множество плѣниша (Лавр. л., 118); а въ Китайской земль люди робливы, и про Объ великую рѣку и вершину и устья // не знаютъ (Пут. каз. атам., 186); а женской поль вдовы // живут в своих мужних домъх (Кот., 231 об.).

Дистантное положение двухвершинного коммуникативного центра, относительного компонентам паратаксических сочетаний, отражает разговорную стихию спонтанной, неподготовленной речи: а пѣлки своя // приведе в Новгородъ // множество (1 Новг., 243); отпissи есми в тѣхъ денгах у Федора взять его руку (А. Ю., 452); и отроча // узрѣ лежаша на дциѣ // мужескъ поль (Лег., 415). Оторванность паратаксических компонентов друг от друга часто была продиктована стремлением особо акцентировать каждый из них: да ко мнѣ нарокомъ к Москвѣ тѣ грамоты пришли с сердечным словъкомъ или встречю ко мнѣ пошли къ Ярославлю (Пам. дипл. сн., 238); да за рожь нам дати за бочку за всяку пятнадцать алтынъ денгами (А. Ю., 138). Подобный тип коммуникативных высказываний близок тому, где паратаксические конструкции занимали начальную позицию, составляя лишь первую часть раздвоенного коммуникативного центра: Отъ пасынь отъ коров // дано // 5 алтынъ ... На пять Троицъ на письмо // дано иконнику // восемь алтынъ (Пр.-расх. кн., 180); а со льну съ скирди // имати // десятая горсть (А. Ю., 108).

Во всех рассмотренных типах высказываний синтаксические члены, объединенные паратаксической связью, входили в состав актуализируемого центра, являясь его существенно важными коммуникативными элементами.

Механизм взаимодействия коммуникативного и конструктивного уровней на синхронном срезе эпохи начала письменности нами понимается следующим образом. С одной стороны, установка на непринужденный разговорный стиль позволяет субъекту речи не дифференцировать некоторые отношения объективной действительности формально-грамматическими средствами, компенсируя это акцентуацией (точнее — ритмико-интонационно), а также синтаксическим соположением соответствующих членов, отражающих последовательность формирования мысли. Другими словами, выбор паратаксической конструкции в определенной степени обусловлен коммуникативным заданием. С другой стороны, синтаксическая позиция автономности, формальная независимость от члена, с которым связывают атрибутивные, объектные и некоторые другие семантические отношения, манифестируют самостоятельную коммуникативную значимость компонента паратаксического сочетания, т. е. такое грамматическое членение требует его логического подчеркивания (актуализации).

К XVI-XVII вв., ко времени интенсивного отражения разговорной речи в письменных памятниках, паратаксические конструкции имели уже давнюю традицию употребления. Возросшие потребности в расщеплении мысли, в отделении главного от второстепенных деталей приводят к развитию и укреплению новых форм выражения логической зависимости понятий. Развложение бифокусной ремы за счет частичной деактуализации стало побудительным мотивом для перестройки структуры этих сочетаний.

Памятники письменности свидетельствуют, как с течением времени для передачи сложных смысловых связей компонентов выдвигаются новые грамматические приемы — в первую очередь, за логически подчиненным членом паратаксического сочетания закрепляется постпозитивное положение. По нашим данным, в XVI-XVII вв. постпозиция логически зависимого слова в атрибутивном функционально-семантическом типе встречается в 80% случаев, в объектном — в 76%, в релятивном — в 70%. Установление препозиции логически главного слова сопровождалось и диктовалось углубленной дифференциацией значений членов паратаксического сочетания. Так, например, объектное отношение содержащего и содержимого (ср.: *всяких благовонных зелей в оловяники покласти или в бочечки в горячее вино* — Домостр., 46) и релятивное отношение измеряемого вещества и его меры (см. выше — *зарожь дати за бочку*) передаются исключительно порядком членов. Смещение равных пропорций в расположении компонентов сочетания уже свидетельствовало о нарушении «чистого паратаксиса», о появлении момента дифференциации на главное и второстепенное, а следовательно, — о закате паратаксических конструкций.

Дальнейшая судьба паратаксических соединений характеризовалась несколькими направлениями, которые более всего определялись взаимодействием коммуникативного и конструктивного уровней.

При наличии параллелизма двухвершинного коммуникативного центра и паратаксической структуры широко развиваются ритмико-интонационные способы выражения ступенчатого характера ремы при сохранении грамматической формы компонентов. Таким путем развивались, во-первых, аппозитивные паратаксические сочетания, давшие широко распространенные в современном языке обособленные приложения. Ослабление былой паратаксичности за счет развития связи согласования доказывается меньшей формальной зависимостью древнерусского приложения в падежах и числе, его большей самостоятельностью по отношению к определяемому [8]. Во-вторых, по этому пути развивались паратаксические конструкции с соотносительными объемами компонентов (в основном релятивные и объектные с сопоставлением части и целого), которые легли в основу современных уточнительных конструкций. Постепенное закрепление постпозиции более узкого по объему компонента, а вместе с тем и формирование уточнительной конструкции особенно заметно в предложных релятивных паратаксических сочетаниях с пространственным значением, типа: *Жити ему в слободѣ в своемъ дворѣ* (А. Ю., 203); а *челобитная принести въ Новъгородъ въ съезжую избу* (Там же, 142). По данным юридических актов XVII в., в подобных высказываниях член-конкретизатор практически выходит из препозитивного употребления (менее 10% случаев, подробнее см. [10, с. 66-67]).

При наличии параллелизма синтаксического и актуального членения паратаксические сочетания могут развивать ступенчатый характер ремы путем развертывания паратаксического атрибута с зависящими от него словами в предикативную единицу. Напр.: Куплены два ножа рыбы, оправа сребреная чеканная (А. Уст. еп., 1034); на киотъ крест, древо красное с камением (Там же, 1008). При этом в высказывании возникает двухплановая функциональная перспектива, свойственная сложным предложениям.

В других контекстных условиях, при регулярных и однотипных нарушениях параллелизма паратаксической структуры и соответствующего актуального членения, создаются предпосылки для конструктивного сдвига-развития гипотаксической связи управления. Функциональная перспектива при этом может быть двух типов:

1. Оба компонента паратаксического сочетания выступают в функции темы: Того дни у королевны у стола стоял // и лорд Винзор (Пам. дипл. сн., 338); Весь оброк полтину дал наперед // самому Ивашку Ондрѣеву сыну (А. Ю., 88).

2. Коммуникативно-прагматическая направленность высказывания маркирует фразовым ударением только первый из компонентов, в то время как паратаксически присоединяемый компонент редуцируется, передавая менее существенную, добавочную информацию: Бог простил отроча (четыре года), сына подъячего Сувора Богдана (I Новг. л., 118); Да другому сыну Ивану огород половина ... покаместа онъ Иванъ да дѣти его похотять жить на той землѣ и своею половиною (огородом) владеть (А. Ю., 188); А ини (останок) вѣгоша в городъ (I Новг. л., 316). Именно в таких высказываниях с полной или частичной деактуализацией паратаксического сочетания алогизм грамматической автономии второго члена создавал предпосылки для разного рода гипотаксических замен, которые эксплицировали логическую зависимость словоформы и устанавливали соответствие актуального членения и структурной схемы.

Особая ритмомелодика в сочетании с постпозицией логически зависимого компонента были необходимым этапом в развитии конструкций как с подчинительной связью согласования (обособленное приложение, уточнительная конструкция), так и с подчинительной связью управления. Не случайно сохранившиеся в синтаксисе народных говоров паратаксические сочетания, по свидетельству А. Б. Шапиро, характеризуются именно особой ритмомелодикой и постпозицией зависимого слова, «играющими решающую роль для выражения логической подчиненности в рамках паратаксиса» [15, с. 299].

Конкуренция «одноплоскостных» паратаксических и «разноплоскостных» гипотаксических сочетаний компонентов уже к началу письменности разрешалась в пользу последних именно в связи с универсальностью их функций в высказывании. В ходе же активного познавательного процесса высказывания с диффузной нерасчлененной ремой, которая соответствовала структурной схеме паратаксиса, обнаруживали тенденцию или к более дробному актуальному членению, или к освоению новой для паратаксических компонентов тематической функции, что и обусловило перестройку этого важного фрагмента синтаксического строя. Регулярные и однотипные нару-

шения коммуникативной нормы — всегда свидетельство назревающих структурных изменений в данном звене синтаксической системы. Именно движение мысли как субстрат синтаксических конструкций вызывает очередное обновление в технике передачи информации, которое в свою очередь дает толчок развитию семантических, грамматических и коммуникативных потенций структурной схемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Praha, 1966.
2. Вечорек Д. Релевантная функция порядка слов в современном русском языке. Warszawa-Wroclaw, 1976.
3. Золотова Г. А. Очерт функционального синтаксиса. М., 1973.
4. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
5. Золотова Г. А. О перспективах синтаксических исследований // Известия АН СССР, серия литературы и языка. 1986. Т. 45. №6.
6. Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
7. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. Харьков, 1899.
8. Савельева Л. В. Приложение в древнерусском языке XIV-XVII вв. // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Вып. 2. Чебоксары, 1962.
9. Савельева Л. В. О двух типах паратаксической связи в древнерусском языке // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка, литературы. 1963. №8.
10. Савельева Л. В. Судьба паратаксических субстантивных словосочетаний в истории русского языка // Уч. зап. Карельского педагогического института. Т. XVII. Петрозаводск, 1967.
11. Савельева Л. В., Тарланов З. К., Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1970 // Филологические науки. 1973. №3.
12. Савельева Л. В. Полицентризм как архаическая черта синтаксического строя устнopoэтического языка // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1988.
13. Савельева Л. В. Отрицательно-безличные предложения в истории русского языка. Л., 1988.
14. Савельева Л. В. Формы отрицания в истории русского языка донационального периода. Л., 1989.
15. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- А. Уст. еп. — Акты Устюжской епархии // Русская историческая библиотека. Т. XIV. СПб., 1894.
- А. Ю. — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археограф. комис. СПб., 1838.
- Доместр. — Домострой по Конининскому списку и подобным. Изд. А. Орлова. М., 1908.
- И. Фл. — Мещерский И. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.: изд-во АН СССР, 1958.
- Кот. — Котошихин Григорий. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 2. СПб., 1852.
- Лавр. л. — Лаврентьевская летопись. Вып. 1-3 // ПСРЛ. Т. 1. Изд. 2. М., 1962.
- Лег. — Легенда о кровосмесителе и др. // Памятники старинной русской литературы. Вып. 1-2. СПб., 1860.
- И Новг. л. — Новгородская первая летопись по Синодальному списку. Изд. Археогр. комис. СПб., 1888.

Пам. дипл. сн. — Памятники дипломатических сношений с Англией. Сборник Имп. рус. ист. общ-ва. Т. 35. СПб., 1882.

Пр.-расп. кн. — Приходно-расходные книги Корнильева-Комельского монастыря. Лето пись занятий Археогр. комисс. Вып. 5. СПб., 1871.

Пут. каз. ат. — Путешествие казацких атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в Китай в 1567 г. // Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. 2. СПб., 1849.

Сл. о п. Иг. — Слово о полку Игореве. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950.

С. Н. Смольников

АНТРОПОНИМЫ С ФОРМАНТОМ -ИЦА В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВЕРХНЕГО ПОДВИНЬЯ КОНЦА XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Изучение антропонимической лексики, ее связей с лексикой апеллятивной, а также системных отношений между различными разрядами антропонимов невозможно без анализа словообразования личных имен и их производных форм. С решением этих проблем сталкивается практически любое исследование, поэтому перечень работ, в которых затрагиваются вопросы изучения уменьшительных, оценочных, экспрессивных квалитативных форм личных имен и прозвищ, мог бы быть достаточно объемным. Между тем специальных работ, посвященных истории словообразовательных моделей русских личных имен, немного [1].

Неоднократно отмечалось, что уже в древнерусский период существовала достаточно разработанная система формальных типов личных имен, во всем богатстве унаследованная преображенными христианским именником, пришедшими на Русь без единого производного. Возможность данного явления свидетельствует о самостоятельном онимическом статусе образующих формантов. Генетически восходящие к единой системе аффиксов праславянского, а в ряде случаев и индоевропейского языка, антропоформанты имели отличную от апеллятивных суффиксов историю развития, особые функции, свою специфику, связанную с утратой или изменением первичных словообразовательных значений.

С другой стороны, развитие антропонимической словообразовательной системы не могло не отражать основных процессов, характерных для словообразования апеллятивов, так как «регулярные модели имен собственных в русском языке чаще создавались и продолжают производиться при помощи тех же словообразовательных средств, что и апеллятивы с модификационными значениями уменьшительности, принадлежности / происхождения, женскости» [2, с. 7]. Поскольку ономастическая словообразовательная модель всегда генетически вторична по отношению к апеллятивной [2, с. 9], она часто ориентирована на соответствующую ей модель с указанными словообразовательными значениями. Утрата продуктивности апеллятивным суффиксом может отразиться и на судьбе омонимичного ему антропоформанта.

Особенно показательна в этом отношении судьба форманта *-ица*. Мнения о его происхождении и истории различны. А. И. Толкачев возводит его к *ка*, историчеки связанным с индоевропейскими основами на *Т* [1, с. 109]. Ю. С. Азах в исходной системе древнерусского языка указывает наличие *-иц-* < **-ik* [3, с. 12]. В квалитативном значении суффикс известен уже старославянским источникам [1, с. 109]. В древнерусском языке он служил для образования существительных мужского, женского и среднего рода. Семантически эквивалентен суффиксам *-(e)ц*, *-(o)к-*. В результате исторических изменений в морфологической структуре имени и возрастания роли категории рода впоследствии закрепляется за именами женского рода [1, с. 77]. Значение «женскости» способствует продуктивности суффикса в опрелении по признаку пола, включению его в состав сложного суффикса *ици- < -ын-иц-*, образующего названия лиц женского пола (*супругъ — супружник* — *супружьница*) [3, с. 23].

Кроме этого, известен суффикс *-иц-* с мутационным словообразовательным значением «носитель признака», который служил для образования имен от адъективных основ или преобразования словосочетаний прилагательного и существительного в эквивалентное по смыслу существительное (*вербница — вербьная неделя*) [3, с. 23, 30].

Наряду с указанным апеллятивным суффиксом в старорусский период значительной продуктивностью обладал и антропонимический формант *ица*, особенно в образовании квалитативов от женских имен: *Маришица* (1639, АХУ III, 214), *Парасковица* (1640, АХУ III, 229). С. И. Зинин на материале переписных книг городов России XVII в. отмечает, что активность суффикса женских имен *-ица* возрастает в XVII в. в результате активизации соответствующего суффикса среди апеллятивов [4, с. 276].

Между тем более ранние источники свидетельствуют о том, что *-ица* мог образовывать и формы мужских календарных личных имен от разных типов основ (как полных, так и усеченных). Ср.: *Савицас женою* (1393, Шенкурья, Кокшентский погост; АСВР III, №292); *Гридица Булатов сын* (1470, Дмитров у.; АСВР I, № 394); *Паница*, крестьянин (1545, Новг.; Оном., 238); *Костица*, крестьянин (1492, Переясл.; Оном., 159) и многие другие.

В таких же формах отмечены некалендарные имена и прозвища. Новгородские мужские личные имена *Воица* и *Прочица* приводит Н. В. Подольская, рассматривая антропонимию берестяных грамот [5, с. 61]. Часто встречаются подобные квалитативы и в XV–XVI веках: *Замятница Сундуков*, царский конюх (1573, Оном., 119); *Бузлица*, холоп (XV в., Моск. у.; Оном., 52). Важно отметить, что использование *-ица* в XV в. не зависело от того, мужское или женское имя им оформляется: *Олюница з женою*, *Бузлица з женою*, *Тимоница з женою и з детми*, *Ориница з детми*, *Мавурица з детми* (1440, Переясл. у.; АСВР I, № 228; см. также белозерские — АСВР II, № 168 — и др. акты). В XVII в. *-ица*, сохраняя активность в образовании квалитативов женских личных имен, исчезает из арсенала формантов мужских календарных имен, что, видимо, связано с более строгой формализацией подобных форм в официальном употреблении [4, с. 268].

Характерно это и для антропонимии Устюжского и Сольвычегодского уездов XVII в. Материалы местной деловой письменности отражают продук-

тивность моделей квалитативов с формантами -к, -икъ (Федка, Илейка, Якушко, Карпикъ, Павликъ и др.). Случаи использования -ица исключительно редки: Костица Еремъев (1637, АХУ III, 182), преображенский диачек Перевница Афонасьев сын Ярокурец (1607, Сольвыч. у.; ВОКМ. Ф. 4. Оп. 1. № 15). На квалитатив редкого имени Ефери (сокр. Ефера) (Петр., 113) указывает фамильное прозвание Юферицын (Якунка да Харитонко Федоровы дѣти Юферицына (ПК Уст. 1623. Л. 137)).

Вместе с тем, устюжские писцовые акты фиксируют не календарные имена, а мужские прозвища, оканчивающиеся на -ица. Прозвища были менее подвержены стандартизации в официальном употреблении, поэтому, вероятно, использовали более широкий круг антропонимических формантов. Заменявшие в обиходном употреблении личное имя и используемые документами для более точной идентификации лица прозвища на -ица встречаются в источниках второй половины XVI века: ... с посаду Иван Игольница (А Уст. II, 153), Козьма Леонтьев сын Одинцов Каменница (А Уст. II, 156), Денис Деревянница (А Уст. II, 168).

В документах XVII в. интересующие нас формы закреплены фамильными прозваниями: Васка Харламов Вековицын, солодовник (ПК Уст. 1623-1, 202), устюжанин Иван Захарьев сын Розницын (ТК Уст. 1633, 65), прикаторчик Алешка Аврамов сын Косицынъ (1635, АХУ III, 169), ... крестьянина Архипка Серницина (ПК Уст. 1623. Л. 311 об.) и др.

Привлекались нами и данные топонимии. Ойконимы и микротопонимы отантропонимического происхождения (названия населенных пунктов, земельных участков, пожен, полян, рек, ручьев, образованные от имен первопереселенцев или владельцев)* также позволяют реконструировать некоторые антрополексемы: Тресница (д. Тресницкая), Дурница (д. Дурница) и др.'

Среди отмеченных прозвищных имен назовем следующие: Бабица, Безносица, Безукладица, Вековица, Вязаница, Вязица, Гоголица, Голица, Деревянница, Дурница, Железница, Игольница, Каменница, Кезица, Кислица, Ковезица, Крововица, Лыченица, Мулица, Норица, Огородница, Оржаница, Пареница, Печеница, Силница, Старица, Студеница, Суковатица, Сухорица, Тетеревица, Трубица и другие.

Многие из данных мужских прозвищ имеют соответствия в апеллятивной лексике, и потому правомерно рассматривать их как явление онимизации соответствующих апеллятивов. Большинство данных прозвищ находит аналогии в словарном составе древнерусского и старорусского языка, а также в лексической системе современных русских говоров. Приведем некоторые примеры: вязаница 'предмет одежды, изделие, связанное из пряжи, ниток' арх. (АОС, 8, 427), 'уложенная особым образом связка снопов льна' В-Уст.

* Нередко антропонимы и топонимы представляют целую систему производных от одной именной основы: Д. Стрекаловская на озере Стрекаловском /.../ а в ней крестьян в. Сенка Стрекаловской /.../ в. Демка Стрекаловской /.../ с пожни Стрекалихи... (ПК Уст. 1623. Л. 355-355 об.) и др. примеры.

(СРНГ, 6, 72), 'связка, пучок, беремя', 'варежка' (Даль, 1, 337); *голица* 'кожаная рукавица без подкладки' (Даль, 1, 372), волог. (СРНГ, 6, 294); *железница* 'стрела с железным наконечником' волог., 'насекомое' олон., 'рыба' вят. и др. (СРНГ, 9, 105); *каменница* 'печь из камней в бане' В-Уст. и др. (СРНГ, 13, 17; Даль; СВГ); *кровавица* 'кровеносный сосуд, вена' (Срезн., 1, 1338); *норица* 'зверек норка' пск. (СРНГ, 21, 280), 'растение' вят., новг., 'болезнь скота' пск., яросл. (СРНГ, 21, 280); *печеница* 'песчаная рспа' волог., вят., 'синяк' вят., волог. (СРНГ, 27, 347); *ржаница* 'ржаная мука', 'ржаной хлеб' пск. (Даль, 4, 101); *сельница* 'сенник, сеновал' пск. (Даль, 4, 173); *трубица* 'выпесчно изделие в форме трубы' сев. (Даль, 4, 436) и др. Нетрудно заметить, что данные апеллятивы произведены при помощи *-иц-* как с модификационными, так и мутационными словообразовательными значениями, отмеченными ранее.

Учитывая большую продуктивность *-иц-* можно предположить существование в старорусском языке апеллятивов на *-ица*, близких по значению однокоренным словам, называющим или характеризующим человека: *голь* 'бедняк' (СРНГ, 6, 347) (ср.: *голица* 'неимущая женщина' новг. (СРНГ, 6, 294)); *безносик* 'прозвище человека с маленьких носом' костр. (СРНГ, 2, 194); *вековой* 'вечный, постоянный' арх.; черепов., новг.; 'живучий' арх. (СРНГ, 4, 102); *вязень* 'колодник, заключенный' (Даль, 1, 337); *сильник* 'силач' (Срезн., 3, 352); *кезо* 'брюхан' яросл. (ср.: *кезя* 'прозвище человека с большим брюхом' черепов., новг.) (СРНГ, 13, 176) и др., мотивировавших прозвища.

Но в то же время существует немало доводов в пользу того, что в ряде случаев мы имеем дело с деривацией посредством *-иц-* не на апеллятивном, а на антропонимическом уровне. Об этом свидетельствуют случаи двоякого оформления имени (как с *-ица*, так и без него): *Скрыпицын* половник Андреико (СК Уст. 1557. Л. 2), ... половничаст на *Скрипину* (там же. л. 2 об.); половник Ондрюшка Ондр'ев *Скрыпинъ* (ПК Уст. 1623. л. 316 об.). При этом апеллятив *скрыпица* 'гриб', 'малый смычковый музыкальный инструмент' отмечен В. И. Далем (Даль, 4, 209)*.

Корреляцию именований с формантами *-ец* и *-ица* мы наблюдаем и при дублетном наименовании деревни по имени ее владельца: д. *Студенцово* а *Студеницыно* то же (ПК Уст. 1623-26. Л. 346 об.).

На обладателя прозвища *Ковеза* указывают название деревни и фамильное прозвание одного из ее жителей: д. *Ковъзина* на рѣчкѣ на Кокъшанге, а в ней крестьянин в. Вешнячко Кузмин *Ковъзицын* (ПК Уст. 1623. Л. 423). Ср.: *ковезить* 'дурачиться, шалить' нижегор. (СРНГ, 14, 28).

Авторы монографии «Теория и методика ономастических исследований» рассматривают имена типа *Бабица*, *Белица* в ряду квалитативных форм, произведенных от одной основы (*Белава*, *Беляк*, *Белка*, *Белан*, *Белуха*, *Бе-*

* На возможный антропонимический характер *-ица* в данном случае указывает М. Вуйтович, сопоставляя прозвище *Скрыпица* с диал. *скрипа* 'хильный, плаксивый ребенок' пск. [7, с. 90].

лец, Беляш, Белаши, Белуша; Бабуй, Бабак, Бабин, Бабура, Бабуха, Бабец, Бабаш, Бабушка), указывая на антропонимический характер формантов, их производящих. Подобные формы древнерусских имен «самостоятельно и независимо от имен нарицательных образовались от древнейших именных основ», поэтому совпадения отдельных личных имен со словами общей лексики следует признать случайными [6, с. 70]. «Ономастикон» С. Б. Веселовского является ценным источником восстановления таких рядов имен, например: Голица — Голь, Голье, Голеня, Голик, Голыга, Голыш, Голята (Оном., 81-84); Злобица — Злоба, Злобай, Злобча, Злобка (Оном., 123); Куница — Куней, Кунец, Кунка, Кунай (Оном., 171) и др.

Эти и другие примеры говорят о правомерности постановки вопроса о характере соотношения антропонимов и созвучных им апеллятивов, а также формально сходных апеллятивных и онимических аффиксов. Мы рассматриваем его как особый случай межсистемной омонимии, который, несомненно, требует специального исследования.

Мужское прозвище *Безлепица* (Тупиков, 44; Оном., 32) соотносимо с апеллятивом *бъзлъпица* 'нелепость, бессмыслица' (СЛРЯ XI-XVII, 2, 113). Но вероятнее его связь с именем *Безлеп* (ср.: Безлекин (Оном., 32)), подобным известным древнерусским именам Безсон, Безстуж, Безум и др. По данной модели образованы и прозвищные имена *Безносица* и *Безукладица*, отмеченные в наших материалах (Васка *Безносицынъ* (ПК Уст. 1623. Л. 140 об.), Павелко *Безукладицын* (СК Усол. 1586, 184)). Имя *Безнос*, *Безноско* было достаточно распространенным в XV-XVI вв. (Тупиков, 44; Оном., 32). *Безукладица* (ср.: Степко *Безукладица*, крестьянин рязанский (Тупиков, 46)) является формой имени *Безуклад** (безукладный 'бестолковый, безумный, упрямый' ворон. (СРНГ, 2, 201)).

Многие старорусские имена восходят к адъективам — характеристикам лица, от них также могли производиться формы посредством активных аффиксов: *Нехорошей* — *Нехорошко*; *Малой* — *Малец*, *Малыга*; *Дурной* — *Дурняк*, *Дурница* и др. Данная антропонимическая модель формально соотносима с моделью образования субстантивов от адъективных основ при помощи суффиксов с категориальным значением предметности и мутационным словообразовательным значением 'носитель признака'. Поэтому статус форманта -ица в подобных именах не всегда может быть определен однозначно. Так, говорам Устюжского края известно слово *кислица* в значениях 'красная смородина', 'щавель' (СВГ, 4, 59) (исковно, видимо, 'кислая ягода', 'кислая трава'). Очевидно, что в результате онимизации этой лексемы могло возникнуть прозвище *Кислица*, отмеченное в местной деловой письменности XVII в.: в. Михалко Дмитреев *Кислицынъ* (ПК Уст. 1623. Л. 321), Д. Задняя Гора а *Кислицыно* то ж (ПК Уст. 1623. Л. 368 об.). Вместе с тем, это прозвище могло быть образовано и на онимическом уровне (ср.: ... *половник Максимко Кислой* (ПК Уст. 1623. Л. 264)). Данное предположение

* Ср.: Д. Безукладовская (ПК Уст. 1623. Л. 568 об.).

Подтверждается материалами «Ономастикона»: *Кислица, Кислицын* кн. Михаил Васильевич Горбатый-Сузdalский, 1513 г., в некоторых родословцах он же — *Кислый* (Оном., 141), он же — *Кисло* (Тупиков, 180). Ср.: Ивашко *Кисло*, Устюжский пристав, 1667 г. (Тупиков, 180).

С этих позиций могут быть рассматриваемы и такие прозвища, как *Курница, Старица, Голица, Вековица, Суковатица, Кровавица, Деревянница, Железница, Оржаница* и им подобные.

Некоторые прозвища по звучанию совпадают с названиями лиц женского пола: *Дьячица, Игольница, Огородница* (ср. также: *Бражницын*, 1612 г. — Оном., 49; *Ведерницын*, 1613 г. — Оном., 64 и др.). Но обычно их носят мужчины: Иван *Игольница* (А Уст. II, 153), патронимическая группа в именованиях также указывает на имя отца: Петр *Анисимов сын Огородницын* (А Уст. II, 169). Вероятно, эти прозвища, от которых произведены посессивы, образованы на онимическом уровне, иначе перед нами устойчивые фамилии, восходящие к матронимам.

Таким образом, наблюдения над антропонимами с формантом -ица убеждают нас в сложности выделения онимических формантов в прозвищах. Причина этого не столько в общем генезисе аффиксов, сколько в частом формальном сходстве антропонимических и апеллятивных моделей образования квалитативных форм. Часто мешает и возникающая межсистемная омонимия.

Уже в конце древнерусского периода, как отмечают исследователи, суффиксы -ец, -иц- и подобные им служили формальным показателем личных имен и не имели квалитативного значения [2, с. 8]. С другой стороны, формально-семантические связи апеллятивных и антропонимических аффиксов очевидны. С ростом продуктивности в апеллятивной лексике суффикса -иц-, соотносимого с категорией женского рода, теряет свою активность формант -ица, образующий формы мужских личных имен. При утрате продуктивности в образованиях от календарных имен формант сохраняется в прозвищах и производных от них. Данные антропонимы часто встречаются в местностях, близких к крупным городам (Великий Устюг, Сольвычегодск), что, видимо, связано с особенностями формирования региональной антропонимической системы. Возможно, сохранению здесь богатого арсенала антропоформантов, служивших целям идентификации лица, способствовала большая концентрация населения и, следовательно, одноличность. Для объяснения причин подобных явлений необходимы специальные исследования.

В исследованиях, посвященных истории антропонимии Устюжского края, Ю. И. Чайкина отметила, что уже в XVI в. одним из обязательных компонентов именования местных крестьян являлась фамилия [8, с. 52-53]. Сохранение непродуктивных антропоформантов фамильными прозваниями и фамилиями XVII в., на наш взгляд, также свидетельствует о более раннем времени закрепления последних и их устойчивости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Среди наиболее значимых назовем исследование А. И. Толкачева: Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (калитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI-XV вв. Ч. 1 // Этимология. 1975. М., 1977; Ч. 2 // Историческая ономастика. М., 1977; Ч. 3 // Этимология. 1976. М., 1978.
- История форманта -ица рассмотрена во второй части работы, ссылки на которую используются в данной статье.
2. Азарх Ю. С. О грамматических и лингвогеографических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами // Ономастика и грамматика. М., 1981.
3. Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
4. Зинин С. И. Словообразование русских личных имен XVII-XVIII вв. (на материале переписных книг городов России) // Труды Самаркандинского ГУ. Новая серия. Выпуск 209. Русское словообразование. Самарканд, 1971.
5. Подольская Н. В. Некоторые вопросы исторической ономастики в связи с анализом берестяных грамот // Историческая ономастика. М., 1977.
6. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.
7. Wojtowicz M. Древнерусская антропонимия XIV-XV вв. Северо-Восточная Русь. Poznan, 1986.
8. Чайкина Ю. И. Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов (по материалам деловой письменности XVII-XVIII вв.) // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСВР I-III — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — нач. XVI в. Т. 1. М., 1952; Т. 2. М., 1958; Т. 3. М., 1964.
- А Уст. II — III сляпин В. П. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря. Ч. 2. В. Устюг, 1913.
- АХУ I, III — Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1. РИБ. Т. 12. СПб., 1890; Ч. 3. РИБ. Т. 25. СПб., 1908.
- Петр. — Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1984.
- ПК Уст. 1623-І — Писцовая книга Устюга Великого 1623-1626 гг. // Быть на Устюзе... Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 160-232.
- ПК Уст. 1623 — Писцовая книга Устюжского уезда 1623-1626 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 506.
- СК Уст. 1557 — Список с книг письма Ю. А. Александрова-Самсонова на вотчину ростовского архиепископа в Устюжском уезде 1557 г. // РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. № 28.
- СК Усол. 1586 — Сотная из писцовых книг письма А. И. Вельяминова и дьяка И. Григорьева на вотчину Коряжемского монастыря 1586 г. // Социально-правовое положение северного крестьянства: Досоветский период. Вологда, 1981. С. 178-191.
- ТК Уст. 1623 — Таможенные книги Московского государства XVII в. Т. 1. М.; Л., 1951.
- Тупиков — Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Оном. — Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974.

В. П. Строгова

ДРЕВНИЕ ТОПОНИМЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

I. Мостищи

Мостищский мужской монастырь, по свидетельству новгородских летописей, основан в начале XV века на Мостищах.

В новгородской летописи под 1412 годом указано: «Поставиша церковь древяну святаго Николая чудотворца, и монастырь устроиша, на М о с т и щ а х ь, у мосту, отъ Великаго Новагорода три поприща, на рѣки Веряжи» [1, с. 254].

Новгородская вторая (архивская) летопись под этим же (1412) годом дает несколько иную фиксацию. Ее содержание говорит о том, что монастырь уже существовал: «В лѣто 6920 (1412) ... поставиша церковь на Веряжи к мосту святого Николу дѣревянную в монастыри» [2, с. 164].

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (по комисссионному списку) под этим же годом приводит: «Поставиша ... и другую на Веряжи у мосту святого Николу церковь древяну в монастырь...» [3, с. 403].

По свидетельству Л. А. Секретарь и Л. А. Филипповой, документы начала XVII в. называют каменный храм в Мостищском монастыре. Он мог быть построен в XV или XVI вв. Храм был разорен во время шведской интервенции (начало XVII в. — В. С.) и стоял пустой. С 1689 по 1764 г. монастырь был приписан к Тихвинскому Большому монастырю. При Екатерине II его упраздили [4, с. 102].

Обратимся к топониму Мостищи.

Древний микротопоним Мостищи, судя по летописным данным, «монастырь устроиша на Мостищах, у мосту...» — был известен до построения церкви Николая чудотворца в 1412 году. Это подтверждается фиксацией топонима-ориентира «на Мостищах» с указанием и конкретного места на этих Мостищах: «на Мостищах, у мосту».

Итак, церковь Николая чудотворца построена на Мостищах, у мосту «в трех поприщах» (верстах — В. С.) от Новгорода на реке Веряже. Следует добавить, что церковь и монастырь были на правом берегу Веряжи, а Новгород находился в левобережной части от этой местности к северо-востоку. Рядом с монастырем протекал ручей, впадающий в Веряжу.

Учитывая древний рельеф этой территории, прилегающей к Новгороду, связь монастыря с Новгородской епископией (епархией), а также языковые (местные) новгородские черты, следует объяснить и топоним Мостищи.

Микротопоним Мостищи, иссомненно, по образованию восходит к нарицательному существительному **мост**. В древнерусском языке слово **мост** полисемантично. Для объяснения топонима нас интересуют такие значения: 1. Сооружение для перехода через реку, овраг, ров и другие препятствия или для выхода на берег; мост (известно с X в.); 2. Настил на болотистом месте,

гать (XII в.); 3. Вымощенная дорога, мостовая (XII в.) [Сл. РЯ XI-XVII, 9, 272-275].

От существительного мост в древнерусском языке с помощью суффикса -ище образовались производные нарицательные имена, в том числе и такие, как мостище, которое употреблялось с семантикой 'место, где был мост или гать'. Оно фиксируется многими памятниками письменности XV в. [Сл. РЯ XI-XVII, 9, 254].

В суффиксе -ищ(е) среднего рода (ныне непродуктивном), как отмечал акад. В. В. Виноградов, доминирует местное значение [5, с. 124].

Общеизвестно, что топонимы образовались от нарицательных имен. Как замечал А. М. Селищев, характерным явлением топонимии феодального периода является применение формы именительного падежа множественного числа. Образования с суффиксом -ищ(е), указывавшим на место нахождения или действия, переходят во множественное число -ищ(и), и вместо более древнего -ищ(е) появился топоформант -ищ(и) [8].

Следовательно, микротопоним Мостищи органически вписывается в систему древних названий мест в Новгороде и его окрестностях (ср. Вяжищи, Полищи, Дорищи, Селищи, Селище, Сильнище и т. п.), изменяя лишь топонимический формант на множественное число: вместо -ищ(е) появился -ищ(и).

В толковании древнего микротопонима Новгородской округи Мостищи следует учитывать, на наш взгляд, весь комплекс экстраграфических и языковых факторов, связанных с этим названием. Во-первых, церковь Николая чудотворца и Мостищский монастырь устроены на правом берегу реки Веряжи в пригороде Новгорода, с которым монастырю надо было поддерживать тесную связь. Для этого (и не только для этого) был построен мост через реку для переправы с правого берега Веряжи на левый, чтобы попасть в Новгород. Думается, это подтверждается и летописной записью под 1412 г.: «... на Мостицахъ, у мосту...» Во-вторых, нарицательное слово мостище, ставшее позднее микротопонимом в форме имен. п. множ. числа — Мостищи, — в какой-то мере могло отражать и реалию данной местности: около Новгорода по р. Веряже при впадении в нее безымянного ручья находилось некоторое понижение рельефа (следует заметить, что это характерно и для современной географии этих мест — В. С.), а это требовало «мощения» дороги, настила ее деревянными плахами, бревнами, расколотыми пополам для устройства гати. Свидетельство о мощении улиц и дорог в самом Новгороде и его окрестностях по летописям много. Это отражено и в «Уставе Ярослава князя о мостъхъ» по Русской Правде (XII в.) [Сл. РЯ XI-XVII, 9, 274].

Мощение улиц, дорог и т. п. проводили в Новгороде постоянно, о чем неоднократно упоминают новгородские летописи и другие источники. Ср. под 1547 годом: «... да на Ильинъ улицы мостили новымъ мостомъ улицу» [1, с. 76]. Здесь же, под 1555 г. указано: «... и мосты мостили ... по всемъ дорогамъ...» Или под 1572 г.: «... по всѣмъ дорогамъ мосты мостили і дорогы чистіли...» [1, с. 88, 120 и др.]. Общеизвестно и то, что новгородские раскопки за последние 50 лет неоднократно обнаруживали деревянные мостовые, относящиеся к XI и более поздним векам.

Таким образом, вымощенное понижение местности у реки Веряжи и мост (ср. летописное известие «на Мостицахъ, у мосту») послужили для обозначения этого места микротопонимом **Мостици**.

Топонимы, образованные от нарицательного мост с помощью древнего суффикса (и топоформанта) -ици (более древнего -ище — В. С.), кроме рассмотренного выше, известны в наше время в новгородских ойконимах, возникших также в древности. Ср. названия современных деревень: Мостище — в Волотовском и Поддорском р-нах Новгородской области; Мостищи — в Новгородском р-нс. Производные от мост в названии деревень части: ср. Мостки в Чудовском р-не; Мостницы, Грязное Замостье — в Любятинском р-не; Долгий Мост — в Крестецком р-не; Мстинский Мост — в Маловишерском р-нс.

Итак, древний новгородский микротопоним **Мостищи** сохраняется шесть веков со времени его фиксации по памятникам Новгорода, он живет и в наши дни в качестве названия места на окраине современного Новгорода по дороге на Шимск.

II. Липно

Остров Липно находится в дельте р. Мсты. Топоним Липно известен задолго до построения на нем церкви Николы на Липне. Авторы путеводителя «По Приильменью» отмечают: «Местность Липно впервые упоминается в летописи под 1113 г. Л. А. Секретарь, Л. А. Филиппова указывают на легенду, бытовавшую в Новгороде: »... в 1113 г. сын Владимира Мономаха князь Мстислав заложил на Ярсславовом дворище Никольский собор. Тогда же из Киева привезли образ — икона с изображением Николы Чудотворца. Круглую доску «взяли на Липне»... [4, с. 35].

Новгородская летопись по синодальному списку свидетельствует о за-кладке церкви Николы на Липне: «... в 1292 г. ... заложи архиепископъ Новгородчкый Климентъ церковь камену святаго Николу на Липнѣ» [7, с. 304]. То же в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов [3, с. 327].

Более подробно приводится запись из Новгородских летописей: «В лѣто 6800 (1292 г.). Заложи архіепископъ Новгородскій Климентъ церковь камену святаго Ніколы чудотворца, на Липнѣ в манастирѣ, отъ Великаго Новаграда за 7 поприщъ, спустя послѣ приплытія святаго образа 180 лѣть» [1, с. 209].

Новгородская вторая (архивская) летопись под 1552 г. дает такую фиксацию: «... Да того же мѣсяца марта в 6 день в понедельник на пятой недели великого поста в манастирѣ на Липнѣ у чудотворца у Николы згорѣла трапеза при игумене при Давыде» [2, с. 155].

Церковь Николы на Липне является выдающимся памятником новгородского зодчества.

Этимология топонима Липно объясняется по-разному. Новгородский архимандрит Макарий отмечает: «Наименование Липны и Липенского монастыря происходят от кустов, известных под именем липняга, или от лип» [8, с. 522]. Авторы путеводителя «По Приильменью» Л. А. Секретарь и Л. А. Филиппова приводят такое объяснение: «Название «Липно» происходит, по-ви-

димому, от корня «лип», производного для многих древнерусских слов: липняк — липовый лес, липяг — возвышенность, покрытая лесом, и т. д.» [4, с. 35].

Несомненно, микротопоним Липно образован от прилагательного *ліръпъ́ (липьный) [ЭССЯ, 15, 120-129] с топоформантом на -O, типичным для среднего рода. Производные от липа (*lipa) типа *липовый*, *липьникъ* и т. п. в древнем Новгороде употреблялись широко. Само дерево липа было распространено на этой территории, о чем свидетельствуют Новгородские летописи, описывая страшный голод в XII и XIII вв., когда ели и лист липов: «В лѣто 6636 (1128 г.)... В се же лѣто лютѣ бяше: осминька ръжи по гривнѣ бяше; и ядяху люди листъ липовъ, кору березову, ини молицъ истѣлькше, мятуще съ пельми и съ соломою; ини ушь, мѣхъ...» [7, с. 124].

Подобное повторилось и через 102 года, т. е. в 1230 г.: «Въ лѣто 6738 (1230 г.)... ини же мѣхъ ядяху, ушь, сосну, кору липову и листъ, ильмъ, кто что замыся...» [7, с. 237].

На территории Новгородской земли, как и в славянских странах, довольно широко представлены топонимы — названия местности с корнем лип (от липа) и особенно деревень; они существуют до сих пор. Ср. д. Липица Новгородского р-на, Липовец — Боровичского р-на, Липова Гора — Крестецкого р-на, Липовка — Поддорского р-на, Липовицы — Старорусского р-на, Липье — Маревского р-на. Известны подобные названия и в соседних Псковской и Тверской областях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Новгородские летописи (Так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи), издание археографической комиссии. СПб., 1879.
2. Новгородская вторая (архивская) летопись // ПСРЛ. Т. 30. М., 1965.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
4. Секретарь Л. А., Филиппова Л. А. По Приильменью. Путеводитель. Л., 1991.
5. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
6. Селищев А. М. Из старой и новой топонимии // Избранные труды. М., 1968.
7. Новгородская летопись по синодальному списку. СПб., 1875.
8. Макарий. Новгородские церковные древности. Ч. 1. М., 1860.

Г. В. Судаков

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI-XVII вв.

На развитие языка преднационального периода решающим образом влиял целый ряд факторов административного, социально-экономического и историко-культурного характера. В XV в. основные русские территории были объединены под властью Москвы, к середине XVI в. присоединяются

окраинные области: Псков — 1510 г., Смоленск — 1514 г., Рязань — 1521 г., Белев, Трубчевск, Путивль — 1523 г., к концу XVI в. в составе России появляются Орел (1566 г.), Воронеж (1586 г.), Елец (1592 г.), Оскол, Белгород, Валуйки, Кромы (1593 г.), Курск (1597 г.). Со второй половины XVI в. формируется централизованный бюрократический аппарат, делопроизводственная деятельность которого оказывает определенное нормализующее воздействие на язык местных канцелярий, хотя процесс формирования и распределения нормы осуществлялся узульным путем. Города становятся центрами торговли и ремесла, культуры и просвещения, их жители общаются с населением самых разных мест, так, Устюг Великий и Псков имели торговые связи почти с 40 городами [1, с. 20, 25; 2, с. 9, 240], список рыночных связей Москвы насчитывал 157 городов и 41 уезд [3, с. 79-80]. Каждый пятый житель в крупных городах Северной Руси был грамотным. К концу XVII в. общность русской народности приобретает относительную устойчивость, начинается переход ее в нацию.

Названные процессы повлекли за собою интенсивное междиалектное взаимодействие, способствовали складыванию общерусской нормы в письменной речи и общерусского фонда средств в сфере разговорно-общиходной речи, ускоряли языковую интеграцию нации. Все это определяет исключительную важность детального изучения истории развития всех сторон языка преднационального периода, всестороннего исследования лингвистической ситуации переходной эпохи.

Обычно под языковой ситуацией понимают состояние литературного языка в ту или иную эпоху, состав его разновидностей, взаимоотношение между литературным языком и общенародной речью. Подобное толкование языковой ситуации упрощает суть дела, но даже и при более широком понимании термина ограничиваются рассмотрением процессов в литературном языке. Полная картина состояния и развития языка народа в определенную эпоху складывается как минимум из оценки трех типов ситуаций, создающих в комплексе представление о лингвистической ситуации эпохи: 1) литературно-языковая (стилевая) ситуация: состав литературного языка, его разновидности, лексико-фразеологические и грамматические средства отдельных типов языка, состояние литературной нормы, отношение литературного языка к средствам «нелитературного» характера и т. д. (см. работы С. П. Обнорского, В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, Н. А. Мещерского, А. И. Горшкова, Б. А. Успенского и др.); 2) социально-языковая ситуация (социолингвистическая): речь различных социальных групп, неодинаковое соотношение в разных социально-речевых разновидностях литературных, просторечных и диалектных средств, степень владения литературным языком в разных социальных средах (см. работы В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, посвященные теории вопроса; конкретных разработок этой проблематики фактически еще нет); 3) лингвогеографическая ситуация: диалектное состояние языка данной эпохи, соотношение общерусского и местного на разных языковых уровнях, соотношение диалектных средств и литературных элементов в языке столицы и местных культурно-письменных центров (см. работы А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Р. И. Аванесова, С. И. Коткова,

Ф. П. Филина и др.). Каждый из этих типов языковой ситуации применительно к любому историческому периоду требует отдельного обсуждения.

Литературно-языковая ситуация в Московской Руси в разное время разными, а иногда одними и теми же авторами оценивалась неодинаково. Широко известно, например, такое мнение: «... русским литературным языком средневековья был язык церковнославянский.., стили русского делового, публицистического и повествовательного языка, несколько приспособляясь к церковнославянской системе, размещаются по периферии «книжности» [4, с. 5].

Позднее автор цитаты акад. В. В. Виноградов отступил от этой точки зрения, но сторонники ее находились и позже*. Обратим внимание на объем литературного языка в интерпретации сторонников изложенной выше идеи и соответственно — на ее фактическую базу. У В. В. Виноградова на первое место по значимости в литературно-языковом процессе поставлены церковнославянские тексты и произведения «еллино-славянского» стиля с чертами юго-западного происхождения [4, с. 22]. Однако уже в первой редакции своей концепции литературного языка ученый смог оценить, насколько позволяли известные в ту пору источники, новые, демократические тенденции в литературном языке. Тем не менее современные авторы, придерживающиеся мысли о церковнославянской природе литературного языка Московской Руси, сознательно сужают жанровый диапазон литературы, ограничивая его только конфессиональной книжностью, полагая, что до второй половины XVII в. «история русского литературного языка — это история церковнославянского языка русской редакции. Тексты на русском (древнерусском) языке — в частности, памятники юридической, деловой, бытовой письменности — находятся вне сферы литературного языка и вне литературы» [6, с. 33 и след.]. Б. А. Успенский повторяет и старый вывод В. В. Виноградова о ведущей роли книжной традиции юго-западной Руси в литературно-языковых процессах в России XVII в. [6, с. 85]**. Известно, что позднее акад. В. В. Виноградов пересмотрел свое мнение об объеме литературного языка: «... с XV в., а особенно в XVI и XVII вв. все усиливаются процессы литературно-языковой обработки разных форм приказно-деловой речи, и деловая речь, по крайней мере, в известной части своих жанров, уже выступает как один из важных и активных стилей литературного языка» [8, с. 25]. Хотелось бы привести очень уместное в данном случае мнение Ф. И. Буслаева: «Не только в образованном обществе и в современной легкой журнальной литературе, но даже и между учеными людьми господствует застарелый предрассудок о том, будто бы наша древняя литература имеет характер по преимуществу

* Ср.: «... престижное положение церковнославянского языка в качестве литературного языка продолжалось до второй половины XVII в.» [5, с. 111].

** Представляется более справедливой характеристика указанного процесса как самостоятельная без внешних воздействий консервация торжественно-риторического стиля в одной разновидности русской литературы XVII в. — литературе русского барокко [7, с. 135].

церковный. При том это мнение обыкновенно доводят до того заключения, что даже и литературы, в собственном смысле этого слова, у нас не было, а были только книги богослужебного и церковного содержания с присовокуплением немногих произведений, хотя и имеющих предметом интересы не исключительно церковные, но составленных в однообразном тоне монашеских воззрений и убеждений» [9, с. 251].

Сторонники другой точки зрения тоже признают единый литературный язык, но с двумя разновидностями: «в XVI в. мы имеем дело с двумя разошедшися стилистическими разновидностями одного и того же литературного языка, а не с двумя различными языками» [10, с. 113].

Напомним еще об одной, на наш взгляд, наиболее совершенной попытке описания разновидностей или «родов глаголания» в русской (подчеркнем: только русской) устной и письменной речи XVI-XVII вв., представленной в «Риторике» архиепископа Макария 1618 г. В ней выделены «род смиренный, который не восстает над обычаем повседневного глаголания» (устная речь), «род высокий», основу которого составляют общеупотребительные средства, но есть также метафоры и архаично-книжные элементы (художественная речь), «род мерный», представленный в грамотах, посланиях (деловая речь) [11, с. 348]. Таким образом, в риторике представлен взгляд на русский язык XVI-XVII вв. как на единство из трех разновидностей в соответствии с основными функциями языка. Наличие этих сфер применения языка (добавим к ним еще культовую) реально осознавалось образованными людьми той поры, см. следующее обращение протопопа Аввакума к царю Алексею Михайловичу: «А ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком, не унижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах» (выделено нами — Г. С.) [12, с. 475]. Что касается известных показаний Г. В. Лудольфа о наличии у русских двух разных языков: для устного общения и для письма, то следует сказать, что менее всего эти показания можно отнести к тому времени, когда они были сформулированы, т. е. к концу или ко второй половине XVII в. Лудольф привел распространенное выражение ("так у них и говорят"), относившееся, вероятно, к более ранней эпохе и касающееся не всех сфер применения языка, а лишь устной речи и конфессиональной письменности. В действительности же в России XVII в. «разговаривали, естественно, по-русски, но и писали главным образом по-русски, не по-славянски» [13, с. 47]. Кстати, по мнению Ф. П. Филина, «единого письменного литературного языка с упорядоченной системой норм, обслуживающего все нужды общества, в XVII и первой половине XVIII века не существовало», «от наличия в древней и Московской Руси двух близкородственных, но разных письменных языков отказаться невозможно» [14, с. 108, с. 111].

Задача состоит не только в том, чтобы определить состав имевшихся в то время средств общения — языков или их разновидностей, но и в том, чтобы выявить выполняемые ими функции, установить уровень их нормированности и отношение к устной разговорной речи. Наше мнение о литературно-языковой ситуации Московской Руси близко к точке зрения Ф. П. Филина о русско-церковнославянском двуязычии и сводится к следующему. На всем протяжении исторического периода до XVIII в. сохранял свой престиж, постепенно сужая сферу действия, церковнославянский язык русской редак-

ции, принятый главным образом в конфессиоанальной (литургической, канонической, гомилитической, дидактической) и конфессиоанально-светской (церковно-ораторской, полемической и агиографической) литературе. В одних сочинениях этот язык представлен в более «чистом» виде, в других, например, житиях местных святых, содержал значительное число исконно русских речевых средств. В эпоху Московской Руси развитие церковнославянского языка происходило лишь в конфессиоанальной литературе в соответствии с установками Киприана, но оно не было значительным. Борьба никонианцев со старообрядцами не привела к языковым переменам. Кроме церковнославянского языка русской редакции употреблялся русский литературный письменный язык, в котором выделялись две разновидности: а) книжно-традиционная и б) демократическая. Здесь идет активное наступление живого разговорного языка. Расширяется круг идей, представлений, понятий, обсуждаемых в письменности, но не разработан литературно-языковой этикет их описания, что приводит к усилению народно-разговорного элемента в целом ряде сочинений. Начиная с середины XVI в. и постепенно нарастаая, осуществляется демократизация письменного языка, стихийная узульная выработка фонетико-грамматических норм и увеличение обще-русского лексического фонда. Нормализация в этот период реализуется путем подражания «образцовым» произведениям.

Письменная и устная разновидности русского языка существуют как обособленные системы, вступающие в контаминацию в новых повествовательных жанрах, их былое противопоставление сменилось органическим, проникающим сближением, при этом разговорная речь выступает как более существенная и определяющая основа национального языка, чем традиции книжнославянские [15]. По нашим наблюдениям, основное различие в области лексики между книжной и разговорной речью касалось разной употребительности и неодинаковых семантико-стилистических свойств как отвлеченной, так и конкретной лексики в этих двух типах речи [16].

Русская средневековая письменность имела сложный состав, а язык ее развивался весьма динамично, поэтому литературно-языковая ситуация на Руси была неодинаковой не только в разные периоды истории языка, но непохожей и в соседствующие столетия. Языковое оформление повествовательных и художественных текстов зависело от быстро меняющихся политических, идеологических и религиозных течений эпохи, ср. язык художественных текстов XVI в. с его архаическими тенденциями и художественную речь XVII в., заметно освободившуюся от уз традиции. В наглухо «затворенном» опричном Российском государстве XVI в., где церковь и царь не допускали культурного возрождения, только публицистика обращалась к мирским темам (отсюда особое значение творчества Иосифа Волоцкого, Ивана Грозного, Максима Грека, Андрея Курбского, Вассиана Патрикеева, Ивана Пересвистова), а беллетристика занимала второстепенное положение [17, с. 243, с. 245, с. 289]. В XVI в. продолжается «реставрация старокнижных традиций», начавшаяся в XV в. [18, с. 238, с. 241-242].

Все авторы, начиная с И. И. Срезневского, едины в оценке поворотного в истории языка XVII в.: «поворот и действительно начался в XVII веке. Еще не кончилось стремление языка книжного отдаляться все более от народного,

презирать его, когда уже явились попытки действовать наоборот, сблизить книжный язык с народным» [19, с. 130]; «Резкое изменение общеязыковой ситуации с XVII в. заключается в том, что разговорный язык получает доступ в письменность. Возникает целый ряд новых литературных жанров, очень мало связанных со старым церковно-книжным языком и в основном отражающих язык разговорный» [18, с. 258]; ср.: [4, с. 47; 6, с. 63]. Социально-исторические причины обусловили активизацию литературно-художественной деятельности общества в XVII в. Расширяется социальный состав пишущих за счет мирян разных чинов и сословий, увеличивается объем литературной продукции («эпоха молчания сменилась эпохой русского многоязыгования»), появляются новые роды литературы: поэзия и драматургия [17, с. 292-293, с. 296, с. 313]. Картина литературной жизни средневековья, которую рисовали дореволюционная наука и филологи 20-30-х гг., сильно отличается от наших современных представлений о составе литературы Московской Руси. За последние десятилетия открыто большое число ранее не известных художественных, публицистических и историко-повествовательных текстов, обнаружены целые литературные школы, творческие направления и даже новые литературные жанры: лирическая поэзия, основанная на фольклоре, демократическая сатира, агитационная публицистика и т. п., то есть увеличились сведения об объеме самой литературной продукции, которые не всегда учитываются лингвистами. В XVII в. не проводятся мероприятия канонизирующего, обобщающего характера, как создание Никоновской летописи (20-30-е гг. XVI в.), собрание Великих Миней Четырех. XVII век не собирал старое, он в избытке создавал свое.

Меняются отношения между литературой и деловой письменностью. Отдельные типы деловой речи в некоторые моменты приближались к книжно-литературному языку, а другие типы всегда ему противостояли. Неодинаковым было развитие деловой письменности в разных частях Русского государства. Местная деловая письменность эволюционировала медленнее, чем деловой язык Москвы. Разные процессы происходили, например, в юридической речи Москвы и языке правовой документации на местах. Правовые документы одной и той же местности в языковом отношении не были одинаковы, так, язык московского Уложения 1649 г. более архаичен, чем язык царских указов, наказов воеводам, таможенных грамот и т. п., в каждом типе деловой письменности действовали свои узуальные нормы, еще мало изученные, поэтому наряду с попытками обобщения данных о специфике делового языка целесообразно продолжать дифференцированное изучение деловых текстов. Несомненная зависимость между расширением функций деловой речи и усилением роли собственно русской разговорной лексики в литературном языке. Однако отодвигать начало действия этих процессов до второй половины XVII в., как предлагает К. П. Смолина [20, с. 37], было бы неправильным. Уже в XVI в. наблюдается эпизодическое использование элементов делового письма в литературе и публицистике (Стоглав, Домострой, хозяйственные и технические руководства). С двадцатых годов XVII в. процесс принимает широкие размеры (агитационная письменность Смуты, сатирические произведения и т. п.), с этого времени, а не со второй половины

XVII в., как считает С. С. Волков [21, с. 7], слово́й язык представлял собою развитую полифункциональную систему.

Коснемся состояния устной речи Московской Руси. Просторечия, понимаемого сейчас как эмоционально-сниженный пласт литературного языка и наддиалектные, не имеющие изоглосс явления, стоящие вне литературного языка, в XVI-XVII вв. не было. Для периода Московской Руси речь горожан не была отделена от диалектной речи сельского населения* Ф. П. Филин предполагал, что «выделение просторечия началось во второй половине XVIII в.» [20, с. 7]. В XVI-XVII вв. отчетливо проступает противопоставление «народно-разговорное — книжное». В понятие «народно-разговорное» мы включаем элементы общерусского употребления из речи городского и сельского населения и диалектные средства. Все эти явления принадлежат устной бытовой речи, они отражаются в деловой письменности, частной переписке, а также в разговорниках и азбуковниках, где в целях ознакомления иностранных купцов с русской речью воспроизводились реальные ситуации бытового и делового общения.

Как показывает анализ памятников письменности, средством повседневного общения русских в XVI-XVII вв. был русский разговорно-бытовой язык диалектного характера**, в котором имелось значительное число общерусских средств. Вся территория России была в равной мере диалектной, в меньшей степени это относилось к Москве и нескольким крупным торгово-ремесленным центрам, как Великий Новгород, Псков, Вологда, Астрахань и др., в койне которых заметнее проступали общерусские черты, не подавляя, впрочем, местного начала. Одновременно укажем на предположительный характер высказанного выше суждения, поскольку сравнительно-сопоставительные исследования койне русского средневекового города на фоне крестьянской речи окружающего региона пока еще никем не выполнены. Главная трудность при этом — изучение речи населения окружающего региона, что осложнено отсутствием текстов, связанных с мелкими сельскими пунктами. Замена исторических сведений современным диалектным материалом заметно снижает доказательность выводов.

Несколько иной была картина в Сибири и южнорусских областях, население которых в то время сильно обновилось: здесь процессы нивелировки диалектных особенностей и отбора общерусских средств в результате непосредственного общения уроженцев разных областей могли идти довольно быстро, хотя и с меньшей интенсивностью, чем, например, в Москве. Существовавшие в этот период формы устной и письменной речи: художественной, деловой, культовой и др. — были в разной степени связаны с диалектным разнообразием устной бытовой речи. Что касается проблемы так называемой

* Мнение об относительном единстве уже в XVII в. общерусского городского просторечия [22, с. 181] не может быть принято из-за отсутствия фактических данных.

** В свое время Б. А. Ларин справедливо отметил: «Осуществленные уже исследования актов и других памятников письменности... опровергают предположение о едином и общенародном разговорном языке Московской Руси» [15, с. 32].

«диалектной основы национального языка», то можно сказать, что одной единственной диалектной основы не было и быть не могло. Перерыва в развитии языка древнерусской народности к языку великорусской народности не было, нет границы и между донациональным и национальным состоянием языка. Фонд общерусских средств, переходящих из одного языкового состояния в другое, постоянно возрастал, именно он и был ядром, основой, базой национального языка. В этом ядре одни элементы, например, родовые названия бытовых предметов, появившиеся в древнерусский период и ранее, были первоначально чаще южнорусскими, а значительное число видовых обозначений зафиксировано лишь в XV-XVII вв. и первоначально в севернорусских источниках [23, 24]. Ведущая роль среднерусских говоров и особенно говора и письменности Москвы состояла в том, что благодаря историческим условиям формирования нации именно здесь происходил процесс отбора, закрепления и распространения общерусских средств.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История СССР. I серия. Т. 3. М., 1967.
2. М е р з о н А. П., Т и х о н о в Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). М., 1960.
3. Т в е р с к а я Д. И. Москва второй половины XVII в. — центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959 (Тр. ГИМ. Вып. XXXIV).
4. В и н о г р а д о в В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. М., 1938.
5. Х ю т л ь — Ф о л ь т е р Г. Диглоссия в Древней Руси // Wiener slavistisches Jahrbuch. 24, 1978.
6. У с п е н с к и й Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.
7. Г о р ш к о в А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка. М., 1983.
8. В и н о г р а д о в В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII века // Вопросы языкоznания. 1969. № 6.
9. Б у с л а е в Ф. И. История русской литературы. Вып. 1. М., 1904.
10. М е щ е р с к и й Н. А. История русского литературного языка. Л., 1981.
11. Б а б к и н Д. С. Русская риторика начала XVII в. ТОДРЛ, VIII. М.; Л., 1951.
12. Сочинения протопопа Аввакума. Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1. Л., 1927.
13. К о т к о в С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.
14. Ф и л и н Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
15. Л а р и н Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961.
16. С у д а к о в Г. В. Синонимы в литературно-художественных текстах XVII в. // Парадигматические и синтагматические отношения в лексике и фразеологии. Вологда, 1983.
17. История русской литературы. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980.
18. Л а р и н Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975.
19. С р е з н е в с к и й И. И. Мысли об истории русского языка. (Читано на акте имп. Санкт-Петербургского ун-та, 8 февр. 1849 г.). М., 1959.
20. История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX вв. М., 1981.

21. В о л к о в С. С. Лексика русских челябинских XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л., 1974.
22. Х а б у р г а е в Г. А. Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). М., 1980.
23. С у д а к о в Г. В. Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика). М., 1983.
24. С у д а к о в Г. В. Названия предметов домашней утвари в русском языке XVI-XVII вв. // Эволюция лексической системы северорусских говоров. Вологда, 1984.

II. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

О. И. Блинова

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА И СПОСОБЫ СЕМАНТИЗАЦИИ ОБРАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ

Слова особенно сильны, когда они имеют два смысла, когда они живые глаза для тайны и через слюду обыденного смысла просвечивает второй смысл.

В. Хлебников

Существует множество высказываний об образности, выразительности, красочности русского языка. К. Паустовский, обратив внимание на то, что «многие русские слова сами по себе излучают поэзию, подобно тому, как драгоценные камни излучают таинственный блеск» [2, с. 82], назвал русский язык алмазным языком. Мастер «поэзии прозы» мечтал о создании нескольких новых словарей русского языка, в одном из которых можно было бы собрать «хорошие и меткие местные слова» [2, с. 96]. Такому типу словаря отвечает «Словарь образных слов и выражений народного говора», подготовка которого с опорой на среднеобский материал ведется в Томском университете.

Составление словаря образных лексических единиц и выражений (СлОЛЕ) преследует две цели: 1) сгруппировать, систематизировать и представить эстетически значимый словарный корпус народно-разговорной речи, выполняющей прежде всего коммуникативную и эмотивно-экспрессивную функции (в этом плане СлОЛЕ существенно отличается от толковых словарей ЛЯ, где также лексикографирован образный фонд ЛЯ, но с опорой, главным образом, на язык художественных произведений. Подробнее см.: 3, с. 88-100); 2) получить достаточную фактическую базу для изучения образности как лексической категории, объективно присущей лексико-фразеологическому уровню языка как средства общения: выявить слагаемые образности (специфику образного значения и средства его выражения), функции ОЛЕ в речи, особенности контекстного поведения, источники ОЛЕ и т. д. в дополнение к тому, что известно об образности из публикаций, посвященных лексико-семасиологическому аспекту анализа языковой метафоры и, шире, ОЛЕ (см. работы: Е. Куриловича, В. А. Звегинцева, Д. Н. Шмелева, В. Г. Га-

ка, Н. Д. Арутюновой, И. А. Стернина, В. Н. Телия, Н. А. Кожевниковой, М. И. Черемисиной, Г. Н. Скляревской, О. И. Блиновой, Н. А. Лукьяновой, Н. Б. Лаврентьевой, В. К. Харченко, О. В. Загоровской, О. А. Рыжкиной и др.) и аспекту лексикографическому (см. работы: Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. М. Бабкина, Н. З. Котеловой, Л. С. Ковтун, Г. Н. Скляревской, И. С. Куликовой и др.). Кроме того, данные СлОЛЕ позволяют аргументированно доказать необходимость введения в число семантических помет толковых словарей пометы «образное», которая характеризует значительно больший разряд слов и ЛСВ, нежели помета «переносное», указывающая только на один тип ОЛЕ — языковую метафору (ЯМ), оставляя в стороне класс собственно образных (СО) лексических единиц, отличающихся, как и метафора, двуплановостью семантики, но выражающих ее не семантическим типом мотивированности, как ЯМ (ср. пылать — о закате, золотой — о цвете, медведь — о неуклюжем человеке), а «морфологическим» типом мотивированности (например, волнушка — гриб с волнистой шляпкой, се ребристый — цвета серебра, змеяться — виться подобно змее).

СлОЛЕ охватывает различные категории языковых единиц, характеризующихся одним общим признаком — признаком образности. При этом «под образными понимаются такие средства языка, которые содержат чувственно-наглядный элемент, имеют двуплановый характер выражения, воспринимаются ассоциативно и выполняют функции усиления выразительности и изобразительности» [3, с. 89].

Указанное понимание образности языковых средств предполагает учет таких принципов их отбора в СлОЛЕ, как: а) принцип системности, согласно которому выявление двуплановости семантики языковой единицы и средств ее выражения осуществляется посредством соотнесения ее с другими единицами языка; б) принцип со знаний образности языковой единицы и с и т е л я я з ы к а; в) принцип учета функциональной направленности языкового средства.

Учет принципа системности в определении образности языковой единицы гарантирует максимум объективности, поскольку опирается на живые, реально существующие связи языковых единиц с другими единицами языка, которые и служат средством выражения образности ЛЕ: калина — как бы каленая, пьяница — как бы пьянит, крестовка — лиса с полосой на спине, напоминающей крест.

Ориентация на показания языкового сознания (самосознания) носителя языка позволяет выявить ассоциативность восприятия образных средств и разграничить «живые» и «мертвые» ОЛЕ (например, генетические, стертые ЯМ), определить границы между ОЛЕ и безобразными производно-номинативными ЛСВ — с позиции н о с и т е л я я з ы к а (а не установок исследователя). Например: «Калина, она же как каленая стоит, красная вся, раскалилась. Тоже красиво! Осенью когда ее посмотришь, она, как горит, раскаленная как». «Суслоны ставили, [верхний сноп] шляпой называли. Пять снопов поставишь, а шестой сноп разламывашь и накрывашь, как шляпа».

Что касается функционального критерия, то степень его объективности определяется особенностями контекстного употребления образных языко-

вых единиц (в контекстах они чередко соседствуют с другими образными средствами — метафорами, сравнениями, эпитетами, эстетическими маркёрами и под.). В качестве вспомогательного приема можно привлекать для сопоставления эквиваленты эстетической значимой формы языка — языка художественных произведений. Ср. контекст употребления образного фразеологизма как жар гореть 'сверкать, переливаться, как бы отражая отблески пламени': «Была церковь у нас. Богаче всех была. Как жар, горела. ... Сильно высока была. Едешь по реке, смотришь: она просто, как солнце, горит». (Ср. у Пушкина: «... в чешуе, как жар, горя, Тридцать три богатыря»). Еще пример: «До чего было много земляники! Да ой хороша, да крупна-то была! Пойдешь — она ну как пунцом каким одета!» (Ср. у Пушкина: «В багрец и золото одетые леса»).

Таким образом, в СЛОДЕ включаются:

1) лексические единицы — слова и ЛСВ, объединяющие два разряда ОЛЕ: разряд *собственно образных слов* (шелковник 'ковыль перистый, с длинными шелковистыми остями', вилка 'столовый прибор, похожий на миниатюрные вилы', золотистый 'цветом напоминающий золото') и разряд ЯМ (адский 'невыносимый, тяжелый, как в аду', капельный 'крошечный, как капля', лулька 'прицеп у мотоцикла, уподобляемый детской колыбели — «льульке»');

2) духовом понентные номинации (кукушкины слезки 'растение ирис', гусиная лапка 'лапчатка гусиная', живое дерево 'комнатное растение каланхое', куричья слепота 'травянистое растение лютик');

3) компаративные и иные фразеологические единицы (как капля в море 'о малом количестве чего-л.', на березе калачи 'искать 'искать легкой жизни', чахотку положить в карман 'об отсутствии денег');

4) сравнительные обороты (драчливый, как петух; черный, как галочка; желтый, как масло; цветет, как радуга; поет, как соловей);

5) творительный сравнения прилагательный (цвести колокольчиком) и приименный (рога калачом, шляпка [гриба] волнами), а также сравнительные наречия (сердечком).

Толкование значения ОЛЕ и выражений в словаре опирается на два основных принципа: 1) принцип отражения в толковании заглавного слова словарной статьи трех компонентов образной семантики: *денотатива* («номинатива»), соотносящегося с денотатом ОЛЕ, *ассоциатива*, соотносящегося с денотатом, которому уподобляется, с которым сравнивается, ассоциируется обозначаемый денотат (с этим связано явление «удвоения денотата» в дефиниции ОЛЕ), *символа* (основания) ОЛЕ, соотносящегося с признаком, основанием для сопоставления двух денотатов — обозначаемого и сопоставляемого. Обозначение символа выполняет роль слова-связки в толковании значения (подробнее о структуре образного значения см.: 3, с. 19-28; 1, с. 12-17); 2) принцип отражения показаний языкового сознания носителей диалекта, воспринимающих языковое средство как образное. В связи с этим, наряду с дефиницией, которую формулирует лексикограф, широко используется семантизация образного средства носителями языка. Иначе говоря, субъектами толкования образной семантики языковой единицы выступают лексикограф, исследователь языка, и носитель языка. Поэто-

му в число способов толкования во многих случаях включается контекст, традиционно входящий в третью, иллюстративную часть словарной статьи. Таким образом, в СЛОДЕ принято два типа толкования заглавного слова: **деконструктивный** (основной) и **контекстный** (дополнительный).

В качестве основного способа деконструктивного толкования ОЛЕ применяется описательный, с использованием средств, выражающих отношения ассоциации, подобия, заключенных в семантике и внутренней форме толкуемых слов. Так, классический пример толкования ОЛЕ с указанием денотатива, ассоциатива и символа являются следующие случаи: **бархатник** 'растение медуница, с листьями, мягкими, как бархат', **сахатый** 'лось, ветвистые рога которого напоминают очертания сожи', **шилохвост** 'вид утки, с раздвоенным и острым, как шило, хвостом', **седой** 'с вкраплением белых, словно седых, ворсинок (о мехе)', **сердечком** 'о форме чего-л., напоминающего сердце', **прятаться** 'исчезать из поля зрения, как бы скрываясь в чем-л., за чем-л. (о неодушевленных предметах)', **очуметь** 'стать шальным, одурелым, словно заболевшим чумой'.

Ассоциатив в приведенных толкованиях выражается: а) посредством сравнительного оборота, опорное слово которого представлено мотивирующим словом или ЛСВ; в отдельных случаях используется его синонимическая замена во избежание нарочитости толкования и в стилистических целях, при этом право на ту или иную синонимическую замену ассоциатива в толковании дает контекст, например: **денежник** 'растение погремок обыкновенный' («Это денежник называют, он будет греметь, когда отцветет»). Тогда, когда ОЛЕ обусловлена ассоциативом далекого понятийного ряда, указание его в толковании значения заключается в скобки, например: **пленица** 'ловушка на дичь (как бы берущая в плен) в виде петли, свитой из конского волоса'.

В других случаях ассоциатив в толковании ОЛЕ передается б) посредством образного мотивирующего слова или ЛСВ, которые синтезируют ассоциатив и символ толкуемого образного слова: **серебрянка** 'порода лисиц с серебристым мехом', **волнушка** 'съедобный гриб с волнистой шляпкой', **огонек** 'растение купальница азиатская, соцветие которой огнёвого цвета'. Ассоциатив в толковании ОЛЕ изредка передается посредством образного фразеологического оборота, как правило, компаративного: **насобачиться** 'научиться ловко что-л. делать, съесть собаку в каком-л. деле'.

Толкование преобладающего числа фразеологических единиц как в силу их очевидной образности, так и в связи с их идиоматичностью, затрудняющей отражение элементов образной семантики, ограничивается толкованием их денотативного значения.

Слова, употребляемые в качестве опорных в составе сравнительных оборотов, толкуются, как и в любом толковом словаре. После толкования опорного слова следует: «В сравнении», например: **бархат** 'ткань с мягким густым ворсом на лицевой стороне. В сравн. — Бархатник, листья — как бархат; серёжка 'украшение, надеваемое в мочки ушей'. В сравн. — А была смородина... Вот так глянешь, там [в кустарнике], как серёжки, висят так веточки».

Поскольку опорное слово сравнительных оборотов, будучи связанным с ассоциативом сравнения, в зависимости от символа сравнения (а он, как

правило, в контексте присутствует) наполняется разным содержанием, в словаре большая часть сравнительных оборотов толкуется, например: свечка 'палочка из жирового вещества с фитилем, служащая для освещения'. В сравн. О гладкоствольном дереве. — Это развесистый такой кедр, сучки большие, с самой земли идут. А бывает, что нелазовый [без сучьев]. Тот — как свечка; арбуз 'круглый крупный плод арбуза'. В срав. О хорошо сохранившемся для своих лет человеке. — Вот он тринадцатого году, ишь, как хорошо выглядит, как арбуз! Не поработал, не надсадился; угольный 'прил. к у г о л ъ'. В сравн. О чём-л. черного цвета. — Он из спальни выходит, как угольный: все лицо чёрно.

Так как контекстный тип семантизации ОЛЕ дополняет дефиниционный, составляя с ним как бы единое целое, такие контексты помещаются в начале иллюстративной части словарной статьи, предваряя контексты, иллюстрирующие словоупотребление заглавной ОЛЕ в непринужденной речи, в тексте. В СлOLE немало контекстов (многих), отражающих народное осмысление всех компонентов структуры образной семантики языковой единицы. Примеры: «Есть крестовки — такой лисы, у ей полоска проходит по бугру, типа креста» (лиса — деснотатив, крест — ассоциатив, полоска — символ); «Лисички, они жёлты, как лисица, вот и зовут». «Крапивка, у неё такой же лист, как в огороде крапива, лист зеленый, когда крапива станет больша». «Невеста [комнатное растение колокольчик ломкий] есть у мсяя. Как невесту отдают замуж, так она вся в цветочках белая. Она [растение] такими цветочками вся вокруг сделается, как шапка. Красиво до того прямо!»

Как видим из приведенных контекстов, семантизация ОЛЕ дана метатекстами или текстами с вкраплением метатекстов. При контекстной семантизации выявлены различные способы и средства выражения денотатива, ассоциатива и символа образной семантики. Из способов выражения выделяются два: *прямой* и *опосредованный*. Рассмотрим их на примере контекстного выражения ассоциатива.

При прямом способе контекстного выражения ассоциатива наиболее частотен: а) *сравнительный оборот*, например: «Кукольник, он цветет жёлтым... Листья широкие, они жёлтые, сворачиваются, как куколка»; менее частотны: б) *творительный уподобления*, например: «Волнушка, у ей розоватая [шляпка], а тут неровно, а волнами, волнами так»; в) *образная, мотивирующая единица*, например: «Были лисы серебрянки, такие серебристые».

При опосредованном способе контекстного выражения ассоциатива вместо единиц, мотивирующих ОЛЕ, используются: а) *развернутые характеристизующие сравнения* («Волнушечка — потому, что круглая, а снизу как кудри выются». «И проголосовали, поставили председателем сельсовета. А толку от него? Как он там был баран, так и тут баран: в свои ворота и то, наверно, затти не может, как от наши овечки»); б) *фразеологические обороты* («Жёны стали плохие. Извольничались — никуда! Совсем из воли вышли»); в) *синонимы*, слова того же семантического поля («Потом бархатина — така мохнатенька травка, листики. Она, свежу рану залить — лучше йоду и лучше всего». «Кукушкины сапожки [растение венерин башмачок] — цветочки такие. У их ротик как открытый. Они цветут малиновы, как срозовая. Как вроде чё-нибудь в них воды налить. Как ботиночек какой-то»).

Растут тут, на полях. Красивеньки они, қукушкины сапожки!. «Это қукушкины сапожки. Ну, светочки, как ковшики». «Папироска высоконькая, трубочками, цветочки красненькие»; г) слова-конкремитаторы («Утки кряковые, вострохвостыс. Кряковыс разукрашены всяко: зелёна голова, сера шея, коричнева грудь»).

Представлены и комбинированные способы контекстного выражения ассоциатива («Много болтат, слова не привязывают, во болтун, говорят, вруша». «Болтушка болтат и болтат. Все некогда болтать, а она языком треплет») с использованием приема параллелизма (А: «Затосковался, давно не пил. ... Как Ванька всё: «Всё, завязал — налсй [спиртного]! Завязал, все, не буду». — Б: «Налей?» — А: «Ага. Шнурки на ботинках утром завязал, а вечером развязал»).

Контексты служат важным подспорьем в определении символа образной семантики ЛЕ, который также характеризуется прямым и опосредованным способами контекстного выражения. При прямом способе — символ выражают слова (ЛСВ, которые обозначают признак, свойство, процесс, служащие основанием для сопоставления обозначаемого с другим, ассоциирующимся, денотатом. Примеры: «Огнёвка — с верёвочкой пила, побокам деревяшечки. И протянута верёвка лучковая. Быстро, как огонь, высекает [искры]», «Гроза — потому что гремит, там молнии сверкают, чиркают». «Тут старый да будеш скрипеть. А он моложе меня на пять лет был, да уж десять лист мёртвый». «Бархатник пользительный. Бывало, руку серпом разрежешь, сок бархатника нажмёшь. Он такой сверху зелёный, а снизу белый, бархатистый, мягкий».

Иногда контексты отражают не один, а несколько символов образного значения заглавного слова. Так, контексты со словом масленник и его вариантами — маслёнок, маслёнка — содержат указание на такие символы, как маслянистый («Сами красны и все маслянисты синявки, маслёнки». «Масленник, сверху он так масленый, корешок в палец»), жёлтый («А масляти — так грядами, грядами! Вот такой грыбочек, их почишишь, он масленый, жёлтенький». «Маслёнка, маслёнки — как масло жёлто»), жирный («Грузди, рыжики — они рыжи-рыжи, масленник больно жирный, жёлты — как масло»), скользкий («Масленник, он, как масляный, он слизкий». «Масляти ... сверху такие мокрые, соплястые, будто маслом помазали»).

В подобных случаях в толковании значения ОЛЕ указывается наиболее частотный символ образной семантики. Если трудно определить частотность символа, то в толковании значения либо учитываются (если это возможно) все отмеченные в контекстах символы, либо дается указание на один символ, а на остальные — указание опускается, поскольку их компенсируют контексты.

Контексты, иллюстрирующие сравнительные обороты, одни — содержат указание символа («И здоровье у него [хорошее], и сам по виду толстый, сильный, говорят: как боров». «Есть родник, хороша вода — глаза мыть. Она, как стекло, светла». «А тода всё ели. Ешшо так наешься, что аж пузо тресчит. Только после такой еды-то живот страшь как пучит, большой такой сделатся, как барабан, да твёрдый, что не продавиши»), другие — не содержат его в силу эллиптичности разговорной речи или каких-либо других причин («Бу-

ват, изломат реку, напрёт гору, ишь как слюда плывёт, как дом». «А там [из раны], как иголки мелки выходят [об осколках]. «Я тянула-тянула [картофельный куст] — не могу вытянуть. Ботвина — вот эдака, земля — как камень». «Были вот вечёрки. Молодёжь дом откупит, гармошку двухбасовую [возьмут], счас уж нету. Басы, как ложечки, были»).

Не содержат наименования символа контексты с творительным уподоблением («Чирки у нас есть, селезень, вострохвост — вилкой хвост у него». «Есть лисички, они, как оранжевые, растут они грядочками». «Заваруха, затируха — крупиночками заварится». «Волнушки моховатые, красивые, всё больше волнами, на пустоши собираю, под берёзами». «Вот раньше клён держали [о комнатном растении]. Ну, у него листья, как у клёна. И желтый цвет так, колокольчиком»).

Таковы основные принципы отбора и способы семантизации образных языковых средств народного говора.

С. Маршак писал: «... от частого употребления слова стираются, словно ходячая монета». «Чем привычнее для нас слово, — отмечал Д. Н. Шмельев, — тем меньше мы ощущаем его скрытую образность». В поэтической форме эту мысль высказал Д. Самойлов: «Люблю обычные слова, Как неизведанные страны. Они понятны лишь сперва, Потом значения их туманны. Их протирают, как стекло, И в этом наше ремесло». Задача составителя СлОЛЕ сродни задаче поэта: представить лексику и фразеологию народно-разговорной речи с пропретыми, как стекло, образными значениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Беккер Е. А. Особенности семантики образных слов // Материалы XXIX Всесоюзной научной конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 1991.
2. Паустовский К. Г. Золотая роза. М., 1991.
3. Скляревская Г. Н. Категория образности и толковый словарь русского литературного языка // Советская лексикография. М., 1988.
4. Скляревская Г. Н. Языковая метафора в толковом словаре. Проблемы семантики (на материале русского языка). Часть I. М., 1988.

Т. Г. Паникаровская

«СЛОВАРЬ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ» КАК ОДИН ИЗ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ

Вологодские говоры сохраняют во многом следы глубокой старины и поэтому, в частности, представляют для науки несомненный интерес.

Изучение их началось еще в конце XIX века. Уже тогда в разных изданиях появились отдельные заметки о вологодских говорах.

В 40-х годах нашего века изучение вологодских говоров начал Вологодский пединститут. В 1939 году под руководством А. С. Ягодинского была организована первая диалектологическая экспедиция. По заданию АН СССР преподаватели и студенты приступили к изучению говоров Вологодской области. Материалы диалектологических экспедиций довоенного времени, отражающие наблюдения не только над фонетикой и грамматикой вологодских говоров, но и над их лексикой (Вожегодский, Междуреческий, Пришекснинский, Устюженский р-ны), были опубликованы в трех выпусках «Диалектологического сборника» под ред. А. С. Ягодинского [1].

Великая Отечественная война прервала эту работу.

Однако событием, значение которого для диалектологов трудно переоценить, была состоявшаяся в 1944 году научная конференция с участием многих крупных языковедов страны (Л. В. Щерба, Р. И. Аванесов, А. Б. Шапиро, Ф. П. Филин и др.). На этой конференции был обсужден проект «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», которая позднее стала обязательной для всех организаций, работающих над «Атласом русских народных говоров» [2].

Изучение вологодских говоров было возобновлено в 1954 году, когда институт включился в фундаментальную работу, проводимую АН по собиранию материалов для «Атласа русских народных говоров».

К 1962 году обследование территории Вологодской области для «Атласа» было завершено, и диалектологи Вологодского пединститута занялись изучением лексики вологодских говоров. Эта работа продолжается и в настоящее время.

С целью сбора областных слов в процессе ежегодных диалектологических экспедиций (а в последние годы и практик) более чем за 30 лет было обследовано не менее 500 населенных пунктов. Отметим, что студенты занимаются сбором лексических материалов с живым интересом (в отдельные годы в экспедициях участвовало до 30 студентов факультета русского языка и литературы). Активное участие в диалектологических экспедициях принимают аспиранты кафедры русского языка А. А. Баландина, Т. Г. Орлова, Е. Н. Шаброва, ст. преподаватель Г. Ю. Козлова.

Руководителями работы являются доценты Т. Г. Паникаровская и Л. Ю. Зорина.

В собирании словарных материалов существенную помощь оказывали петербуржец П. А. Амосов, уроженец Вологодской области, доценты Р. А. и Л. В. Усовы, уроженцы Кич-Городецкого района, Н. А. Кукин из Сямжи, А. Н. Копничев из Кадуя, Н. М. Стafeев из Вытегры и др.

В течение тридцати лет была собрана обширная картотека, которая стала основой для составления «Словаря вологодских говоров». Картотека продолжает постоянно пополняться. Под руководством Л. Ю. Зориной проделана кропотливая работа по приведению словарной картотеки в должный порядок.

Авторский коллектив «Словаря вологодских говоров» в настоящее время состоит из восьми преподавателей кафедры русского языка, работающих увлеченно и плодотворно. Это Е. П. Андреева, Г. А. Дружинина, Л. Ю. Зорина, Л. М. Кознева, О. И. Новоселова, Т. В. Парменова, Т. Г. Паникаров-

ская, Л. Г. Яцкевич. В составлении I-IV выпусков словаря принимала участие А. П. Ларионова, III-VI — Р. Ф. Богачева.

Первый выпуск «Словаря вологодских говоров» был издан в 1983 году. В настоящее время вышло из печати шесть выпусков словаря (А — П). Редактор выпусков — Т. Г. Паникаровская [3].

Среди областных словарей преобладают, как известно, дифференциальные, оставаясь наиболее распространенным типом регионального словаря. О том, что областные словари «должны охватить лишь местную лексику, отличающую говор в настоящее время или отличавшую его в прошлом от нормативного типа языка», т. е. быть дифференциальными по отношению к словарям современного литературного языка, писали В. Г. Орлова и А. И. Сологуб [4, с. 22], а также Ф. П. Филин [5, с. 4; 6, с. 22; 7, с. 5].

«Словарь вологодских говоров», будучи толковым диалектным словарем дифференциального типа, отражает современное состояние словарного состава Вологодской группы северорусского наречия (территория, ограниченная с запада 39° восточной долготы, а с юга — 59° северной широты, где расположены 16 районов области).

В словарь включается также лексика, зафиксированная в Вельском районе Архангельской области, находящемся на территории распространения говоров Вологодской группы. Находит отражение в словаре и диалектная лексика сопредельных говоров (Кирилловский и Шекснинский районы Вологодской области).

Словарь входит в научный оборот. Ссылки на словарь находим, например, в «Этимологическом словаре славянских языков. Праславянский лексический фонд» под ред. О. Н. Трубачева [8], упоминается СВГ в СРНГ.

В СВГ включается диалектная лексика и фразеология, зафиксированная только в процессе наблюдения над современной живой народной речью. Определенное количество слов собрано методом анкетирования. Памятники прошлых эпох, произведения фольклора, данные топонимики и ономастики при составлении словаря не привлекались.

Слова в СВГ расположены в алфавитном порядке. В словарной статье приводится заголовочное — толкуемое слово, фонетические варианты слова, его грамматическая характеристика, пометы, указывающие на положение слова в лексической системе, иллюстрации, географические пометы, устойчивые сочетания.

Значение большинства диалектных слов толкуется посредством семантических эквивалентов или синонимов литературного языка, например:

БЕЗДОЖДЬЕ, я, ср. Засуха. Бездождье давно стоит. Глибовье сделалось после бездождья. У.-К.

ВЫЗНОС, а, м. Возраст. Нашего-то вызноса уж никого не осталось. В.-У.

Диалектные слова, значения которых не полностью совпадают со значением слов литературного языка, а также слова, которые не имеют лексических соответствий в литературном языке, толкуются описательно, например:

АГЛЕЧУХА, и, ж. Устар. Старинный головной убор замужней крестьянки из плотной ткани с высоким щитком, расшитым бисером или стек-

лярусом. Ведь аглечуху носила баба на голове-то. У Анны сильно баская аглечуха-то была. Ник.

В ряде случаев описательный и «переводный» способы сочетаются, например:

2. БАБКА, и, ж. в 3 значениях. Деревянное приспособление для распиливания дров, козлы. Дрова на бабке пилили. Любська, сбегай, узнай, есть ли у Самойловых бабка, дрова наде пилить. Верх.

Имена существительные, обозначающие предметы материальной культуры, орудия труда, обычаи и т. п. толкуются, как правило, путем энциклопедического описания, например:

АЗЯМ, а, м. Устар. Старинная верхняя крестьянская одежда из домотканого сукна, имеющая вид долгополого кафтаны, без воротника или с воротником — капюшоном, надеваемая поверх какой-либо другой верхней одежды. Как надену поверх куртки азям, может, и не замерзну. Тулуп дак из овчин, азям суконной из шерсти, как шинель. К.-Г.

ВОРОБА, и, ж. Об. мн. кацк. Приспособление для сматывания пряжи, представляющее собой две крестообразно сложенные деревянные планки, укрепленные и свободно вращающиеся на стержне, на концах которых имеются отверстия, куда вставляются веретена. На воробы одевают моты, чтобы перемотать пряжу на тюрики. Мотки-ти с трубичи на воробы навивали, которые были на выюх насажены, вот моты-ти и получились. Ник.

При толковании названий растений приводится терминологическое латинское название, если составители располагают им.

Самостоятельные значения многозначного слова приводятся одно за другим без отступа с красной строки. Отдельные значения выделяются арабскими цифрами, а оттенки значений — знаком //. Например:

АРТЕЛЬ, и, ж. 1. Группа лиц, связанных общими действиями, компанией. В Ленинграде в музеях-то артилями ходят. Ник. 2. Семья, состоящая из многих членов. У меня, теперь артиль большая, хлеба-то много надо. Тот. 3. Еда, пища. Артили много надо им, да и вкусной подавай. В.-У. 4. Стая, группа птиц одного вида, держащихся вместе. Зимой дак никакой артили нет, все птицы улетели. Ник.

Переносные значения определяются после прямых и сопровождаются пометой Перен., например:

БОРКАТЬ, аю, ают, несов. перех. и неперех. 1. Неперех. Производить какой-либо звук, звенеть, стучать. Колокольцы боркают, коровы идут из поскотины. Верх. 2. Перех. Перен. Говорить очем-либо несерьезном, незначительном, болтать. Она любит боркать, всяких слов вам наборкает. Языком-то боркает много. Тот.

В ряде случаев в СВГ используется определение значений слов посредством отсылок.

1. При однокоренных словах с тождественным значением толкование приводится при первом по алфавиту слове, при остальных дается отсылка «То же, что», например:

АТЛАСНИЦА, и, ж. Большой шёлковый платок фабричного изготовления, шаль. Атласница у меня баская была, широкая, с кистями. Хар. Ср. атласовка Мсжд., голованец Тарн.

АТЛАСОВКА, и, ж. То же, что атласница. Атласуки-ти такиё баскиё были с кистями. Межд.

2. При существительных с суффиксами субъективной оценки, которые толкуются в самостоятельных словарных статьях и снабжаются ссылками на мотивирующее слово, например:

БАТОЖОК и БАДОЖОК, жка, м. Ум.-ласк, к батог, бадог в I знач. Пойдёте дак батожок-от вставьте в двери. Вож. Доцька, подай бадожок, а то мне-ка за тобой не угнатьця. Ник.

Лексика вологодских говоров очень богата, очень выразительна.

При толковании слов, совпадающих полностью или частично по значению, сообщаются сведения об их синонимических связях (в пределах одного выпуска словаря), например:

БАТЯЛКА, и, м. и ж. Неодобр. Человек, ведущий праздный образ жизни, бездельник, лентяй. Ну и парень, батяука, горе мне с ним, не хочет работать. Ср. болтовня, ботень, валёк, валень, валявка, варлания, вертень, вислень, вислядка, вислядь, висляйка (СВГ, 1).

Или: Действие со значением 'говорить о чем-либо несерьезном, незначительном, о чем не следует' обозначается следующими экспрессивно окрашенными глаголами: баздить, балакать, балахтать, балясить, барабошить, бинькать, блекотать, блякать, боркать, боронить (СВГ, 1). Стилистически нейтральным является глагол баять — 'говорить, сообщать' (СВГ, 1, 26).

СВГ фиксирует не только синонимические, но и омонимические семантические отношения, например:

1. ДОЗОРИТЬ, рю, рят, сов., перех. Довести до полной спелости, зрелости (ягоды, овощи). Помидоры ведь на полатях дозорить надо. К.-Г.

2. ДОЗОРИТЬ, рю, рят, несов., перех. 2. Класть куда-либо, прибирать. Первая рожь навеем, потом дозорим в одно место. Тот. (СВГ, 2, 36).

При наличии достаточного иллюстративного материала отбираются 3 цитаты, наиболее точно раскрывающие значение, формообразование и употребление слова. После каждой цитаты приводится указание на место записи — название района и населенного пункта, чтобы дать читателю представление об ареале бытования слова на территории Вологодской области.

Составители словаря стремились к тому, чтобы контексты — иллюстрации могли дать представление не только о слове как единице лексической системы, но также о фонетических, морфологических, словообразовательных и даже синтаксических особенностях вологодских говоров, т. е. к преобразованию разрозненных информационных блоков в «целостную информационную систему» [9, с. 35].

Сопоставление СВГ с «Материалами для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского, СлРЯ XI-XVII вв., СлРЯ XVIII в. свидетельствует о том, что многие слова древнерусского и старорусского языка сохраняются в вологодских говорах в прежних значениях (азым, баской, батог, бесёда, близна и др.), т. е. СВГ содержит ценные данные и для исторической лексикологии [10, с. 73].

Несмотря на дифференциальный принцип отражения лексики, СВГ характеризуется, полагаем, определенной полнотой. Так, например, первый

выпуск СВГ содержит 2008 словарных статей (включая отыскочные). При этом словник на букву Б состоит в СВГ из 584 слов, в то время как, например, в «Словаре русских говоров Забайкалья» на букву Б — 326 слов, в «Словаре русских говоров Приамурья» — 418.

В ряде случаев СВГ фиксирует диалектные слова, не отмеченные в сводном «Словаре русских народных говоров» (блазь — 'привидение, нечистая сила', блюза — 'кокетка у кофты, рубашки', болкнуть — 'зазвенеть, издать звук' и др.), а также слова, зафиксированные в СРНГ без пометы «вологодское» (большдчить, большичить, борйна и др.).

Составление и издание СВГ является, полагаем, актуальным и нужным как в научных целях, так и в плане оказания практической помощи учителям в их работе по развитию речи учащихся и расширению их лингвистического кругозора.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Диалектологический сборник / Под ред. А. С. Ягодинского. I-III. Вологда, 1941, 1942, 1946.
2. Программа сабирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947.
3. Словарь вологодских говоров. Вып. I-VI. Вологда, 1983-1993.
4. Орлова В. Г., Сологуб А. И. Изучение диалектной лексики // Лексикографический сборник. Вып. П. М., 1957.
5. Филин Ф. П. Об областном словаре русского языка // Лексикографический сборник. Вып. II. М., 1957.
6. Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961.
7. Филин Ф. П. Словарь русских народных говоров. Введение // СРНГ. Вып. I. Л., 1965.
8. ЭССЯ, 14.
9. Морковкин В. В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // ВЯ. № 6. 1987.
10. Паникаровская Т. Г. Отражение дреиннерусской и старорусской лексики в «Словаре вологодских говоров» // История русского слова: Проблемы номинации и семантики. Вологда, 1991.

Ю. И. Чайкина

ЦЕЛИ, СОСТАВ И СТРУКТУРА «СЛОВАРЯ ПРОМЫСЛОВОЙ ЛЕКСИКИ СЕВЕРНОЙ РУСИ XV-XVII вв.»

В исторических словарях общефилологического типа специальная лексика находит явно недостаточное отражение, поскольку составители ориентируются в основном на социально значимые широко употребительные термины. Между тем промысловая и ремесленная терминология, восходящая по происхождению в большинстве своем к народно-разговорной лексике старорусского языка, представляет исключительный интерес. Словарь про-

мысловой лексики дает возможность выявить объем, структуру, семантическое содержание огромного пласта недостаточно изученной в диахроническом аспекте профессиональной лексики, являющейся составной частью лексико-семантической системы старорусского и начального периода русского национального языка [1].

Издания подобного типа должны пробудить внимание исследователей к разработке проблем исторической стилистики русского языка, способствуя более углубленному изучению стилей русского литературного языка XV-XVII вв., и в том числе ремесленно-промышленного. Рассматривая особенности посадской письменности XVII в., Б. А. Ларин уже подошел, на наш взгляд, к выделению особого торгово-ремесленного стиля в русском литературном языке данного периода [2]. Словарь промысловой лексики представляет интерес не только для лингвистов, не в меньшей мере он может быть полезным и для ученых, занимающихся вопросами социальной истории Русского государства.

Учитывая сказанное выше, авторский коллектив, объединяющий преподавателей кафедр русского языка Вологодского пединститута и Поморского университета, приступил к работе по составлению «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.».

Жанр Словаря составители определяют как региональный, т. е. в него будет включаться промысловая и ремесленная лексика, отмеченная не на всей территории Северной Руси, а только части ее. Описанию подвергнется лексика, отмеченная в таких культурно-исторических центрах русского государства, как города Белоозеро, Устюжна, Вологда, Тотьма, Великий Устюг, Архангельск, монастыри — Кирилло-Белозерский, Череповецкий Воскресенский, Спасо-Прилуцкий, Михайло-Архангельский, Важский Богословский, Николо-Кряжемский, Троице-Гледенский, Антониев-Сийский, Николо-Корельский и др. По административному членению XVII в. это территории Белозерского, Устюженского, Велико-Устюжского, Двинского, Мезенского, Пустозерского, Яренского, Сольвычегодского, Кеврольского, Каргопольского, Вологодского, Тотемского, Важского уездов.

Бассейн Северной Двины, на территории которого были расположены перечисленные выше уезды, в экономическом, культурном и духовном планах представлял нечто единое. Это единство в значительной степени определялось сходными природными условиями, общей исторической судьбой живущего на данной территории народа, а также крупным торговым водным путем (Шексна — Сухона — Северная Двина), соединившим центр Русского государства с Севером, Сибирью и зарубежными странами.

Чем определяется выбор региона? Известно, что в Северной Руси земледелие, в силу неблагоприятных условий служило лишь подспорьем народному хозяйству. С давних пор огромное значение имели здесь промыслы и ремесла. В крупных феодальных хозяйствах, разбросанных на огромной территории Русского Севера, в XIV-XVI вв. происходит возрождение и дальнейшее развитие многих народных промыслов и ремесел. Именно во владениях северных монастырей (Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого, Антониево-Сийского, Николо-Корельского и мн. др.) промыслы и ремесла достигли значительного развития. К числу активно развивающихся в сред-

нерусский период относились соляной, железоделательный (в том числе кузнечный), рыболовецкий, охотничий промыслы, судовождение, судостроительное, кожевенное, лесное, строительное (в том числе каменное) дело, смолокурение (дегтярное дело), слюдяное, жемчужное (Поморье), китовый, тюлений, моржовый промыслы (Поморье), поташный, стекольный, иконописный, свечной, гончарный, переплетное дело, ткачество. Широкое развитие в связи с этим получила метрология.

Историки отмечают тройкое значение Русского Севера в экономической жизни Русского государства: а) Север снабжал внутренние области продуктами своей местной промышленности (рыба, соль, сало, кожа морских зверей, меха), б) на Севере была сосредоточена почти вся внешняя торговля государства, в) Север служил главным соединительным звеном между Европейской Россией и Сибирью (Кизеветтер А. А. Русский Север. Вологда, 1919).

Словарь мыслится как региональный, но полного типа, т. е. в него вводится вся промысловая лексика, в том числе и общерусская. В условиях замкнутых феодальных хозяйств, наряду с общерусскими промысловыми терминами, формируется множество регионализмов, известных лишь на ограниченной территории и в силу этого не получивших отражения в общефилологических исторических словарях. Профессиональным регионализмам составители уделяют особое внимание.

Хронологические рамки Словаря ограничиваются XV-XVII вв. С одной стороны, в это время происходит становление и развитие промыслов и ремесел, а с другой — промысловая и ремесленная терминология наиболее активно отражается в местных документах именно этого периода. Исключение составляют территории Двинской земли и Белозерья, от которых дошло значительное количество источников XIV в. Разумеется, они также будут привлекаться составителями.

Круг источников тесно связан с жанром Словаря. Промысловая и ремесленная лексика наиболее частотна в памятниках деловой письменности учетного характера (приходо-расходные книги, писцовые и переписные, таможенные и торговые, описи имущества, вкладные, кормовые, издержечные книги феодальных хозяйств), а также в различного рода руководствах по практической деятельности, росписях, наставлениях, ремесленных, мастерских книгах [2].

Выскажем пока самые общие суждения о составе и структуре Словаря, толковании семантического содержания терминов, поскольку работа над Словарем находится в стадии сбора материала и обсуждения первичных вариантов словарных статей.

Жанр настоящего Словаря предопределил наличие некоторых специфических положений. Словарь включает всю промысловую и ремесленную лексику, отмеченную в памятниках письменности, написанных на территории бассейна Северной Двины. В связи с тем, что речь идет о терминологии, выборке подлежат имена существительные и глаголы, а также устойчивые терминологические сочетания.

В Словаре отмечены слова в совокупности их вариантов. Различаются орфографические, фонетические, фономорфологические, морфологические

варианты. К орфографическим вариантам (стойкие вариантные написания) относятся, например, поднарядье — поднаряде, церень — цыренъ — цренъ, клинчатый — клинчтый, лодья — лодя и др. К фонетическим и фономорфологическим — осяльдь — оследь, прядено — предено, провадка — проватка, затоплять — затоплеть, водолей — водолий, легченье — лехченье и др. К морфологическим — выбить — выбити, мерить — мерять и др.

Варианты даются каждый на своем алфавитном месте в виде отсылки к основному слову, там они помещаются в скобках рядом с заглавным словом. Например: Водолий. См. водолей.

Что касается грамматической характеристики слов, то исходной формой существительного является им. п. ед. ч. Исключения составляют существительные, для которых исходной формой является им. п. мн. ч. Вслед за опорной формой идет указание на род имени существительного. Исходная форма для глагола — форма инфинитива. Все глаголы сопровождаются постфиксом, указывающим на видовую принадлежность (сов. — несов.). В одной словарной статье объединяются глаголы совершенного и несовершенного вида, если они сохраняют одинаковое лексическое значение. Дополнительные грамматические сведения о слове даются за знаком после заголовочной статьи. К ним относятся вариантные формы словоизменительной парадигмы (ср. род. п. пудов и пуд) и т. д.

Отсутствующие в материалах исходные или опорные формы воссоздаются в том виде, который соответствует грамматической системе старорусского языка. В случае сомнения в правильности реконструкции приводится знак вопроса. Например: В поддержь (?). (Солян.). А в вариличных исадъх четыре варианты в двух вариантах церъны новые в двух вариантах в поддержь. Оп. им. С.-Прил. м. 1654; ДПРС (2), 6.

Неупотребительность или редкая употребительность какой-либо формы отмечается указанием на это (редко, не употр., обычно и т. д.). Например: Огнева (?). Обычно мн. ч. (Солян.). Поднимали варианту новую дал мастером и казаком от огнев и от дверей всего дано 40 алт. РК Тот. пр. 1582; ВХК, 21; Черецъ (?). Обычно мн. ч. (Желез.). Новили трои плужные железа и церцы дали денегъ 20 алт. РК Тот. пр. 1582; ВХК, 21.

В одной словарной статье объединяется разработка двух (и более) однокоренных разносуффиксальных имен существительных, совпадающих или очень близких по семантике (однокоренные синонимы). Они даются в заголовочной строке как равнозначные. Например: Дерево, деревцо, деревищко, с. *Изделие из дерева, деревянная часть какого-либо изделия. В ызбъ... свистец в дерсвс. Росп. им. Чуд. кулиги XVII в.; ГИМ. Ф. 450. № 40. Л. 5. Д с-р е в о, д е р е в ц о, д е р е в и ш к о х о м у т н о е, х о м у т и н о е, с е дъльное, ръпчатое, шадровое, иконное, образное — деревянная заготовка для изготовления хомутов, седел, ложек, черенков ножей, икон. Купил ... 24 дерева хомутинных да 5 холстов. РК С.-Прил. м. 1574; На лошки и на ножкове черенье дерева ръпчатого и шадрового на 15 рублей. Кн. пр.-расх. К.-Бел. м., 1605 (Н.); Дал Ивану Горонтьеву брату от иконных дерев полтину. РК С.-Прил. м. 1574; ВХК, 276; Продалъ деревцо седъльное без насти взять 3 алтыни. Пр.-расх. кн. К.-Бел. м. 1567 (Н.); Ему жъ Еремию*

дано разтерти шесть деревишек рѣбчатыхъ вытер четыре лошки. Тетр. зап. ложк. 1681; ГАЛО. Ф. 251. Оп. 1. Л. 4.

Для описания семантики слова Словарь использует укрепившееся в лексикографической практике деление лексико-семантических вариантов слова на значения (1, 2, 3...) и оттенки значения (//). Применяются те же приемы определения значения слова, что и в общефилологических исторических словарях, но чаще — описательное толкование с элементами энциклопедизма, иногда соотносительное или отсылочное определение. Например: *Скала, ж. Верхняя белая кора березы, идущая на внутреннюю сторону кровель, под тес* (Плот.). Ихъ государь пожаловал вслѣдъ имъ въ Милобудицахъ и на Словенкъ ... усъчи хоромного лѣсу и тесу утесати и скаль сняти. Гр. на Пошех. 1559; Арх. Стр. № 208; И лѣсь тешуть ... и скалы деруть. Гр. волог. Фед. Гор. 1661; ЛОИИ, Ф. 194. К. 9. № 56. *Шеломъ, м. Свернутая из железного листа трубка, снизу глухая, кверху остроконечная, употребляемая для углубления матицы в рассолоподъемной трубе* (Солян.). А станешь матицой на мѣлкой хрящѣ — шеломомъ желѣзнымъ и тюрики. Росп. Тот. пр. XVII в., 243. Стал на писку — тѣмъ же шеломомъ (там же, с. 242).

Значения отглагольных существительных и глаголов даются с помощью описательных и отсылочных определений. Например: *Варенье, с. Вываривание соли из соляного раствора* (Солян.). Приход деньгам в Тотемском промыслу от соли от варенья. Пр.-рас. кн. Тот. пр. 1598; ВХК, 22. *Воженье, с. Действие по глаголу возить* (Лесн., солян.). В Середнюю же варнице дровозову на 3 полувари от воженья дано полпята алт. (РК Тот. пр. 1590; ВХК, 84) *Окладывать, несов. Покрывать икону металлическим окладом* (Икон.). Дал серебрянику Денису полтину благовещенъе окладывал. РК С.-Прил. м. 1574; ВХК, 286. *Оковать, сов. Обить железом* (Желез.). Сковал кузнец Кипреян гребло желѣзное да у изъвары оковал уши. Кн. уч. С.-Прил. м.; ДПРС (I), 30.

В том случае, когда значение определяется гипотетически на основе использования данных современных северорусских говоров и профессиональных справочников, оно помещается в косых скобках.

В картотеке Словаря значительное количество устойчивых терминологических сочетаний, составных наименований, сочетаний слов с прямым номинативным свободным значением, выражавших единое целостное значение (слитные слова — по терминологии ак. Ф. Ф. Фортунатова).

Приводятся они в Словаре столько раз, сколько в них знаменательных слов. Помещаются в словарной статье после опорного слова. Если опорное слово общеизвестно и содержание обозначаемого им понятия то же, что и в современности, оно дается без толкования. После опорного слова приводится иллюстрация. Пишутся терминологические сочетания разрядкой, располагаются группами, в составе которых объединяются единым мотивационным признаком. Например: *Дрова; только мн. Дрова. А от кладки тех дров из реки в сажени казаком дано 16 алт. и 3 ден.* РК Тот. пр. 1590; ВХК, 75. *Дровы в лесные, новинные, чертежные (Лесн.). Дрова, заготовленные в лесу или на подсеке (новине, нертеже).* За рекою за Лоденгою ж усечено дров чертежных 33 сажени от сеченья дано по алтыну от сажени. РК Тот. пр. 1590; ВХК, 76. По отписке старца Антония от плавления от дров новинных что

рскою Пессью деньгою от достали Шарыге с товарищи дано рубль. Там же. С. 75. Покуп лесным дровам в Ысадах у варниц. Там же. С. 77. Д р о в а в е с-
н о д е л ь н ы е, с у т о ч н ы е, д в о е д е н н ы е. Д р о в а, нарубленные з
о п р е д е л е н н ы й п e риод в e р e м e n i я или в т e ч e n i e oднiх-двuх суток (Лесн.).
Отдано Окологородской волости крестьяномъ в веснодельные дрова по запи-
сямъ в семидесять сажень ПР. кн. Сольвыч. пр., 1678; Суворов, 12. Вкладчику
Тимофию платил под суточные дрова полтину по сутонные дрова дал Сер-
гию Ившукову пять алтынъ. РК Тот. пр. 1695; ДПВК, 68. Да у Меньшево
двоеденных у Долгово озера 600 возов дров по гривне от 10 возов итого дано
6 руб. Пр.-расх. кн. Унск. пр. 1597; ВХК, 188. Д р о в а п л a в e ж н ы e, п л a в-
н ы e, п л o t o в y e, т в o r i л y n y e. Д р o в a, д o с t a в l e n n y e в o d ч y l p u t e m
(плотами, творилами) — Лесн. и т. д.

Новинные. См. дрова.

Чертежные. См. дрова.

Веснодельные. См. Дрова и т. д.

В Словаре имеются две разновидности помет: 1) указание на отнесен-
ность слова к отдельным терминологическим системам (гонч. — гончарный
промысел, желеz. — железное (кузнечное) дело, икон. — иконопись, кож. —
кожевенный промысел, солян. — соляный промысел и др.), 2) сообщение о
локальной ограниченности термина, принадлежности его к письмснными
источникам отдельных культурно-исторических центров Северной Руси
(Арх. — Архангельск, Солов. — Соловецкий монастырь, Холм. — Холмогоры,
Чер. Воскр. — Череповецкий Воскресенский монастырь и др.).

Приведем в качестве образца одну из словарных статей. Мережа, ж.
Рыболовная сеть (Рыбол.). 70 мерсж и тагасов, дали 5 рублей 10 алтынъ безъ
деньги. РК К.-Бел. м., 1567 (Н.). И для того устюжане и дымковской слободы
жители рыболовы въ лодкахъ надъ Ѣзомъ въ тѣхъ плесахъ и ниже по Ѣзу
поъездами по все годы ... мережами своими плавью и иными всякими ловли
рыбы вылавливают. Акт. Уст., 1692, 94. // Сетное полотнище для изгото-
л e n i e крупных рыболовных орудий: невода, керевода и пр. Лотокъ рыбных и
мереж на неводы на 7 рублей. Смѣта дох. и расх. К.-Бел. м., 1601, л. 21 об.
+ Двин., Вол., Тот., Устюж. Т р e g u b i ч n a я м e r e j a. Рыболовная сеть
с ячейю трех размеров. 5 мереж трегубичных ветхихъ. Росп. сп. Бел. рыбн.
дв., 1673, л. 9. М e r e j a к r y l a ч y. Рыболовный снаряд из сети,
натянутой на обручи, с боковыми сетными полотнищами, крыльями. Мер-
ежа прозванием крылач с пудыши же желѣзными трицать восмь сажень.
Росп. сп. Белоз. и Бел. рыбн. дв., 1685, л. 29. М e r e j a r e d k a я, ч a s t a я.
Сеть с ячейю определенного размера. Мережа редкая на толстых тетивах
Усть-Суцкис рыбны ловли. Оп. Бел. рыбн. дв., 1683, л. 9 об. Даль мережу
частую белозерскую. Вкл. кн. К.-Бел. м., нач. XVIII в. М e r e j a б o t a л y-
n a я, т o r b a л y n a я. Сеть, в которую рыбу загоняют ударами по воде
особым шестом (боталом, торбалом). Да мережа ботальная. Кн. отп. Вор-
боз. м., нач. XVIII в. М e r e j a п o l ъ д e n n i ц a. Сеть, используемая при
подледном лове рыбы. Мережа вътха полъденница. Кн. отп. Ворбоз. м.,
1648, л. 34. М e r e j a o k u n e в a я, л e щ e в a я. Сеть, предназначенная
для ловли определенной рыбы. Да д мережи окунъвы. Кн. отп. Ворбоз. м.,
1648, л. 35. Да д мережы лѣщевые (там же). М e r e j a к e r e v o д n a я,

*м о р д я н а я, н е в о д н а я, о х а н н а я, п е р е м е т н а я. С е т н о е п о л о т н и щ е
д л я изг о т о в л е н и я к е р е в о д о в, м е р д, н е в о д а, о х а н а, п е р е м е т а. ...*

Крылач. См. мережа.

Полъденница. См. мережа и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеется несколько крупных монографических работ, посвященных исследованию лексики отдельных промыслов и ремесел старорусского языка: В а к у р о в В. Н. Производственная предметная лексика в русском языке XIV-XVI вв. КД. М., 1960; Б о г о р о д с к и й Б. Л. Русская судоходная терминология в историческом аспекте. ДД. Л., 1963; Щ е г л о в а Н. А. Терминологическая лексика оружейно-железоделательного производства XVII-XVIII вв. КД. М., 1964; З а к у п р а Ж. А. Номинация лиц по профессии в памятниках письменности русской народности XIV-XVI вв. (Строительное дело и ремесло). КД. Киев, 1973; С т а в ш и н а Н. А. Лексика соляного дела старорусского языка (На материале деловой письменности Спасо-Прилуцкого монастыря XVI-XVII вв.). КД. Вологда, 1985; А н д р е е в а Е. П. Формирование промысловой терминологии в старорусском языке. КД. Вологда, 1985; К а л у г и н В. В. Лексика переплетного дела XI-XVII вв. КД. М., 1987 и др.

2. Л а р и н Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (Х — середина XVIII в.). М., 1975.

В. А. Козырев, В. Д. Черняк

СЛОВАРЬ БРЯНСКИХ ГОВОРОВ И ЕГО ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Современная лингвистика характеризуется как расширением круга объектов изучения, так и изменением угла зрения на многие традиционные объекты лингвистики. В последние годы в разных областях лингвистической науки наблюдается активизация принципа антропоцентризма, усиление внимания к исследованию языковой способности человека, его речесмыслительной деятельности, к проблемам языковой картины мира, национального своеобразия языкового отображения действительности. Очевидна в этой связи особая роль диалектологических исследований, описаний различных народных говоров.

Реализация новых подходов к диалектному материалу диктует отказ от атомарного его изучения, предполагает разноаспектное изучение народных говоров. При этом на первый план выдвигается изучение лексического состава говоров.

Особое место принадлежит региональным словарям, доносящим до современного читателя сокровища духовной культуры народа, эксплицирующим его языковую память. Последнее особенно важно в наши дни, когда, к сожалению, определенные участки лексикона носителя русского языка (прежде всего те, которые связаны с народной культурой, русской природой, национальными обычаями, крестьянским трудом, традиционными ремеслами) предельно сужаются, ограничиваются нередко рамками базовых слов-

рей-минимумов, что с неизбежностью свидетельствует об изменениях в ритме мира, в национальном сознании.

А. Битов в прекрасном эссе «Битва» проницательно пишет о проигравших в языке процессах и великой культурной роли словарей: «Видов разнообразие живого стремительно тает, впереди этой трагедии отрастают слова, они погибают раньше. Сетовать ли на обеднение словаря или воспринимать его как предупреждение, следующее с опережением, а то и хладно констатирующее уже факт? [...] Словарь пахаря, охотника, плотника... Но есть еще и лес с деревьями, и луг с травами, встречается и лось, вся, от челки до хвоста, состоящая из забытых русских слов, ставших в лучшем случае «специальными». Что ж, мы не живем с лошадью, не живем в лесу [...] Слова исчезли из живого языка раньше, чем из жизни то, что они означали. Может быть, это заповедно? Нельзя стало рвать ладьи, запрещено торговать на птичьем рынке певчими птицами. Дети, которые стали еще ближе, чтобы не знать, как мы еще знаем, их имена. Заповедно — это неизвестное всем, сохраняемое знающими. Словари — сласть заповедания».

Симптомы тревожного оскудения словаря современого молодого горожанина обнаружены нами в серии экспериментальных работ, проведенных в студенческой аудитории в Российском государственном педагогическом университете имени А. И. Герцена. То, что многие студенты 1-2-х курсов не понимают значений таких слов, как баштан, буланы, бумазея, бурт, большак, бондарный, борона, бороновать, бортник, братина, валек, валуй, вальцовать, варенец, кадь, казан, лемех, лошина, лубяной, малага, наледь, поветь, повойник, ровница, светец, табанить, тирань, чаботарь и многих других, свидетельствует о том, что многие стороны народной жизни, отраженные в фольклоре, в художественной литературе, не будут адекватно восприняты современным читателем, будущим учителем. Становится очевидным, что студенческие фольклорные и диалектологические экспедиции, через которые раньше проходили все студенты-филологи, не только давали элементарные навыки полевой работы, приобщали к словарному делу, но и соединяли в лексиконе лингвокультурные представления горожанина и сельского жителя.

Все сказанное делает особенно очевидной уникальную значимость региональных картотек и словарей, в числе которых свое особое место занимают картотека брянской лексики и фразеологии, хранящаяся в РГПУ им. А. И. Герцена, собиравшаяся на протяжении 40 лет проф. В. И. Чагищевой, ее учениками и последователями, и создаваемый на ее основе Словарь брянских говоров.

В 1951 г. В. И. Чагищева возглавила первую диалектологическую экспедицию на Брянщину с целью сбора материалов для Диалектологического атласа русского языка. Эта работа велась кафедрой русского языка ЛГПИ им. А. И. Герцена в течение 1951-1953 гг. В 1956 г. на V диалектологическом совещании В. И. Чагищева выступила с предложением профессора Н. П. Гринковой продолжить экспедиционное обследование Брянской области для последующей работы над региональным словарем. Инициатива была поддержана, и с 1957 г. под руководством и при непосредственном участии

В. И. Чагишевой начинается целенаправленное изучение лексического состава брянских говоров и подготовка словаря, проект которого В. И. Чагишева представила в 1960 г. на первой Псковской диалектологической конференции.

В ходе работы над словарем было проведено около 40 диалектологических экспедиций, создана уникальная картотека Словаря брянских говоров (СБГ) общим объемом в миллион карточек-цитат, которая является одним из наиболее крупных в стране картотечных собраний диалектной лексики и единственным — по юго-западному массиву русских народных говоров. Картотечное собрание брянской лексики и фразеологии является надежной основой для всестороннего и углубленного изучения русской народной речи обширного диалектного региона в ее истории и современном состоянии.

Основные результаты почти сорокалетнего труда проблемной группы представлены в сборниках научных статей [1-7] и в пяти выпусках «Словаря брянских говоров» [8].

Комплексное изучение лексического состава брянских говоров, начатое В. И. Чагишевой и продолженное ее учениками и коллегами, представлено несколькими взаимообусловленными исследовательскими аспектами. Изучение лексической и грамматической семантики велось параллельно с решением сложных задач лексикографического описания словарного состава брянских говоров. Необходимость выработки и совершенствования принципов адекватного отражения семантики слова в региональном словаре полного типа оказалось стимулом для лексикологических и лексико-грамматических исследований в синхронии и диахронии. И напротив, изучение содержательной стороны диалектного слова предполагало формулировку ряда лексикографических рекомендаций, что и определило единство и комплексность исследований.

Лексикографический аспект предусматривает создание СБГ, углубление принципов его составления как регионального словаря полного типа, определение его места в кругу словарей исторического цикла. Изначальная установка составителей на создание словаря полного типа, т. е. описывающего всю лексику диалекта, определила необходимость решения сложных вопросов, связанных с соотношением диалектного и общенародного слова с проблемой тождества слова, с выделением и описанием отдельных единиц семантического объема диалектного слова.

К настоящему времени всесторонне охарактеризовано лексикографическими средствами более 8 тысяч слов (в алфавитном отрезке А-Ж), бытующих в живом употреблении носителей брянских говоров, в СБГ с максимальной полнотой сконцентрирована лексика обширного региона русской диалектной территории в русско-белорусско-украинском пограничье, что делает СБГ существенным источником изучения истории восточнославянских языков и народов. Как полный диалектный словарь, в котором представлено целостное описание лексического состава брянских говоров, СБГ является надежной языковой базой современной диалектной лексикологии, обеспечивая системный подход к изучению народной речи.

Опора в лексикосистемных исследованиях на материалы СБГ убедительно показала достоинства словаря полного типа, позволяющего отразить все

многообразие связей и отношений в диалектной лексике, дающего исследователям богатый материал для сопоставительного изучения лексических систем и микросистем литературного языка и говоров. Сегодня, спустя почти двадцать лет со времени выхода первого выпуска СБГ, нельзя не учитывать и те объективные трудности, которые ставит перед лексикографами столь объемное и долговременное предприятие, как составление регионального словаря полного типа.

Диахронический аспект СБГ органично связывает его с системой словарей исторического цикла и позволяет привлекать его материалы для решения ряда вопросов исторической лексикологии и лексикографии, этимологии, ономастики и топонимии, лингвогеографии. Исторический аспект связан с выявлением в словарном составе брянских говоров праславянской и древнерусской лексики и с отработкой методики семантической реконструкции (на праславянском этапе и в древнерусский период). Конкретное воплощение отмеченных направлений исследования представляют указанные выше сборники. Так, например, при решении сложнейшего вопроса о разграничении полисемии и омонимии в синхронном плане нельзя не учитывать специфику диалектного словаря исторического цикла. Что более существенно в диалектном словаре: выявить и показать в полисемантической структуре генетическую связь между значениями или констатировать в омонимии «разрыв семантической цепи»? Что является более информативным для читателя-специалиста: разведение на омонимы (обоснованное с позиции сугубо синхронного подхода) таких, например, слов, как горюха «зажженная лампа, лампада» и горюха «одинокая несчастная женщина», или разработка их в качестве одного полисемантического слова, указывающая на наличие в семантике исторической преемственности значений? Совершенно очевидна необходимость усиления внимания к этимологическому критерию (разумеется, в его оптимальном для диалектного словаря сочетании с семантическим критерием). Слитную или раздельную подачу тех или иных значений можно считать техническими «подробностями» словарной работы. Однако не менее верно и другое: этими «деталями» определяется уровень диалектного словаря (и диалектной лексикографии — в целом), а значит, в конечном итоге, и уровень диалектной лексикологии как особой лингвистической дисциплины.

Изучение словарного состава брянских говоров в лексикосистемном аспекте продемонстрировало несомненную приложимость современных методик исследования лексики к диалектному материалу. В комплексе работ были выявлены разные типы семантических сближений слов в брянских говорах, описаны способы отражения этих связей в диалектном словаре; исследована семантическая структура диалектного слова и структура его отдельного значения с особым вниманием к коннотативным компонентам; установлена типология вариантов слов в брянских говорах, разработаны принципы их лексикографического описания и мн. др.

Учет различия языкового сознания носителей литературного языка и диалекта предполагает уточнение лингвистических параметров словаря, то есть отражения в нем лексической системы языка. Соотношение между основными категориями лексикологии и теорией лексикографии выглядит достаточно сложно, и их простой перенос в теорию лексикографии не может

овхватить всей ее специфики. Практикой установлено, что в лексикографии речь идет не о простом использовании некоторых достижений лексикологии. Данные лексикологии, семасиологии и т. д. в лексикографии нуждаются в углубленном теоретическом осмысливании. Так, например, формальные различия семантически тождественных лексических единиц, понимаемые традиционно как лексические (словообразовательные) дублеты, варианты слов, однокоренные синонимы и т. д., нуждаются на материале диалектной речи в уточнениях лексикографического характера. В то же время современные достижения лексикологической науки позволяют по-новому осмыслить семантику диалектного слова. Так, исследования брянских говоров подтвердили широкое действие моделей регулярной многозначности в диалектных лексических системах. При этом полисемия в говорах имеет более широкий характер, что связано с отсутствием сдерживания закономерностей семантического развития кодифицированной нормой.

Перспективным для осмысливания национальной языковой картины мира является исследование лексико-семантических полей, демонстрирующих своеобразное языковое членение действительности (см. исследование семантического поля «погода» в названных сборниках), изучение экспрессивности и образности диалектного слова.

В многоаспектном описании слова следует учитывать соотношение (взаимообусловленность) контекста толкования и контекста употребления диалектного слова. Весьма существенным становится набор разных типов контекстов, сохраняющих коммуникативно-модальные особенности речи носителя говора и тем самым воплощающих семантический и этнокультурный потенциал диалектного слова.

Лексико-грамматический аспект изучения диалектной лексической системы предполагает исследование взаимодействия лексических и грамматических значений слов, лексико-грамматических разрядов. Весьма перспективным, в частности, оказалось использование метода функционального анализа, предполагающего исследование разноуровневых языковых единиц, входящих в функционально-семантические поля. Функционально-семантические поля и их типовые речевые реализации — категориальные ситуации — позволяют проанализировать тончайшие нюансы системной организации диалектной лексики, определить важнейшие особенности лексико-грамматического взаимодействия при выражении тех или иных речевых смыслов.

Таким образом, богатейший информативный потенциал Словаря брянских говоров создает надежную основу для разноаспектных исследований, составляющих как собственный предмет региональной лексикологии и лексикографии, так и выводящих в иные, более общие проблемы русистики.

Несомненная социальная ценность проводимых исследований, вписывавшихся в круг работ, воссоздающих историю языка в непрерывной связи с историей народа, историей его духовной и материальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брянские говоры: Материалы исследования по диалектологии. Л., 1968.
2. Брянские говоры: Вып. 2. Л., 1971.
3. Брянские говоры: Вып. 3. Л., 1975.
4. Брянские говоры: Вып. 4. Л., 1978.
5. Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. Л., 1985.
6. Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1985.
7. Диалектное слово в лексикосистемном аспекте. Л., 1989.
8. Словарь брянских говоров: Вып. 1-5 / Под ред. В. И. Чагишевой (1-3) и В. А. Козырева (2-5). Л., 1976-1987.

III. ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА И ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ

Т. В. Бахвалова

СЛОВА ЛЯДА, ЛЯДИНА В ОРЛОВСКИХ ГОВОРАХ

Существительные *ляда*, *лядина*, широко известные в народных говорах, не раз привлекали вниманиеialectологов, исследователей истории русского языка и географической терминологии [6, 9, 7].

Материалы картотеки Словаря орловских говоров, хранящиеся на кафедре русского языка Орловского педагогического института, позволяют дополнить, уточнить имеющиеся сведения о развитии семантической структуры этих слов и их распространенности в говорах.

Известно, что «первоначальные значения слов *ляда*, *лядина* ... в русском языке связаны с древнейшим видом земледелия — подсечным или лядинным» [6, с. 176].

Если на территории Северо-Западной Руси существительное *лядина* употреблялось как термин подсечно-огневого земледелия даже в XVII веке [9, с. 15], то в памятниках южновеликорусского наречия XVII века, а именно в Отказных книгах [5], это слово вообще не встречается, хотя здесь дается описание земельных угодий и представлена богатая географическая номенклатура [2, с. 39]. Не попало оно в поле зрения С. И. Коткова, детально исследовавшего лексику южновеликорусской письменности XVI-XVIII веков [3, с. 297-316].

Отсутствие в данных памятниках существительного *лядина* как термина подсечно-огневого земледелия, по всей видимости, объясняется тем, что уже в конце I тысячелетия на территории Орловщины отмечается распространение пашенного земледелия. «В XI-XII вв. пашение земледелие было основным занятием большинства населения Орловского края» [4, с. 24-36].

Наиболее близким значением к своему первоначальному, связанному с терминологией земледелия, является значение, отмеченное на северо-западе Орловской области, в Сверловском районе, где это слово известно в

значении 'непаханая земля, целина' — *Капать нивазможна: настаяцая лядина*.

Как термины земледелия «слова ляда, лядина в языке великорусской народности исследователи связывают с терминологией Северо-Западной Руси» [1, с. 27], именно здесь эти слова дольше всего сохраняют свои исходные значения [9, с. 18].

Со временем существительные ляда, лядина из земледельческих терминов переходят в разряд чисто географических [7, с. 139]. Наиболее активным был такой семантический переход в говорах Восточной зоны и среднерусских [9, с. 18].

В южнорусских орловских говорах таким первичным «чисто географическим» значением явилось, очевидно, следующее — 'низкос сырое место'. Интересно, что указанные существительные с данным значением зафиксированы не на всей территории Орловщины, а преимущественно в ее восточной части. Именно это значение было положено в основу образования топонима: *Ляда — низкъя места, сырая, сичас высьхла. На этъм месте пасёлк Ляда* (Малоархангельский р-н).

Несколько западнее очерченного ареала слова лядина, лядинка в местных говорах известны в значении 'луг, лесная поляна' — *Нъ лядине стаят стага сена или саломы* (Глазуновский р-н); *На праздниki раньши хадили у лес гулять, найдём какую-нибудь лядинку и висилимся да вечира* (Кромской р-н). Это значение является как бы переходным от западного 'целина' к восточному 'низкое сырое место'.

Первичность значения 'низкое сырое место' в восточных орловских говорах подтверждается и дальнейшим развитием семантической структуры слова, где довольно явно прослеживается семантическая зависимость и 'вытекаемость' одного значения из другого: 'заболоченный в некоторых местах луг' — *Пайдунычи пъкашусь на ляде, больна там трава хъраша* (Малоархангельский р-н); 'размокшая от воды земля, жидкая грязь на дороге, у колодца и т. п.' — *Осинью и висной плоха у нас: на дорогъх ляды многа* (Покровский р-н); 'глубокая выбоина, ухаб, рытвина на дороге' — *Дорога плахая была, ляды сплашныи* (Должанский р-н); 'находящаяся ниже уровня земли часть погреба, яма для погреба' — *Попирву ляду выръши, ну а уши над ней пъгрибок пристраиваши* (Кромский р-н); 'лаз, ход в погреб, на чердак и т. п.' — *Зъкалати ляду на зиму, а то снегъм насыпить* (Орловский р-н); 'дверца, закрывающая вход в погреб, на чердак и т. п.' — *Закрой погреп лядай* (Малоархангельский р-н), *Погреп закрыли лядай* (Покровский р-н).

Значение 'дверца, закрывающая вход в погреб' зафиксировано в тех же самых говорах, где данное слово известно и как географический термин. Наличие вполне логичного метонимического переноса 'вход, лаз в погреб' — 'дверца, закрывающая вход в погреб', а главное — территориальное совпадение этих значений позволяет говорить об их полисемии, а не омонимии, как это принято в большинстве исследований. Так, Н. И. Толстой пишет, что слово ляда 'дверь на чердак', 'лаз в подполье', 'прилавок в магазине', 'ставни', справедливо считается заимствованным из немецкого *Laden* 'лавка', 'торговая лавка', 'ставень', *Lade* 'ларь, сундук, ящик' [7, с. 141].

Если признать эту точку зрения, то возникает вопрос, почему же слово *ляда* в данном значении распространено так широко прежде всего в южно-русских восточных (а не западных!) говорах — донских, воронежских, ростовских, кубанских, краснодарских, ставропольских, а также курских, брянских [11, с. 262] и восточных орловских.

Такая локализованность ареала не является ли отражением связи с более ранним значением слова *ляда* на этой территории, а именно географическим термином 'низкое сырое место'?

Как справедливо отмечает Ф. П. Филин, «древнейшее славянское слово *ляда*, *лядина* имеет в русских говорах десятки значений. Совокупности этих разнообразных значений нет и никогда не было ни в одной микросистеме, она представлена только в словаре. Однако никто не сомневается в том, что разбросанные по разным говорам значения генетически связаны друг с другом, отражают собою разные этапы развития русского языка...» [8, с. 350].

Следует отметить, что каковым бы ни было происхождение значения 'дверца, закрывающая вход в погреб' — результатом омонимии славянского по происхождению *ляда* как земледельческого, а позднее географического термина и германизма *Laden* «лавка» или результатом длительного развития семантической структуры слова *ляда* как географического термина, в современных говорах при наличии промежуточных звеньев в семантической структуре значения данного слова 'низкое сырое место' и 'дверца, закрывающая вход в погреб' находятся в отношениях семантической связности. Таким образом, здесь имеет место полисемия, а не омонимия. Такая точка зрения на семантическую структуру слова *ляда* нашла свое отражение в Словаре орловских говоров [10, с. 94-95].

Наличие в семантической структуре слова *ляда* значения 'размякшая от воды земля, жидкая грязь' послужило основой появления у данного слова, а также у очень близкого с ним по семантической структуре слова *лядина* оценочных значений: существительное *лядина* стало использоваться как характеристика полного, неповоротливого, медлительного человека — *Лядина — талстушка нипъвортливая* (Покровский р-н), а слово *ляда* зафиксировано в местных говорах и как характеристика ленивого человека — *Он у нас ляда: ничиво изделѣть ни заставиш* (Свердловский р-н).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Борисова Е. Н. Лексика смоленского края по памятникам письменности. Смоленск 1974.
2. Ващенко Т. Ф. К изучению отказных книг // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982.
3. Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI-XVIII веков. М., 1970.
4. Очерки истории Орловского края. Орел, 1968.
5. Памятники южнорусского наречия. Отказные книги. М., 1977.
6. Порохова О. Г. Слова *ляда*, *лядина* и *нива* в русских народных говорах // Лексикон русских народных говоров. М.; Л., 1966.
7. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. М., 1968.
8. Филин Ф. П. Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии / Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1973.

9. Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975.
10. Словарь орловских говоров. Вып. 6. Орел, 1994.
11. Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Л., 1981.

Л. Ю. Зорина

К ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЛЕКСИКИ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ

С именем профессора Ю. И. Чайкиной связан определенный этап лингвогеографического изучения лексики говоров Вологодской области [1, 2]. Тем не менее одно интересное начинание — Лексический атлас Вологодской области — не получило пока должного освещения. Однако определенная работа в этом направлении уже была проделана.

В 1981 году на кафедре русского языка Вологодского педагогического института была разработана «Анкета по диалектной лексике Вологодской области» [3]. Ю. И. Чайкина, инициатор и основной исполнитель работы, привлекла к составлению программы нескольких членов кафедры, в том числе и автора этих заметок.

Подготовленная анкета состояла из трех частей: часть I строилась от понятия к слову — 74 вопроса; части II и III — от слова к значению — соответственно 52 и 8 вопросов. Предполагалось, что задуманное исследование даст возможность решить определенные вопросы региональной лексикологии русского языка и заселения Вологодского края.

Около 300 экземпляров «Анкеты» было разослано учителям русского языка, студентам-заочникам и краеведам в разные районы Вологодской области, но преимущественно в зону распространения говоров Вологодской группы севернорусского наречия. Полученные ответы в основном подтвердили правильность избранного пути: они определенно иллюстрировали наличие ареалов конкретных слов и отдельных значений.

Так, было установлено, например, что понятие 'белый гриб' имеет в вологодских говорах следующие названия: *белый гриб, боровик, дорогой гриб, дорогуша, господский гриб, короватик, коровка, коровушка, коровяк, пан*. А понятие 'ряженые на святках' именуется лексемами *гуляши, выряженки, выряжухи, куляши, кудеса, кулеса, наряжёнки, наряжухи, сдబлённые*.

Работа над Лексическим атласом Вологодской области была доведена до стадии составления пробных карт. Автором этих заметок, например, были составлены карты «Названия белого гриба», «Названия гриба-масленка», «Названия мелкого дождя», «Названия муравья» и некоторые другие.

Однако по целому ряду причин (произошла определенная перестановка сил в коллективе исполнителей, появились новые, приоритетные задачи и т. д.) исследование не было доведено до логического конца. Но собранные

вполне добродетельные материалы хранятся в настоящее время в архиве кафедры русского языка ВГПИ и ждут — будем надеяться! — своего часа.

Тем не менее исследование в указанном направлении, т. е. изучение говоров Вологодской области в лингвогеографическом аспекте, продолжается. С 1989 года началась интенсивная подготовительная работа по созданию Лексического атласа русских народных говоров [4]. Силы диалектологов ВГПИ были подключены к участию в этой большой научной теме. Вологодский пединститут ведет обследование лексики 16 районов Вологодской области: Бабушкинского, Велико-Устюгского, Верховажского, Вологодского, Грязовецкого, Кирилловского, Кич-Городецкого, Междуреченского, Никольского, Нюксенского, Сокольского, Сямженского, Тарногского, Тотемского, Усть-Кубенского и Харовского. Лексика остальных 10 районов области обследуется Череповецким пединститутом.

К настоящему времени закончено обследование говоров 16 районов по теме «Природа» [5]; ведется изучение говоров по теме «Традиционная народная духовная культура» [6]; летом 1994 года состоялись пробные экспедиции, обследовавшие говоры Бабушкинского, Сямженского и Тотемского районов по теме «Одежда. Обувь. Украшения» [7].

В разработке этой научной темы активно участвуют преподаватели кафедры русского языка доценты Т. Г. Паникаровская, Е. П. Андреева, Л. М. Кознева, старший преподаватель Г. А. Дружинина. Включаются в исследование молодые преподаватели Г. Ю. Козлова, О. И. Новоселова, аспиранты Т. Г. Орлова, А. А. Баландина, Е. Н. Шаброва. Обследование лексики говоров по программам ЛА РНГ ведется параллельно с составлением Словаря вологодских говоров, что, несомненно, взаимообогащает эти два аспекта исследования, но и делает работу крайне напряженной.

Ежегодно — даже при самом сложном финансовом положении — организуются научные экспедиции, проводится диалектологическая практика. Эти виды работы всемерно поддерживает руководство института в лице его ректора профессора А. П. Лещукова и проректора по научной работе профессора М. А. Безнина. Большую финансовую поддержку диалектологам оказывает также Управление культуры Администрации Вологодской области и его начальник В. В. Кудрявцев.

Экспедиции, диалектологическая практика имеют целью сбор материала в полевых условиях. Однако иногда работу целой научной экспедиции выполняют студенты, индивидуально работающие по программам ЛА РНГ и описывающие лексику родного говора. Так, особенно тщательно собраны и оформлены материалы по лексике природы в говорах Никольского района студентками Татьяной Обрядиной и Ольгой Комягиной, обследован речевой этикет Кирилловского района Натальей Пахарьковой, лексика одежды в говоре Бабушкинского района Галиной Секущиной и т. д.

Интенсивный сбор материала для ЛА РНГ ведется в рамках спецсеминара (руководитель — доцент Л. Ю. Зорина), в связи с написанием курсовых работ (руководители — Г. А. Дружинина и Л. Ю. Зорина). Систематически производится выборка материалов из картотеки Словаря вологодских говоров (руководитель — Т. Г. Паникаровская). Лексические данные оформляются в связи с известными установками [4], кроме того, обрабатываются

студентами-практикантами на компьютере (руководитель — Л. Ю. Зорина). Ежегодно различными формами работы по ЛА РНГ заняты 30-40 студентов филологического факультета.

Преподаватели ВГПИ Е. П. Андреева и Л. Ю. Зорина участвовали в разработке программ ЛА РНГ (темы «Лексика рыболовства» и «Лексика пищи» соответственно).

С учетом специфики вологодского региона как зоны молочного животноводства, а также принимая во внимание уже имеющийся опыт изучения лексики молочных продуктов, предлагаем фрагмент программы, используемой с 1989 года.

Вопросник для сбора лексики по теме «Названия молочных продуктов в говорах Вологодской области»

Составитель — доцент Л. Ю. Зорина

К. Н. Молоко парное: *парнѣе молоко, преснѣе молоко...*

К. Н. Молоко свежее, но уже остывшее: *прѣснѣе молоко, пряснѣе молоко, холоднѣе молоко...*

Ч. О. Пряное молоко?

К. Н. Молоко, начавшее закисать: *кіслое молоко, недокіслое молоко, фмзглое, омозглое, мѣзглое, прокислое, промозглое, промызглое молоко, ссѣдлое молоко...*

К. Н. Кипятить молоко: *варѣть, парить, прѣжжть, топить, томить...*

К. Н. Створожиться при кипячении (про несвежее молоко): *ссежаться, ссажаться, свернуться...*

К. Н. Первое после отела молоко: *сырь, молозье, молозево, молбизиво, молбизно, молозьево, сирѣй, сырое молоко...*

К. Н. Запеченные в печи молозиво: *яйсенка, хлѣб, пирог, яисница...*

К. Н. Молоко по времени удоя:

утром: *утрениное, утрешинее...*

днем: *деннѣе, серѣдній уѣдѣй, обедешнное молоко...*

вечером: *вечѣрнее, вечоришное, вечоришнее...*

К. Н. Топленое молоко: *жареное молоко, печёное молоко, топник, тушиное молоко...*

К. Н. Пленка, которая появляется на молоке в процессе его топления в печи: *бородка, пѣнка...*

К. Н. Топленое заквашенное сметаной молоко: *кадное молоко, рѣженка...*

К. Н. Сливки: *верхи, вершечек, вершечки, вершок, жирки, сливок, снимок, сустбек, устбек, устой, устойка, чистый устой...*

К. Н. Молоко, с которого сняты сливки: *снятое молоко, бритуха, обратка, подснятое молоко...*

К. Н. Сметана: *вѣрх, отстбек, сбѣрка, сгустки, сбивки...*

К. Н. Простокваша: *молодое молоко, пролокваша, простокваша, простокваша, телячье молоко, кіслое молоко, кадня, кадное молоко...*

Ч. О. *Кадное молоко?*

К. Н. Сыворотка: *сырватка, сырватка, сырватка, козейн...*

К. Н. Творог: *тварог, глыбка, глыбки, глыбякъ, глызы, грудка, грудки, грудок, груды, гушница, гуща, зднейтка, кабышка, кирочки, кокбреки, кокошина, комки, кромки, куски, кучки, мёшаное молоко, сгнётёное молоко, сыр, чечули, чечульки, отогре(ё)ванное молоко, кислое молоко, второй устой...*

К. Н. Творог, заготовленный под гнетом впрок: *кислая гуща, кислое молоко, кадное молоко, кислый творог, сыр...*

Ч. О. *Кислое молоко*: скишшее молоко? простокваша? творог, заготовленный впрок?

К. Н. Пирог с творогом: *молочник, гушница, кромошник, сырник, творожник...*

К. Н. Нетопленое сливочное масло домашнего приготовления: *колобок, мёшанец, пахтус, пахтусович (шутл.?), сбойка, свежее масло, смёс...*

Ч. О. *Мёшанец*: сливочное масло? что-то иное?

К. Н. Жидкость, остающаяся при сбивании масла: *одёнки, опахтанье, пахта, пахтус, пахтанье, подпахтанье, подсмётанье...*

К. Н. Жидкость, остающаяся при топлении масла: *одёнки, отстоеек, поденье, подденье, пахтус, пенки...*

Ч. О. *Пахтус?*

К. Н. Изготавлять масло: *мешать, пахтать, наскручивать, катать, скручивать...*

К. Н. Сосуд, в котором топят в печи масло: *топник, носоватик, кашник...*

К. Н. Предмет, которым сбивают масло: *мутовка, мутолка, пахталка...*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 3-187.
2. Чайкина Ю. И., Зорина Л. Ю., Парменова Т. В. Об изучении лексики вологодских говоров методом картографирования // Лингвостноеография. Л., 1983. С. 137-149.
3. Алкета по диалектной лексике Вологодской области. Вологда, 1981. С. 1-11.
4. Попов И. А. О работе над Лексическим атласом русских народных говоров на современном этапе // Координационное диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров — 93». СПб., 1993. С. 6-8.
5. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Лексика природы. М.; Л., 1989.
6. Программа-вопросник собирания сведений для региональных словарей и атласов. Традиционная народная духовная культура. Л.; Сыктывкар, 1990.
7. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. 18. Одежда, обувь, головные уборы, рукавицы, украшения. СПб., 1992.

О. Н. Мораховская

О НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЯХ ЧЕРДАКА В 'ССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

I

1. Для обозначения пространства между потолком и крышей крестьянского дома* в подавляющем большинстве русских говоров служат специальные слова. Их список довольно велик. Многие слова имеют легко вычленяемые корневую систему и аффиксальные элементы. Таковы *накат*, *подволока*, *понебье*, *вышка*, *верх* (*верёх*), *гора*, *горище*, *сушило*, группа слов с корнем *-изб-*.

На карте 9 «Диалектологического атласа русского языка» (вып. III, раздел «Лексика»)* большинство этих слов локализовано в пределах северного наречия и среднерусских говоров, где они образуют весьма сложную картину взаимопереплетения ареалов.

Самым распространенным в этом значении является слово *потолок*. Оно типично для всего юга, исключая только Смоленщину, районы на юге Белгородской обл., примыкающие к Украине, где отмечены *горище*, *истобок* и *верх*, и частично Западной Брянщины, где незначительно распространены *верх*, *чердак*, *гора* и *горище*, а преобладает предложное сочетание *на хате*. Слово *потолок* распространено в отделе А восточных среднерусских акающих говоров, в Калининской подгруппе и западной половине Владимирско-Поволжской группы, оно характерно для большинства межзональных белозерско-бежецких говоров северного наречия, а также для Поволжья, верховьев Юга и Сухоны.

Другое весьма распространенное слово — *чердак*. Изоглосса наиболее крупных и компактных ареалов этого слова выделяет широкий северо-запад, включая почти всю Западную группу южного наречия, Верхне-Днепровскую и Верхне-Сынинскую группы, Тульскую группу межзональных говоров типа Б южного наречия, отделы А и Б восточных среднерусских акающих говоров, далее Владимирско-Поволжскую группу среднерусских окающих говоров, западную часть Костромской группы и запад и север Вологодской группы северного наречия. На остальной территории оно отмечено небольшими ареалами, но известно это слово повсеместно — как название пространства между потолком и крышей домов городского типа.

2. Несколько названий объединены семой 'верх', это слова *вышка*, *верх* / *верёх*, *гора*, *горище*, также *понебье*.

* В печати. В данной статье используются лингвогеографические данные, словарные материалы не привлекаются.

Слово *вышка* локализовано в пределах Белозерской и некоторых западных районов Вологодской группы, а также в онежских, лачских и северной половине белозерско-бежецких межзональных говоров северного наречия. При существовании со словом *чердак* здесь часто отмечают различия в устройстве обозначаемых ими реалий: *чердак* — помещение с окном, пригодное для летнего проживания в отличие от *вышки* — нежилого пространства, куда складывают (ненужные) вещи. В Словаре русского языка XI-XVII вв. в качестве первых значений для слова *вышка* указаны 'комната в верхней части дома' и 'чердак' (второе значение — 'строение или высокое место для несения сторожевой службы').

Для слова *верх* наиболее значительные ареалы отмечены в *пределах Костромской группы северного наречия в бассейне р. Унжи и мелкие ареалы к западу от нее*. Это же слово (часто в варианте *верёх*) спорадически встречается в северо-западной зоне, чаще в сосуществовании со словом *чердак* (без каких-либо указаний на дифференциацию по значению). В СлРЯ XI-XVII вв. оно не приводится в интересующем нас значении, но отмечено в значениях 'потолок' и 'крыша'**.

Отмеченное в небольших ареалах и в единичных населенных пунктах по границам с Украиной и Беларусью слово *гора* в СлРЯ XI-XVII вв. в интересующем нас значении не отмечено, слово *горище* вообще не нашло там отражения.

Слово *понебе* локализовано в двух небольших ареалах — в верховьях рек Унжи и Ветлуги. Оно связано с конкретным значением слова *небо* 'свод, сводчатый навес' (СлРЯ XI–XVII вв.) и является как бы указанием на археический тип потолка [1]. Известны были слова *понебина* 'бревно, горизонтальный брус' (там же, 1686) и *понебити* 'покрыть сводом, снабдить сводчатой кровлей, навесом' (там же, XVI в 1466), отсюда и *понебе* (в СлРЯ XI–XVII вв. не отмечено).

О словах с корнем *-изб-* и связанных с этим корнем, в том числе и в значении 'пространство между потолком и крышей жилого дома', уже была опубликована статья [4]. Большинство других названий представляет метонимический перенос названия потолка на все пространство между потолком и крышей.

В современных русских говорах в качестве названия потолка, по данным составленных мною карт Общеславянского лингвистического атласа (по ответам на вопросы L977 'деревянный потолок' и L978 'штукатуренный потолок'), на всей территории распространено слово *потолок*, лишь в единичных случаях у границ Беларуси и Украины отмечено *столъ / столя*.

Этимологи выдвигают разные гипотезы о происхождении слова *потолок*. Например, Преображенский и Фасмер выделяют в нем корень *-тъл-*, причем Преображенский дает развернутое толкование, как именно следует понимать такое образование: «*тло по тлу*», т. е. «*пол над полом*», «*в полном*

* Анализ значений слова *верх* в древнерусском и старорусском языках см. в статьях В. Л. Виноградовой и Г. А. Богатовой в сб. [2].

соответствии с размером». По мнению других, слово *потолок* связано с глаголом *толочить* или *толокти* 'топтать', 'мять', также 'сровнять', 'выровнять' [3].

Слово *потолок* в русских говорах в значении 'потолок', поданным карты ОЛА, не имеет никаких вариантов звуковой формы. В значении 'чердак', кроме *потолок* — пр. п. *на потолке*, отмечено еще *потолок* — *на потолоке*, *потолока* ж. р., *на потолоке* (м. или ж. р.?) и *потолок* — *на потолке*.

Ж. Леписье, присоединившись к предложенной Далем и поддержанной Миклошичем гипотезе об отглагольном происхождении слова *потолок*, обосновывает эту точку зрения рассмотрением различных слообразовательных моделей, по которым могло или не могло образоваться это слово. Он обращает внимание на самый процесс устройства потолка, при котором на доски или бревна, прибиваемые поверх матицы, накладывается сначала слой мокрой глины, затем — сухих листьев, мха и т. п., а поверх всего еще и земли [1]. Он приводит в качестве аргументов и другие варианты слова *потолок*, рассматривая его при этом как слово с полногласием в корне. В свете его рассуждений представляется небезынтересным распределение этих вариантов на картографированной территории. Вариант *потолок* — *на потолке* характерен для всего юга. В северном наречии преобладает (при наличии в ответе обеих форм) вариант *потолок* — *на потолоке*. Формы *потолок* и / или *на потолке*, не образуя ареалов, встречаются в западной зоне в пределах Смоленской, Псковской, Ленинградской и Новгородской областей. Форма *потолока* (ж. р.) отмечена в немногих ответах, тогда как форма *на потолоке*, не позволяющая определить род существительного, спорадически встречается в псковских и новгородских, в восточной части Вологодской группы северного наречия. Варианты мужского и женского рода отмечены в письменности с XVI в.: ... *на верхней потолоке* (СлРЯ XI-XVII вв., 1588); ... *ис потолока* исходит (там же, XVII в. 1651); ... *потолоку* избному ... *на мя упости...* (там же, 1654). Глагол: ... *потолокъ потолочили* (там же, 1686). Как видим, беглого гласного в слоге перед окончанием существительного тогда не наблюдалось.

Варианты слова с корнем *-волов-* тоже очень неравномерно локализованы. *Подволовка* тяготеет к северо-востоку, где отмечено несколько небольших ареалов (в Вологодской группе) и к северо-западной зоне, где слово спорадически встречается, не образуя ареалов (в тех же говорах или поблизости известна форма *на потолоке*). Варианты мужского рода *подволовок* и чаще *подволовка* распространены главным образом в селигеро-торжковских и в восточной части новгородских говоров; на остальной территории только небольшой ареал около п. Вожеги и в единичных населенных пунктах. Наибольшее распространение имеет вариант *подволовка*: отмечены значительные ареалы в Вологодской и Костромской группах северного наречия, во Владимирско-Поволжской группе и Горьковской подгруппе среднерусских окающих говоров. В СлРЯ XI-XVII вв. приводятся разные значения слова *подволовка*: 'потолочное перекрытие, накат'; 'потолок'; 'расписной холст, кожа, натянутые на потолок'; ' помещение между потолком и крышей, чердак' — все значения встречаются уже в XVI в., так же, как и глагол *подволовчи* 'обить изнутри'.

Непосредственно к ареалам варианта *подволока* примыкают ареалы слова *подловка*, которое Даль определил как испорченное *подволока*. Условия для возникновения метатезы *вол* — *лов*, видимо, в утрате словом *подволока* «внутренней формы» (например, при утрате однокоренного глагола). Кроме того, возможно, имела место редукция среднего заударного слога: *подволка*, что затемнило корень слова, изменив его структуру. В слове *подло/авка* в окающих говорах северной части ареала (доходящей до Яранска) собиратели фиксировали заударное *о*, в говорах с редукцией заударного гласного этот гласный мог осмысляться как редуцированный *а*, тогда возникает возможность выделять в слове корень *-лав-*, хотя семантически он не объясним. Ареалы слова *подло/авка* локализованы во владимирско-поволжских, горьковских и восточных среднерусских акающих говорах (отделы Б и В), причем в западной части они постоянно перемежаются с ареалами слова *подволока* и некоторых других слов (*верх, истопка* и др.), а к востоку от р. Суры и к северу от Чебоксар наблюдается почти сплошное распространение слова *подло/авка* (до границ картографированной территории).

Обозначение чердака словом *накат* отмечено в небольшом ареале на р. Клязьме к западу от Владимира. *Накатом* назывался (и называется) 'плотный бревенчатый настил' (СлРЯ XI-XVII вв.), который сооружался и при постройке мостов, и в качестве пола в хозяйственных постройках, и, в частности, при настилании потолка: Въ той же полате *подволока накатная*, а прикрыта холстами, а по холстом левкашено (СлРЯ XI-XVII вв., 1677).

Тот же механизм переноса значения — в названии *столя / столъ*, о котором уже говорилось. Само название потолка *столъ* — от корня *стлать* в белорусском варианте («*столитца дошкими*» [1]). В русских говорах единично отмечено *стланъ* в том же значении 'пространство между потолком и крышей'.

Существительное *под* в интересующем нас значении образует несколько мелких ареалов в пределах треугольника Ярославль — Кострома — Иваново. Хотя в большинстве значений этого слова реализуется сема 'низ' (в противопоставлениях верха и низа), в данном значении актуализовалась сема 'настил': во многих значениях эта сема была актуальна уже и в древнерусском. Значение 'настил для просушки зерна, снопов и пр.' приводится, в частности, в СлРЯ XI-XVII вв. (для XVI в.). Т. е. *под* 'настил, потолок' — *под* ' помещение между потолком и крышей'.

Слово *сушило* локализовано в районе Юрьевца по обе стороны Горьковского водохранилища. Здесь мы видим совсем другую мотивацию: чердак может использоваться для просушки некоторых продуктов земледелия. Слова с корнем *-суш-* имеют хотя и спорадическое, но довольно широкое распространение в значении 'постройка, помещение для сушки снопов' (см. карту 16 ДАРЯ).

II

В западной зоне, а кое-где и за ее пределами для обозначения пространства между крышей и потолком жилого дома нет специального названия. Для

его обозначения служит предложное сочетание: предлог *на* + название жилья или его потолка.

Шире всего распространены словосочетания *на избу*, *на избе* (к северу от Смоленска в пределах западной зоны). За пределами западной зоны эти сочетания дают ареалы на северо-востоке Вологодской группы и кое-где в северном наречии в единичных населенных пунктах. Предложные сочетания *на хату*, *на хате* распространены в этом значении в Западной Брянщине и севернее — вдоль всей границы с Беларусью. Здесь же, в Смоленщине, отмечены сочетания *на столе*, *на столю* или *на столь*. Кое-где здесь отмечено также *на потолке* или *на потолке*, *на потолоке*, т. е. имеет место описательный способ наименования. Здесь, правда, широко, хотя и не повсеместно, употребительно и слово *чердак*.

Ареал этого способа наименования продолжается на всей восточной половине Беларуси и в примыкающих районах Украины (карта ОЛА по вопр. L986).

* * *

По материалам ДАРЯ известно еще более десятка единичных наименований чердака, значительно большее их количество приведено в «Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров» (СПб., 1994), но в пределах картографированной территории все эти лексические единицы, видимо, не образуют ареалов: «Программа» составлялась на широком материале словарных картотек и областных словарей разных регионов. Если механизм образования того или иного наименования (тип мотивации, ее закономерности) в большинстве случаев может быть понят, то историческая интерпретация лингвистического ландшафта, который был описан выше, вряд ли возможна. Картина слишком сложна. Чтобы понять процесс формирования этого диалектного различия, необходимо не только привлечь весь материал картотек исторических словарей, но и проделать по памятникам разных периодов работу, подобную той, какую проделала для ряда лексических групп Ю. И. Чайкина, осуществив их картографирование для Белозерско-Бежецкого региона и сопоставив с картографированными ею же данными современных диалектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Б л о м к в и с т Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1955.
2. Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974.
3. Л е п и с ь е Ж. Этимология русского *потолок* // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.
4. М о р а х о в с к а я О. Н. Существительные, однокорневые со словом *изба*. в русском языке // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

Н. П. Тихомирова

ГИДРОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В БЕЛОЗЕРСКИХ ГОВОРАХ

Статья посвящена анализу гидрографической лексики в белозерских говорах. Основой исследования послужили материалы современных белозерских говоров, собранные во время диалектологических экспедиций. Следует отметить, что особенно активно шла запись данной тематической группы в последние годы, когда институт включился в работу по сбору материала для Лексического атласа русских народных говоров. Привлекаются топонимические данные, поскольку географическая лексика находит отражение в топонимии и может быть реконструирована на основе данных топонимии. В частности, несколько лет назад мы лишь предполагали наличие местного географического термина *ильмень* в белозерских говорах (р. Ильменка). В 1992 г. слово было записано в значении 'озеро': *Ильменей здесь поблизости нет* (Череп.).

Группа гидрографической лексики в говорах достаточно обширна. Это не случайно, так как территория Белозерья богата водными источниками. «Когда всматриваешься в карту Вологодской области, то на ней замечаешь множество голубых пятен и густую сеть извилистых линий... Это реки и озера. Они разбросаны по всей территории и часто соединены между собой протоками. На карте поверхностных вод, составленной Гидрологическим институтом, в области отмечено 1050 озер. Большинство озер расположено на северо-западе области и в Молого-Шекснинском междуречье» [1, с. 22].

При анализе нами выделены следующие группы гидрографических терминов:

1. Термины, используемые для обозначения озера и его частей:

ВОДОСТОЙ 'тинистое, слегка заросшее озеро': *Вечером утки на еодостой слетались* (Вашк.). У В. И. Даля отмечено значение 'углубление, низменность, где застаивается вода; лужа, мочижина' (1, 222).

ГЛУХОЕ ОЗЕРО 'озеро, не имеющее притоков и стоков' (Кад.). В СРНГ глухой — 'непроточный (о водоеме) Урал; озеро, у которого имеются притоки, а истоки отсутствуют; озеро, не имеющее ни притоков, ни истоков' (Свер.) (6, 215). В Белозерье зафиксированы топонимы: оз. Глухое (Бел., Выт., Уст.).

ГОРЛОВИНА 'суживающаяся часть озера' (Кад.).

ЗАОЗЕРЬЕ 'место за озером' (Бел., Кад., Череп.).

ИЛЬМЕНЬ 'озеро': *Ильменей тут поблизости нет* (Череп.). В словаре М. Фасмера зафиксировано слово *ильмень* в значении 'небольшое озеро, оставшееся после половодья'. Восходит к названию озера Ильмень у Новгорода, древнерусское Илмерь из фин. *Ilmaajarvi*, эст. *Ilmajarv*. Это название превратилось в речи новгородцев в нарицательное и распространилось благодаря новгородской колонизации: (2, 128). В. И. Даль также фиксирует слово *ильмень*, указывая 'южн. астрх. озеро, особенно образующееся от широкого разлива реки, озеро, в которое впадает река и из него вытекает' (2,

41). СРНГ отмечает слово *ильмень* в значении 'озеро' для донских, астраханских, самарских, уральских, волжских говоров (12, 186). На территории Белозерья отмечены гидронимы: р. *Ильменка* (басс. р. Чагоды), р. *Ильменец* (Череп.).

КУРГАН 1) 'небольшое озеро, водоем на месте пересохшего русла реки': *У нас и в кургане вода есть* (Вашк.); 2) 'небольшое озеро со стоячей водой': *У нас вот курганы-то в лесу есть, так больно глубоки* (Уст.). СНГТ отмечает значения: 'глубокая яма', 'бакалдина с водой', 'небольшое болото глубиной до метра среди тундры', 'окно в болоте', 'омут в реке' (316). Зафиксирован топоним: бол. *Курганово*.

ОЗЕРИНКА 'небольшое озеро на болоте' (Кад.).

ПЕРЕРЫВИНА 'перешеек между озерами': *Перерывина есть небольшая, а дальше озеро снова идет, это суши, сухое место* (Выт.).

ПЕРЕХВАТ 'суживающаяся часть озера' (Кад.).

ПОДОЗЕРИЦА 'место около озера': *На подозерице он и растет* (Бел.).

СТАРИЦА 'небольшое озеро, водоем на месте пересохшего русла ручья' (Кад.). В СНГТ отмечено указанное значение (521).

ТАЛЬНИК 'незамерзающее озеро' (Кад.). СНГТ отмечает слово в том же значении для архангельских говоров (542).

2. Термины, используемые для обозначения руски и ее частей:

ВЕРХ 'исток реки' (Уст.). Слово в том же значении отмечено В. И. Далем (I, 183), СРГК (I, 180).

ВЕРХОВИЩЕ 'исток реки': *Речка наша из-под церкви начинается, там и верховище ее* (Череп.). СНГТ фиксирует это значение у слова *верховище*, отмечая как северное (118). То же у В. И. Даля (I, 185).

ВЫОН 1) 'поворот, извилина в течении руски': *Река у нас выоны делает* (Уст.); 2) 'водоворот': *У нас тут выон, а они купаться полезли, ну и потонули оба* (Уст., Череп.). В СНГТ отмечено только второе значение (135).

ГЛУШИЦА 'старое, заполняемое водой, непроточное русло реки, старица': *Высохла река-то — вот и глущица, араньше лес гнали ходили* (Череп.). Слово отмечено в СРНГ со значением 'непроточный рукав реки; заводь, старица' (6, 219). В Белозерском крае зафиксированы топонимы: р. *Глущица* (басс. р. Суды), р. *Глущица* (Баб.). Гидронимы типа *Глущица*, *Глухое* отмечены в Озерном крае, в бассейне р. Оки их свыше 20.

ГОЛОВА 'исток реки' (Череп.). В СРНГ слово отмечено с тем же значением 'исток реки, ручья'. Центрально-Черноземные области, Ср. Урал. Свердл.' (6, 300). В Белозерье зафиксированы гидронимы: оз. *Головное* (Выт.), оз. *Шестиголовое* (Череп.).

ДУНАЙ 'река, ручей': *Вот недалеко течет дунай, да река это Кенза* (Кад.). Имеется и топоним р. *Дунай* (басс. р. Мологи). М. Фасмер указывает: «От Дуная получили название несколько рек: *Дунаец* в Курск., Смол., Ряз., Костр., Могилев., Вятск., Томск. губ.; также русское диалектное *дунай* 'ручей' /*олонецк.*/ » (I, 553). Гидронимы с основой *дунай* распространены в Пooчье, центральных областях.

ЖЛОБИНА 'русло реки' (Вашк.). СНГТ отмечает слово *желобина* 'руслу реки; ложбина между двумя возвышенностями' /северное русск. диал./ (207).

ЗАВОДЬ 1) 'старица, староречье': *Вот здесь заводь осталась, а река в другое место потекла* (Баб., Вацк., Уст.); 2) 'глубокое тихое место в реке': *В заводях рыба большая водится* (Кад.); 3) 'водоворот': *В заводь попадешь — закрутит* (Кад.); 4) 'поемные места, затопляемые водой'. Отмеченные значения фиксируются СНГТ (212), В. И. Далем (1, 561).

ЗАГИБИНА 'поворот, извилина в течении реки': *Пойдете по реке, у загибины увидите домик* (Вацк., Кад.). СНГТ отмечает это значение для северо-западных областей и Урала (213).

ЗАУЗИНА 'узкая часть русла' (Кад.).

ИЗВИЛ 'поворот, извилина в течении реки' (Вацк.).

ИЗЛУК 'поворот, извилина в течении реки' (Шексн.). В. И. Даляр отмечает слово *излучина* в том же значении (2, 24).

ИСТОК 1) 'река, берущая начало из озера' (Череп.); 2) 'устье реки' (Вацк., Череп.); 3) 'родник, ключ' (Вацк.). Указанные значения отмечены в СНГТ (236). Зафиксированы топонимы: руч. *Исток* (басс. р. Суды), руч. *Исток* (Череп.).

КОЛЕНО 'поворот, извилина в течении реки': *Колено — это изгиб реки* (Баб.). Слово отмечено в СНГТ (284). Термин нашел отражение в топонимике края: д. *Коленецкая Горка*, пог. *Коленец*.

КРИУЛЬ 'поворот, извилина в течении реки': *Река таким криулем там заворачивает* (Череп.). СНГТ отмечает то же значение (303). Топонимы: р. *Криуля* (Бел.), руч. *Кривыль* (басс. р. Дрозды).

МАШТОК 'проток, соединяющий два водоема' (Вацк.). В СРНГ 'узкий пролив, ручей, канава, соединяющая два озера. Твер.' (18, 60).

ПЕРЕВОЛОК 'междуречье' (Кад.). У В. И. Даля 'межиречье, сырт, полоса материка между двух речек, через которую перетаскивают лодки либо перевозят товар' (1, 40).

ПРЯМИЦА 'русло реки' (Череп.). В СНГТ 'протока, укорачивающая, спрямляющая русло реки'. Томск. (465).

РАЗВОДЬЕ 'разветвление русла реки, ручья' (Кад.). В СНГТ, у В. И. Даля в данном значении не отмечено.

РАЗДВОЙКА 'место слияния рек': *В Крестцах река Кать с Белой слидается, вот и раздвойка* (Уст.). В СНГТ, у В. И. Даля в данном значении не отмечено.

РУЧЬЕВИНА 'проток, соединяющий два водоема' (Кад.). В СНГТ зафиксировано для северных областей *ручьевина* — 'ручей, речка; проток; болотистая ложбина' (487).

СТАРУНЬЯ 'старое русло реки, старица': *На старунье грибы всегда есть* (Кад.).

СТАРУХА 'старое русло реки, старица': *Там возле старухи тропиночка идет* (Уст.). СНГТ отмечает слово в этом значении для северных областей (521), В. И. Даляр как новгородское, вологодское (4, 317). Термин нашел отражение в топонимике края: д. *Старухи* (Кад.), д. *Большие Старухи*, д. *Малые Старухи* (Череп.).

УРЕЧИЩЕ 'небольшая речка': *За деревней — уречище* (Череп.). В СНГТ 'долина реки, приречное угодье. Алтай' (581).

3. Термины, используемые для обозначения заливов:

БУКЛЯ 1) 'речной залив': *Заливы-то называем букля* (Белоз., Вашк., Выт., Кирилл.); 2) 'водоворот': *Букля есть на нашей реке, вертеть тянет* (Баб., Бел., Вашк., Выт.). Слово зафиксировано в СНГТ (100).

ЖАДОК 'речной залив' (Вашк.). В СНГТ, у В. И. Даля не отмечено.

ЗАЛОВИНА 'залив': *Когда вода заходит в сторону, то заловины будут* (Кирилл.). В. И. Даль фиксирует в данном значении слова залоина (1, 597).

ЗАЛОЙ 'залив': *Подъезжаем к залою, а рыба так и взыграет* (Кад.). Отмечено в СНГТ (216), у В. И. Даля (1, 597).

ЗАТОН 'залив' (Череп.). Отмечено в указанном значении в СНГТ (221), у В. И. Даля (1, 646).

4. Термины, используемые для обозначения родников:

ЕРДАН 'ключ, родник': *Наши озера все на ерданах стоят* (Выт.). СНГТ (201), В. И. Даль (1, 521), СРНГ (в. 8, 368) фиксируют значение 'прорубь', СРНГ отмечает еще одно значение — 'ручей'. Том. (8, 368).

ЖИЛА 'ключ, родник': *Колодца у соседей нет, жили искали да так и не нашли* (Кирилл.). Слово отмечено в данном значении СНГТ (208), В. И. Далем (1, 542).

ЗДОРОВЕЦ 'ключ, родник': *Из здоровца мы воду черпаем* (Уст.). В СНГТ, В. И. Далем слово не зафиксировано. Отмечен топоним: руч. Здоровчик (Уст.).

ЗОЛОТОЙ РУЧЕЙ 'ключ, незамерзающий родник' (Шексн.).

КИПУН 'ключ, родник': *Кипун кипит, в лесу жарко, из кипуна попьем и дальше пойдем* (Чагод.). Отмечено в СНГТ (274).

КЛЮЧЕВИК 'ключ, родник': *Где раньше озеро было, теперь ключевик бьет* (Шексн.). В СНГТ отмечены дериваты ключик, ключинка (279).

КОБЛЮХ 'ключ, родник': *Ручей наши из-под церкви, коблюх там, ключ, зимой не замерзает* (Череп.). Слово зафиксировано в СНГТ в значении 'высокое земляное возвышение, в котором корни ольхи или ивы на торфяных болотах' (басс. Шексны) (280).

СТУДЕНЕЦ 'ключ, родник': *В студенце вода и в жаркую погоду холодная* (Уст.). В том же значении отмечено в СНГТ (528).

5. Термины, используемые для обозначения водоворотов:

ВИХОР 'водоворот' (Уст.) В указанном значении отмечено В. И. Далем (1, 208).

ВЫЮН 'водоворот': *В озере нашем много вьюнов раньше было, к тому же не подплывай* (Вашк., Кирилл., Уст., Чагод.). Слово зафиксировано в СНГТ (135).

ЗАВЕРТЕНЬ 'водоворот' (Шексн.), В. И. Даль отмечает в том же значении слово завертъ (1, 559).

ЗАВОДЬ 'водоворот': *В заводь попадешь — закрутит* (Кад.). Отмечено В. И. Далем в том же значении (1, 561).

СУВОДЬ 'водоворот': *Попадешь в суводь, гонка и рассыпляется* (Кад.). Слово отмечено в СНГТ (529), В. И. Далем (4, 353).

УБОЙКА 'водоворот': *Знаем все убойки, все худые места, на гонке без этого нельзя, убойки такие вьюны* (Чагод.). В СНГТ, В. И. Далем не отмечено.

6. Термины, используемые для обозначения перекатов, мелей:

ГОЛОВИЩЕ 'мель в реке вдоль берега' (Череп.). СНГТ, В. И. Даль указанное значение у слова не отмечают.

ГРИВА 'песчаная отмель в реке': *Большие гравы в реке Юг встречаются* (Череп.). Термин известен на Европейском Севере, в Сибири (СНГТ, 158). В Белозерье отмечены топонимы: р. *Гризовка*.

ЗАПЕСОК, ЗАПЕСКИ 'песчаная отмель в реке' (Кад., Череп.). У В. И. Даля (3, 103), в СНГТ (435) в данном значении отмечены слова *песок*, *пески*.

НАМЕТ 'наносная мель в реке' (Вашк.). В. И. Даль отмечает слово в значении 'нанос, нанесенный водою, хлам, хворост' (2, 440).

НАМОИНА 'наносная мель в реке': *Дак песок намывает, от этого намоины делаются* (Кад., Череп.). СНГТ отмечает следующие значения: 'отмель при впадении одной реки в другую, ручья в реку; прибойная гряда из рухляка, нанесенная волнением на берег моря; аккумуляция илилестого или песчаного материала на дне реки' (388).

РЕЛКА 'песчаная мель в реке': *Обмелела река-то, вот и образуется релка, вся река релкам обросла* (Чагод.). Термин известен северным и сибирским говорам. Топонимы: пож. *Релка*, пож. *Порелок* (Уст.).

7. Термины, используемые для обозначения омутов, глубоких и мелких мест на реке, озере:

БОЧАГ, БОЧАГА 'глубокое место на реке': *Сейчас в бочагу его толкнула, бочаг у нас еще кальгой зовут* (Выт., Череп.). Термин известен в европейской части России (СНГТ, 94).

ГЛЫБЬ, ГЛЫБИНА 'глубокое место на реке': *Глыбин мало у нас, а так вся река ровна* (Чагод., Череп., Шексн.). В указанном значении СНГТ фиксирует слово *глыба*, отмечая как беломорскос (145).

ЗАГЛУБЬ 'глубокое место на реке' (Череп.). В. И. Даль в указанном значении отмечает слово *заглыби* (1, 568).

ЗАКОСОК 'глубокое место между двумя мелями' (Кад.). В. И. Даль отмечает значение 'приглубь за косою' (1, 590), СНГТ — 'речная мель на Алтае' (214).

КАЛЬГА, КАЛЬЧУЖИНА 'глубокое и широкое место на реке': *Бочаг у нас еще кальгой зовут. В ручье в кальчужине мы и купались* (Череп.). СРНГ отмечает значение 'дорожная колея, ухаб, выбоина на дороге (часто заполняемая водой). Волог. Новг. Олон.' (13, 7).

МЕЛКОТИНА 'мелкое место на реке' (Шексн.). У В. И. Даля, в СНГТ не отмечено.

МЕЛЬЧИНКА 'мелкое место на реке': *В глубине поплавала, а потом на мельчинку вышла* (Череп.). У В. И. Даля, в СНГТ не отмечено.

ПЛЕС, ПЛЕСО 1) 'глубокое место на реке с замедленным течением': *Я сижу, как в плес заплынут, меня аж передернет* (Баб., Кад., Череп.); 2) 'мелкое место на реке': *Жара все стоит, коровы из плеса не выходят* (Череп., Шексн.). Термин широко известен в говорах.

ПУЧИНА 'глубокое место на реке, в озере' (Бел.). Термин отмечен СНГТ (470).

РУТИНА 'глубокое место на реке': *В рутину на реке лучше не попадать* (Череп.). У В. И. Даля, в СНГТ в значении географического термина слово не отмечено.

8. Термины, используемые для обозначения течения, мест с быстрым и замедленным течением, защищенных от ветра и открытых мест:

БЫСТЕРЬ 'место с быстрым течением' (Вашк.). Слово в данном значении известно сибирским, северным говорам (СНГТ, 107), СРГК (1, 154).

БЫСТРИНА 1) 'место с быстрым течением': *Река быстро течет, так это место быстриной называют* (Баб., Шекн.); 2) 'река с сильным течением' (Кад.). В СРГК отмечено значение 'место, где быстрое, сильное течение' (1, 154).

БЫСТРИЦА 'место с быстрым течением' (Вашк.). То же значение фиксирует СРГК (1, 154). В СНГТ отмечено значение 'горная река с большим падением и сильным течением (Карпаты, Сибирь, Урал)' (107).

БЫСТРОТИНА 'место с быстрым течением': *Как зазеваешься, так в быстротину и угодишь* (Чагод.). В СНГТ, у В. И. Даля не отмечено.

ВОДОБЕЖКА 'место с быстрым течением' (Кад.). В СНГТ, в СРГК, у В. И. Даля не отмечено.

ВОДОХОДЬ 'текущее' (Кад.). То же значение отмечено в СРГК (в. 1, 215). В. И. Даляр дает слово «водоходец» со значением 'ложбина самого русла реки, ложе ручья' (2, 222).

ГОГОЛИНА 'открытое место на озере' (Кад.). В СНГТ, у В. И. Даля не отмечено.

ЗАВЕТЕРЬЕ 'место, защищенное от ветра': *Доплывешь до заветерья и хорошо* (Вашк.). В СНГТ с данным значением отмечено слово *заветерь* (211).

ПОВОДЬ 'текущее реки': *Поводь она быстрая и тихая бывает* (Череп.). В. И. Даляр отмечает значение 'арх. попутное течение' (3, 145).

СТРЕЖА 'место с быстрым течением': *В стреже-то и вода быстрее бежит* (Череп.).

СТРЕЖЬ, СТРЕЖЕНЬ 'место с быстрым течением' (Кирилл., Уст.). Указанное значение отмечено в СНГТ (526).

ТИХОВОДИНА 'место с замедленным течением' (Вашк., Шекн.). В СНГТ отмечено слово *тиховод* с тем же значением (553).

Изучение гидрографической лексики в белозерских говорах позволило сделать некоторые выводы:

1. Группа гидрографической лексики в белозерских говорах обширна и разнообразна, что, несомненно, связано с географическими условиями Белозерского края и историей его заселения.

2. Разнообразие исследуемой группы объясняется и тем, что в основу гидрографических терминов могут быть положены различные мотивировочные признаки (*здоровец*, *кипун*, *студенец* — 'ключ, родник').

3. Прослеживается связь данной тематической группы с северными и северо-западными говорами (*зерховище*, *загибина*, *релка*), с говорами центра России, сибирскими говорами.

4. При анализе ярко проявился признак детализации, свойственный диалектной лексике в целом: *ильмень* — 'озеро', *водостой* — 'тинистое, слегка заросшее озеро', *тальник* — 'незамерзающее озеро').

5. Представлены словообразовательные варианты, что также характерно для диалектов (глыбы, глыбина — 'глубокое место в реке'; *верх*, *верховище* — 'исток реки'; *старунья*, *старуха* — 'староречье').

6. Отмечаются термины славянского и неславянского происхождения (букия).

7. Наряду с местными географическими терминами, имеющими широкое распространение в русских народных говорах (бочаг, плесо, релка), встречаются и не зафиксированные в диалектных словарях (гоголина, разводье).

8. Многие местные гидрографические термины нашли отражение в топонимии края: *ильмень*, *глушица*, *исток*, *релка*, *грива*.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. М а л к о в В. По родному краю. Вологда, 1956. С. 22.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Названия типов топообъектов

бол. — болото

д. — деревня

оз. — озеро

лож. — пожня

пог. — погост

р. — река

СПИСОК РАЙОНОВ

Баб. — Бабаевский р-н

Бел. — Белозерский р-н

Вашк. — Вашкинский р-н

Выт. — Вытегорский р-н

Кад. — Кадуйский р-н

Кирил. — Кирилловский р-н

Чагод. — Чагодощенский р-н

Череп. — Череповецкий р-н

Шексн. — Шекснинский р-н

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ОСНОВ НЕПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

В данной статье рассматриваются структурные типы основ непроизводных глаголов на материале выпусков и картотеки «Словаря вологодских говоров», словарей вологодской лексики начала XX в. (Д.; СЧГ) и некоторых списков диалектных слов, опубликованных в периодической печати второй половины XIX в. (Л.-П.; Потанин).

Представляется возможным на данном этапе изучения диалектного глагола охарактеризовать типы основ непроизводных глаголов с точки зрения их членности, описать типы основ неполной степени членности, учитывая количество и качество вычленяемых в основе слабых аффиксов, характер связности и особенности звукового оформления корневой морфемы.

С точки зрения членности основы непроизводные диалектные глаголы можно разделить на две группы: глаголы с нечленимой основой (*бос-ти* 'бодать' (К), *пас-ти* 'беречь, запасать' (Потанин, 231), *сон-ти* 'есть' (К) и глаголы с основой неполной степени членности, включающей в себя слабые морфемы [7, с. 17] — связанные корни или слабые аффиксы (*бузд-ыр-я-ть* 1) 'ударять, бить'; 2) 'лить (о дожде)' (СВГ, 1, 48), *гал-и-ть* 'врать' (СВГ, 1, 108), *под-татаур-и-ть* 'того подвязать, подпоясать' (Л.-П., 44).

Рассматривая особенности функционирования в говорах глаголов с нечленимой основой, можно обратить внимание на случаи диалектной и литературно-диалектной вариантиности основ. Так, например, варианты морфонологического оформления основы могут принадлежать или только диалекту (*бег-ти* (СЧГ, 23), *бечь* (К) 'бежать'), или диалекту и литературному языку (*стриг-чи*, *стриг-ти*, *стриг-ти* (К) и *стричь*). Нечленимой основе диалектного глагола в литературном языке может соответствовать основа неполной степени членности, внутри которой выделяются основообразующий суффикс и связанный корень: *волок-чи* (СВГ, 1, 80) и *волоч-и-ть*, *бег-ти* (СЧГ, 23), *бечь* (К) и *беж-а-ть*. Возможны также и другие случаи литературно-диалектной вариантиности глагольной основы: *мочь*, *мог-чи* (К), *мог-а-ть* (СВГ, 4, 86) (*Топерь чего могчй, на Бурниху* (т. е. на кладбище) *пора* (Сямж. Монаст.). *Мы-то уже могать совсэм не стали* (Сок. Вас. + Межд. Стар.)).

При анализе глаголов с основами неполной степени членности учитывалось количество аффиксов, вычленяемых внутри основы, и функция каждого из них. В связи с этим возникает проблема определения морфемного статуса основообразующего суффикса. В научной литературе по данному вопросу наблюдаются концептуальные и терминологические расхождения. Этот сегмент глагольной основы или не включается в число морфем [1, с. 398], или рассматривается как морфема, выполняющая классификационную функцию, служащая приметой определенного парадигматического класса форм [3, с. 36]. В данной статье мы относим этот сегмент основы к

слабым аффиксам, т.е. аффиксам, не обладающим самостоятельной слово- или формообразующей функцией и вычленяющимся в основе по остаточному принципу [7, с. 25].

Далее рассматриваются непроизводные основы, общей особенностью которых является наличие структурно связанного корня. Различаются они количеством слабых аффиксов и их функциями. Среди таких основ можно выделить несколько структурных типов.

1. Основа, включающая в свой состав основообразующий суффикс, не-соотносительный с основообразующим суффиксом противоположного вида или другого словоизменительного класса: *ваб-и-ть* 'снабжать, склонять к чему-либо' (СВГ, 1, 54), *гимз-и-ть* 'кишеть' (СВГ, 1, 111), *дроч-и-ть* 'ласкать' (СВГ, 2, 59), *додён-и-ть* 'кормить' (СВГ, 2, 34), *ётр-и-ть* 'несооднократно говорить, твердить' (СВГ, 2, 75), *канж-и-ть* 'неоднократно просить, выпрашивать' (СВГ, 3, 36), *кушк-а-ть* 'рукодельничать' (СВГ, 4, 27), *мод-е-ть* 'тнить, портиться' (СВГ, 4, 87) и т.д.

2. Основа, включающая в свой состав основообразующий суффикс, соотносительный с основообразующим суффиксом противоположного вида в составе видовой пары; в этом случае связанный корень является основой формообразования видовой пары: *болж-а-ть* 'издавать звон, звонить' — *болж-нү-ть* (СВГ, 1, 36), *бяк-а-ть* 'с силой ударять, стучать' — *бяк-нү-ть* (СВГ, 1, 53), *вих-а-ть* 'приводить в колебательное движение из стороны в сторону, шатать' — *вих-нү-ть* (СВГ, 1, 72), *гагайк-а-ть* 'кричать, бранить' — *гагайк-нү-ть* (СВГ, 1, 107), *жор-а-ть* 'неумеренно потреблять спиртные напитки' — *жор-нү-ть* (СВГ, 2, 92), *лявз-а-ть* 'говорить вздор, болтать' — *лявз-нү-ть* (К), *пазг-а-ть* 'делать что-либо с большой интенсивностью' — *пазг-нү-ть* (СВГ, 6, 118), *чыык-а-ть* 'чавкать, издавать звуки во время еды' — *чыык-нү-ть* (К), *шарк-а-ть* 'тереть, скоблить, чистить' — *шарк-нү-ть* (К) и т.д.

3. Основа, включающая в свой состав основообразующий суффикс, соотносительный с вариантическим основообразующим суффиксом другого словоизменительного класса; в этом случае к связанной основе присоединяются вариантические суффиксы: *баж-и-ть/баж-ыт* (4 продуктивный класс) (СВГ, 1, 18) и *баж-а-ть/баж-а/[j-э]т* (1 продуктивный класс) (Д., л. 6 (об.)) 'очень хотеть, сильно желать чего-либо', *малт-а-ть/малт-а/[j-э]т* (1 продуктивный класс) и *малт-ова-ть/малт-у/[j-э]т* (2 продуктивный класс) (К) 'знать, уметь, быть сведущим в чем-либо', *мум/[л'-а]ть/мум/[л'-а-э]т* (1 продуктивный класс) и *мумл-и-ть/мумл-ит* (4 продуктивный класс) (СВГ, 5, 10) 'есть, принимать пищу' и т.д.

Один из структурных вариантов основы может принадлежать литературному языку, а второй — диалекту: *кук-ова-ть/кук-у/[j-э]т* (2 продуктивный класс) и *кук-а-ть/кук-а/[j-э]т* (1 продуктивный класс) (СВГ, 4, 14), *вла[ð-э]ть/вла[ð-э-э]т* (1 продуктивный класс, 2 подкласс) и *влад-а-ть/влад-а/[j-э]т* (1 продуктивный класс, 1 подкласс) (СВГ, 1, 74) [5, с. 648-660].

4. Основа, включающая в свой состав основообразующий суффикс и эмоционально-экспрессивный; к связанной основе присоединяются вариантические эмоционально-экспрессивные суффиксы: *буз-ы/[р'-а]-ть* 1) ударять, бить'; 2) лить (о дожде)' (СВГ, 1, 48) и *буз-ых-а-ть* 'бить, ударять' (К) —

ср. *бузд-а-ть* (СРНГ, 3, 255), *ба[j-a]к-а-ть* 'говорить, болтать' (К) и *ба[j-a]х-а-ть* 'врать' (К) — ср. *ба[j-a]-ть* 'говорить // болтать' (СВГ, 1, 26).

5. Основа, членимая на основообразующий суффикс, связанный корень и префикс: *воз-ры-ну-ть* 'оживиться, поправиться' (СЧГ, 29), *с-добр-я-ть* 'собирать, приготовлять' (К), *под-татаур-и-ть* 'крепко подвязать, подпоясать' (Л.-П., 44), *вы-рач-и-ть* 'вытаращить, выпучить глаза' СВГ, 1, 97), *выз-ня-ть* и *вызд-ня-ть* 'переместить в более высокое положение, поднять' (СВГ, 1, 92), *под-болок-а-ть* и *под-болок-чи* 'надевать (надеть) что-либо вниз, пододежду, поддевать (поддеть)' (К) и т.д.

Внутри данного типа возможна более детальная классификация в зависимости от того, каков характер связности корня (унирадиксоид, радиксоид; морфемно связанный, деривационно связанный).

Мы рассмотрели структурные типы основ непроизводных глаголов с точки зрения количества и качества содержащихся в основе аффиксов. Далее обратимся к характеристике корневой морфемы, выясним, в какие отношения с аффиксами внутри основы вступает связанный корень, сохраняется ли при этом его семантика, т.е. каковы позиции и функции связанных корней в основах неполной степени членности. Вновь обращаясь к приведенным выше глаголам, можно выделить несколько функционально-позиционных типов связанных корней.

1. Структурно связанный корень, к которому присоединяется основообразующий суффикс, не соотносительный с основообразующим суффиксом противоположного вида или другого словоизменительного класса: *ваб-и-ть*, *гимз-и-ть*, *дроч-и-ть*, *додоч-и-ть*, *етр-и-ть*, *канж-и-ть*, *кушк-а-ть*, *мод-е-ть* и т.д.

2. Структурно связанный корень, равный связной основе формообразования, т.е. основе, к которой присоединяются формообразующие суффиксы в составе видовой пары: *болк-а-ть* — *болк-ну-ть*, *бяк-а-ть* — *бяк-ну-ть*, *вих-а-ть* — *вих-ну-ть*, *гагайк-а-ть* — *гагайк-ну-ть*, *жор-а-ть* — *жор-ну-ть*, *лявз-а-ть* — *лявз-ну-ть*, *пазг-а-ть* — *пазг-ну-ть*, *чык-а-ть* — *чык-ну-ть*, *шарк-а-ть* — *шарк-ну-ть* и т.д.

3. Структурно связанный корень, равный связной основе, к которой присоединяются вариантические основообразующие суффиксы: *баж-и-ть* — *баж-а-ть*, *малт-а-ть* — *малт-ова-ть*, *мүмл-я-ть* — *мүмл-и-ть* и т.д.

4. Структурно связанный корень, равный основе, к которой присоединяются вариантические эмоционально-экспрессивные суффиксы: *бузд-ыр-я-ть*, *бузд-ых-а-ть* и *ба[j-a]к-а-ть*, *ба[j-a]х-а-ть* и т.д.

5. Морфемно связанный корень [2, с.198], вычленяемый в основе, которая содержит, кроме него, основообразующий суффикс и префикс.

Внутри данного типа встречаются собственно связанные корни, повторяющиеся в ряде глагольных основ (*на-болок-а-ть*, *на-болок-чи* (СВГ, 5, 21), *о-болок-а-ть*, *о-болок-чи* (СВГ, 5, 124), *пере-болок-а-ть*, *пере-болок-чи*, *под-болок-а-ть*, *под-болок-чи* (К), и уникальные связанные корни, вычленяемые в основе по остаточному принципу. Так, например, унирадиксоид *-трамбабур-* выделяется в основе глагола *от-трамбабур-и-ть* 1) 'сказать быстро, скороговоркой'; 2) 'отругать' (К), так как сохраняется семантика префикса *от-* (интенсивно, тщательно, полностью, окончательно совершить

действие, довести действие до результата [5, с. 364]), и можно выделить показатель словоизменительного класса -и- (от-трамбабу [р'-и]-ть/от-трамбабу [р'-и] ть).

Один и тот же связанный корень в русском языке и диалекте может обладать различной дистрибуцией в составе основ неполной степени членности. Так, например, связанный корень -вих- в глаголах литературного языка (*вы-вих-ну-ть, с-вих-ну-ть-ся*) употребляется только в сочетании с префиксами и суффиксами, а в говорах он может быть употреблен только в сочетании с суффиксами (*вих-а-ть, вих-н-у-ть* (СВГ, 1, 72)).

Связанные в основе диалектного глагола корни могут быть омонимичны именным корням литературного языка: *вы-рач-и-ть* 'вытаращить, выпучить глаза' (СВГ, 1, 97) — ср. *рак-и-ть*, *от-козл-и-ть* 'закончить прием пищи' (СВГ, 6, 91) — ср. *коз-ел-и-ть*, *у-копыт-и-ть-ся* 'заупрямиться' (СЧГ, 91) — ср. *копыт-о*. Названные глаголы относятся к эмоционально-экспрессивной глагольной лексике. Семантическим центром подобных глаголов становится префикс [б, с. 157], хотя в некоторых случаях можно говорить о сохранении ассоциативных связей между глагольным связанным корнем и омонимичным ему именным. Так, например, можно предположить наличие их в глаголе *вы-рач-и-ть* 'вытаращить глаза', сделать похожим на 'глаза рака', во многих же других случаях для установления этих связей необходим этимологический анализ (ср. *вы-струч-и-ть* с тем же значением (СВГ, 1, 101)).

Звуковое оформление связанного корня диалектного глагола также имеет свою специфику. Значительное число корневых морфем имеет звуковые варианты при сохранении их семантического тождества: *борк-а-ть* (Баб., Верх., Сок., Тот.) (СВГ, 1, 39) и *бурк-а-ть* (У.-К.) (СВГ, 1, 50) 'бросать, кидать', *вяньг-а-ть* (В.-У., Сок., Межд.) (СВГ, 1, 107) и *нявг-а-ть* (Вож., Хар., Кир.) (СВГ, 5, 115) 'плакать, издавая монотонные негромкие звуки, надоедливо жаловаться, просить', *канж-и-ть* (Вож., Сямж.) (СВГ, 3, 36), *тамж-и-ть* (Ник., Сок.) (К), *ханж-и-ть* (В.-У.) (К) 'надоедливо просить, выпрашивать', *крокт-а-ть* (Баб.) и *кrekpt-а-ть* (К.-Г., Ник.) (СВГ, 3, 122) 'кряхтеть', *мутох-а-ть* (Нюкс.) и *мудох-а-ть* (К.-Г., Баб.) (СВГ, 5, 9) 'мучить', *мырк-а-ть* (У.-К., Сямж.) и *мырг-а-ть* (Вож., Баб.) (СВГ, 5, 12) 'мычать', *нырк-а-ть* (Вож.) и *нырг-а-ть* (Вож.) (СВГ, 5, 115) 'стонать'. В других случаях глаголы со звуковыми вариантами связанного корня характеризуются семантической близостью: *гомоз-и-ть-ся* 'возиться, шевелиться' (СВГ, 1, 121) и *гимз-и-ть* 'кишеть, быть наполненным множеством шевелящихся, передвигающихся существ' (СВГ, 1, 111), *мырк-а-ть* 'мычать' и *нырк-а-ть* 'стонать' (СВГ, 5, 12 и 115).

Ареалы распространения звуковых вариантов корня могут быть различными, вместе с тем исследователями отмечается возможность существования вариантов на одной территории, особенно если это касается эмоционально-экспрессивной глагольной лексики [4, с. 84].

Таким образом, мы рассмотрели структурные типы основ непроизводных диалектных глаголов. По нашим наблюдениям, большая часть основ сохраняет членность, неполная членность сохраняется за счет выделения в основе слабых аффиксов и связанных корней.

Слабые аффиксы, как показывает их функционально-позиционная характеристика, выполняют не только основообразующую функцию. Они участвуют в процессах видеообразования, диалектной и литературно-диалектной вариантиности основ (связанные основы с вариантыми основообразующими, эмоционально-экспрессивными суффиксами). Связанные корни диалектной глагольной основы требуют специального изучения. Это касается и характеристики связанности корня, и описания многочисленных случаев его звуковой вариантиности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
2. Ермакова О. П. О корнях с деривационно связанным значением. Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. М., 1975. С. 198-202.
3. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. М., 1974.
4. Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М., 1982.
5. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
6. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
7. Яцкевич Л. Г. Морфемика современного русского языка. Вологда, 1993.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Д — Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. 1903. Фотокопия рукописи хранится на кафедре русского языка ВГПИ.

Л.-П. — Левинец-Павловский. Ферапонтовская волость. // Москвитянин. Т. 1. № 4. 1855. С. 399-410.

Потанин — Потанин Н. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // Живая старина. 1899. Вып. 1. С. 23-60. Вып. 2. С. 167-235.

СЧГ — Герасимов М. К. Словарь череповецкого уездного говора. СПб., 1910.

О. А. Черепанова

ОБЩЕНАРОДНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФОРМУЛЫ НАРОДНОГО ЭТИКЕТА: КОМПЛИМЕНТАРНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ

Многолетнее изучение древних русских памятников, в том числе таких, которые отражают народную речь, занятия языком фольклора, контакты с носителями современной народной речевой традиции во время диалектологических и этнокультурных экспедиций привели к мысли, что в русской

речевой практике весьма сильна прагматическая направленность на создание положительно маркированной коммуникативной ситуации. Атмосфера доброжелательности, достигаемая с помощью определенного набора языковых и неязыковых средств, установление своего рода «теплообмена» между теми, кто вступает в общение друг с другом, являются не только традиционными для российского этикета, но и отражают черты национального русского характера. В настоящее время эта национально-культурная особенность коммуникативного акта испытывает сильный прессинг со стороны тенденций к отрещанию и вульгаризации языка. Тем важнее концентрировать внимание на традиционно положительном регистре акта коммуникации.

Любая речевая деятельность предполагает определенную коммуникативную тактику. Используя различные речевые средства, говорящий кодирует такие экстралингвистические факторы, как отношение к адресату, к ситуации, свое настроение и т.д., — словом, все то, что создает дискурс речи. Коммуникативные тактики могут быть индивидуальными, но в большинстве случаев они имеют социально-, национально- и культурно-маркированный характер. Изучение речевых тактик ведет к лучшему пониманию народной психологии. «Подвигаясь по этому пути, мы смогли бы приблизиться к трудноуловимому, но тем не менее вполне реальному феномену, имеющему много имен и лучше всего называемому «русским духом» [2, с. 43].

Коммуникативная тактика реализуется путем использования различных речевых и языковых средств. Это употребление клишированных фраз, определенных фразеосочетаний, набора ключевых слов, синтаксических структур и т.д. Формула обращения — номинация адресата — является одним из основных факторов, участвующих в реализации коммуникативной тактики высказывания и речевой деятельности вообще.

В настоящее время накоплен весьма значительный объем свидений о способах номинации адресата речи и его функциях в коммуникативном акте [1; 3; 4; 5]. Являясь функционально-семантической универсалией, номинация адресата отражает межличностные отношения между участниками коммуникации, целевую установку говорящего воздействовать на слушающего в определенном направлении. Она содержит информацию о говорящем и адресате, а также имеет выраженную национальную и региональную специфику, связанную с исповторимостью узального речевого поведения представителей конкретного региона или социума в той или иной форме коммуникации.

Неоднократно высказывалось мнение, что отрицательные коннотации находят в языке и речевом узусе более разнообразные и выразительные средства реализации, чем положительные. Представляется, однако, что в русской речевой практике положительные коннотации являются — если не преобладающими, то весьма весомыми, что находится в непосредственной связи с существованием традиционной национально маркированной речевой тактики, имеющей своим кодом доброжелательность. Это наблюдается в общенародном речевом узусе, особенно же отчетливо обнаруживается в народной речи — в говорах и фольклоре — и реализуется не в последнюю очередь через номинацию адресата.

Представим некоторые типы комплиментарных номинаций адресата в общенародной и региональной речи.

1. Термины родства, функционирующие в качестве номинантов неизвестного говорящему адресата речи или известного, но не являющегося родственником: *отец, папаша, брат, братец, браток, сынок, батя, батенька, дедушка, дяденька, внучек, мамаша, матушка, доченька, бабушка, бабуля, сестрица* и под. В народной речи набор положительно маркированных словообразовательных дериватов от имен — терминов родства — шире, чем в общенародном языке. См., например, образование *дона от дочь*, аналогично имени собственному: *Маня, Соня — Мария, Софья* (Фасмер, 1, 529) — *Донюшка, милая, ничего не сделаешь* (Калуж. СРНГ, 8, 126).

Усиленная эмоциональность обращений такого рода наблюдается в тех случаях, когда между говорящими действительно существуют отношения родства, например: *внуконька, внукушка, бабуня* (Медв., Пуд. СРГК, 1, 208, 27).

В номинации *бабушки* — матери одного из родителей и старой женщины вообще — в общенародном языке в последнее время намечается перемещение центра тяжести со слова *бабушка* на слово *бабуля*. В Словаре русского языка в 4-х томах слова *бабуля* и *бабуся* квалифицируются как разг. и ласк. к *бабушка* (МАС, 1, 54). Разговорный характер слов сохраняется, но если *бабуся* все больше перемещается в пассивный слой лексики, то *бабуля* приобретает самостоятельную номинационную значимость, теряя свою подчиненность как эмоционально-экспрессивное образование по отношению к слову *бабушка*. Причиной этого является стремление к обновлению экспрессии и, возможно, фонематический фактор: наличие шипящего и взрывного [шк] в одном случае и сонорного [л] в другом.

Слова *матушка, батюшка, батенька* в качестве обращений (и в собственно номинативном употреблении) сохраняются лишь в речи пожилых интеллигентов из глубинки. «*Здравствуйте, государыня матушка Софья Николаевна!*» — обращается в письме пожилой краевед из Осташковского района Тверской области к преподавательнице Петербургского университета (1992).

В речи старшего поколения в деревнях сохраняется обращение *батюшко* по отношению к ребенку: *Спи, батюшко, поздно уже, спи.* (Чер.)* Пожилая хозяйка, называя женщину-постоянницу фамильярно-ласково по отчеству — *Ляксандровна*, к ее десятилетнему сыну обращалась на вы, величая его *батюшко* и используя местоимение *оне*: — *А оне будут сегодня со мной в карты играть.* (Выт., 1972).

2. Русский язык обладает очень развитой системой уменьшительно-ласкательных форм имени собственного. В качестве примера можно привести почти любое имя, в том числе *Александр: Саша, Сашенька, Сашок, Сашуля, Саня, Санечка, Санек, Алексаша, Шура, Шурочка, Шурик, Шураша, Сашу-*

* Материалы, для которых не указан источник, находятся в личном архиве автора.

ра и т.д. По свидетельству вологжанина 1903 года рождения, в вологодских деревнях вокруг Кубенского озера во времена его детства Александров уменьшительно звали *Галёбами*.

В последнее время появилась новая форма комплиментарно-вежливого обращения по имени-отчеству с употреблением имени в уменьшительно-ласкательной форме: *Верочка Ивановна, Лидушка Михайловна* и под. Такие формы используются главным образом в среде сослуживцев.

3. Номинируют адресат речи субстантивированные прилагательные и причастия в формах м. и ж. рода. Как общенародные комплиментарные формы номинации можно указать: *дорогой, милый, миленький, родной, родимый, реже сердечный, устар. любезный, милейший* и некоторые др.: *Сиди, сиди, милая* (пожилая женщина девушке, которая собирается уступить ей место в автобусе, С-Петербург, 1994); *Вы, милая, хорошо сказали, но...* (пожилой мужчина обращается по контактному телефону к вслушивающей радиопередачи «Контакт», С-Петербург, 2.XI.1994).

В народной речи круг субстантивированных прилагательных в функции комплиментарных обращений расширяется: *Ой, желанные, куда ж вы побежите, дождь же будет!* (Люб.); *Ничего, бажена, не знаю, сегодня голова тяжелая, забыла все сказки* (Пуд. КСРГК).

В высказываниях с pragmatischen kommunikativen задачей отказа, несогласия, воспрепятствования чему-нибудь положительно маркированное обращение выполняет роль «буфера» снижая эффект отрицательного воздействия на говорящего: *Вы уж, желанные, поздно-то не сидите, электричество мне не жгите.* (Карг.); *Ани выпивали и задрались; я гаварю: «Жаланный, на каво ш ты лезеш?* (Беж. ПОС, 10, 178).

Наблюдается региональная закрепленность номинаций, а также определенная их формализация. Так, в Осташковском районе Тверской области широкое распространение имеет клишированное обращение *родный мой*, сохраняющее форму мужского рода при обращении и к мужчине, и к женщине: *Вот так, родный мой, и шла моя жизнь. А ты давно дома была?* Клишированность и формализация номинации привели к тому, что выражение стало употребляться в функции междометия: *Куда ж они, родный мой, побежали!* (Осташ.).

Помимо того, что комплиментарность содержится в смысловой структуре слова (например, *баженый* от *бажить* 'любить, баловать, ласкать'), она может усиливаться с помощью суффиксов экспрессивно-эмоциональной оценки: *Ой, бажоненьки, не знаю* (Пуд. КСРГК).

4. В общенародной речи, но преимущественно в народной речевой практике активную роль в номинации адресата играют именные образования, часто отадъективного или отлагольного образования, содержащие в своей семантике ярко выраженную положительную экспрессию: *дорогуша, дроля, дрочена, дроченка, друг, дружок, жадобинка, жадобка, жадобиночка, жадобочка, жадобушка, жаленушка, желаннушка, животок, забавонька, забавочка, забавушка, лада, ладушка, лунек, любанушко, любеюшко, люба, милок, надежка, роднуша* и др.: *Какой же ты хорошенъкий мальчик, мамочкин сыночек, заходи, любеюшко.* (Пин.); *Ну, што, май жадопки, давайте, де-*

вурки, спать ложица (Вл. ПОС, 10, 149); Ну, жадопка моя, пайдем на танцы (Вл. Там же).

Наиболее эмоционально насыщенными являются номинации, в которых для именования адресата речи используются зоонимы, фитонимы и вообще именные лексемы, имеющие национально-культурную положительную коннотацию. Первое место среди них принадлежит, несомненно, зоонимам и прежде всего названиям птиц: голубь, голубеюшко, голубок, голубонюшко, голубушка, голубчик, касатка, касаточка, ласточка, лебедушка, птичка, пташка, пташечка, птенчик, соколик и некоторые др. — *Нетакая что сейчас жизнь была, тогда нужней было, голубеюшки-то мои* (Тер. СРГК, 1, 361); *Голубонюшка моя, чего ты голубонишься?* (Подп. Там же); *Ох ты, ласковая моя, ох ты, лебедушка, как же это ты так, как же это тебе помогло!* (Лен.) — говорил, утешая, старый дед девушке, которая на остановке автобуса посколькунулась и запачкала нарядное платье.

Из прочих зоонимов в качестве комплементарных обращений известны: зиничка, зайчик, заяц, киса, котик, кисанька, рыбка, рыбонька и др. По отношению к младенцам могут быть употреблены слова лягушонок, поросенок.

Использование названий растений в функции комплементарной номинации адресата встречается довольно редко и имеет скорее индивидуальный характер: *Куда ж ты, цветочек мой лазоревый, собралась?* (Карг.).

Среди прочих имен, используемых для номинации адресата, можно назвать: лада, ладушка, лапа, лапушка, люба, любушка, любовь моя, свет мой, светик, солнце, солнышко и др. — *Ну, что, лапушки, давайте на стол накрывать* (Лен.), — *Сколько времени, девочки?* (вопрос к женщинам 50-55 лет). — *Полтреметего, бабуля.* — *Спасибо, ягодка* (Новг.); *Да как же так, любочка, чужим людям угодить* (Тул. СРНГ, 17, 240).

Перечень слов такого рода практически неограничен, так как набор положительно маркированных понятий и лексем варьируется по регионам, кроме того, могут быть индивидуальные употребления. — *Подожди, бабулька, подожди, любулька* (Смол. СРНГ, 17, 240); *Зоренька ты моя!* (Олон. СРНГ, 11, 339); *Проходи, проходи, бажена шанежка* (Усть-Цил.).

5. Можно выделить группу номинаций различной частеречной принадлежности, объединенную христианской тематикой: *Вот, ангел божий, какие дела-то были* (Тер. КСРГК); *Кого мелешь, ангел божий!* (Там же); *Куда же вы, православные, заторопились, посидите еще* (Осташ.); *Ой, крещеные, заболталась я с вами. Вера уж отдоилась, наверно, побегу, принесу бидончик* (Там же). Последние две номинации применимы только ко множеству лиц, преимущественно к женщинам.

Приведенные выше общенародные и региональные формулы обращений являются традиционными для русской культуры, о чем свидетельствует совпадение корпуса клишированных номинаций в современной речевой практике и в фольклоре. Так, в фольклорном жанре плачей и причитаний, для которого номинация адресата является очень актуальной, мы находим обширный ряд номинаций- обращений, имеющих амелиоративную направленность. Многие из них дословно совпадают или имеют типологическое сходство с теми, которые обнаружены в современной речи. Вот некоторые из

них, обращенные к усопшим, осиротевшим детям или родственникам, к участникам похоронного обряда или обряда проводов рекрутов*: умоленая лада милая, лада милая, любимая (I, с. 87), красно солнышко (I, с. 45), голубонько сердечная (I, с. 139), желанная голубонько (I, с. 141), лебедушка (I, с. 115), моя белая лебедушка (I, с. 115), косата моя ластушка (I, с. 118), летные косаты мои ластушки (III, с. 67), златокрылые ясные соколы (I, с. 245), яблунь, верба кудреватая (I, с. 109), сугрева моя теплая (I, с. 117) и под.:

Я о том прошу, верба золоченая,
Сговори со мной хоть малое словечушко (I, с. 109)...

Вы послушайте, любимы милы сватушки,
Недорослы боровыя ягодиночки (I, с. 244)...

Рассветись да ты, яра моя свечушка,
Да ты встань-восстань, болезно мое дитятко... (I, с. 101)

Как видим, образная основа комплиментарных номинаций адресата в речи как общенародной, так и региональной, и в народных плачах не просто схожа, но едина по своей сущности. Сквозь поэтические образы просвечиваются традиционные представления о посмертном воплощении души в природные феномены из мира животных и растений. Человек предстает как звено единой цепи мирозданья, занимая свое место в мировом пространстве бытия. Именно поэтому устанавливаются ассоциации с источником жизни — солнцем, светом, свечой как символом света, огня (в соединении с идеей жизни как горения и смерти как угасания). Поэтическая метафоризация расширила круг изначально мифологизированных комплиментарных номинаций: ягодиночка, жемчужина скаженая и под.

Еще один источник, отражающий и питающий народную традицию комплиментарной коммуникативной тактики, — это христианская литература России, прежде всего агиография XIX — XX вв. В житиях святых поздней канонизации (отчасти это отражается и в более ранних житиях) используются речевые средства народной традиции в номинации адресата, и тем самым установка на доброжелательно-ласковый регистр общения не только закрепляется, но и освящается: *В это время в проеме открытой двери бесшумно появилась странная гостья... «Голубка, скажи мне, где живут Пироговы, я ищу их»... «Слушай, голубка! — сказала она, подходя ко мне. (Житие блаженной Ксении Петербургской. СПб. 1991, с. 7); Старецъ — это былъ самъ Серафимъ — положивъ вязанку свою, посмотрѣлъ на меня яснымъ взоромъ своимъ и тихо спросил: «На что тебѣ, радость моя, Серафимъ-то убогий?» (Житие преподобного Серафима Саровского. М., 1904, репр. изд. 1992, с. 7-8); Отецъ Серафимъ заперъ дверь и спросилъ ее: «Откуда ты, матушка?» (Там же, с. 10).*

* Примеры приводятся по изданию: Барсов Е. В. Причтания северного края. Ч. I. М., 1872. Ч. III. М., 1886.

Культурная и лингвистическая значимость комплиментарных номинаций адресата становится в полной мере ясной только в том случае, если в поле наблюдения оказывается весь комплекс речевых средств, реализующих коммуникативную тактику высказывания. В рамках статьи невозможно представить весь набор этих средств, поэтому обратим внимание лишь на одно из них, весьма выразительное и, как правило, сопровождающее комплиментарные номинации адресата. Это использование определенных словообразовательных средств, а именно положительно маркированных суффиксов экспрессивно-эмоциональной оценки. В речевом потоке комплиментарные обращения часто оказываются сопряженными с экспрессивно маркированной лексикой: *Вот так, касатушка, положи-ка ты ее (тряпочку) на печеньку* (Пест.); *Ой, дорогуша, возьми ковычек, плесни водицы* (Осташ.); *Тепленькие (яйца) съесть с хлебцем, ты и прав, желанный ты мой* (Новг. СРНГ, 9, 101).

То же наблюдаем в фольклорных текстах: *Ты просила тут, ветляная нештушка, Во собой да ты сердечных малых своих детушек, Отвечала я, печальная головушка...* (I, с. 235); *Ты присядь, присядь, лунек, присядь, милый животок, Потихохоньку, Ты, надежа, мой дружок, Ты сердечный животок...* (Вят. СРНГ, 9, 110).

Суффиксы экспрессивно-эмоциональной оценки — это весьма мощное средство реализации коммуникативной тактики. В речевой практике положительного регистра оно имеет давнюю традицию использования. Достаточно вспомнить некоторые отрывки из Жития протопопа Аввакума: *Посемь привезли в Брацкой острогъ и в тюрьму кинули, соломки дали... Что собачка в соломке лежу: коли накормятъ, коли нъть. Мышей много было, я ихъ скуфьею биль, — и батошка не дадутъ, дурачки!*

Традиция положительной маркировки речи с помощью экспрессивных словообразовательных средств закрепилась в позднейшей агиографии и под ее влиянием, как и под влиянием народных поэтических фольклорных жанров, стала достоянием устной народной прозы, особенно в народно-христианской тематике. В этом убеждает сравнение двух отрывков: *Иду себе тихохонько сзади. Смотрю, въ сторонкъ старишокъ, събдой такой, сухонький, сгорбленный, въ бѣломъ халатикѣ, сучки собираетъ. Подошла спросить: далеко ль до пустынки* (Житие Серафима Саровского, с. 8); *Был у нас старишок, Максимушка. В лесу в изобке жил. Печечка маленька, иконки у него были, лампадочка теплится. Старишок старенький, к нему ходили спрашивать, он присказывал. Жил в Ботове, болотничка там, досочки положены. Ласково встречал. Сестра моя пришла: «Заходи, заходи, мачтушка...»* (Легенда о старишке-предсказателе. Осташ., 1993).

Рассмотренные материалы показывают, что комплиментарные номинации адресата — сложное и многообразное языковое и культурное явление. Оно имеет глубокие корни в национальной традиции и в сопряжении с рядом других факторов, определяющих прагматику речи, не только характеризует отношения говорящего к предмету речи, но и служит средством экспликации одной из черт национального характера — установки на доброжелательный тон общения, основанный на чувстве братства и любви к ближнему.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А р у т ю н о в а Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР — Серия литературы и языка. Т. 40. № 4. 1981. С. 356 — 367.
2. В е р е щ а г и н В. М. Коммуникативная тактика как поле взаимодействия языка и культуры // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. М., 20-23 мая 1991. Ч. I. С. 32- 49.
3. Г а к В. Г. Вопросы национально-культурной специфики языкового поведения // Там же. С. 67-69.
4. З е м с к а я Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
5. О з е р о в а Н. Г. Номинация адресата речи в славянских языках // Словянське мовознавство. Київ, 1993. С. 200-212.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Беж. — Бежаницкий р-н Псковской обл., Вл. — Великолукский р-н Псковской обл.; Выт. — Вытегорский р-н Вологодской обл.; Вят. — Вятская губерния; Калуж. — Калужская обл.; Карг. — Каргопольский р-н Архангельской обл.; Лен. — Ленинградская область; Медв. — Медвежьегорский р-н Карелии, Новг. — г. Новгород, Новгородская обл.; Олон. — Олонецкая губерния; Осташ. — Осташковский р-н Тверской обл.; Пест. — Пестовский р-н Новгородской обл.; Пин. — бассейн р. Пинеги; Подп. — Подпорожский р-н Ленинградской обл.; Смол. — Смоленская обл.; Тул. — Тульская обл., Усть-Цил. — Усть-Цилемский р-н Республики Коми; Чер. — Череповецкий р-н Вологодской обл.

IV. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Ю. В. Бабичева

О «КОЛЫМСКИХ ТЕТРАДЯХ» ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

*И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...*
А. Ахматова

*Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию — стихами.*
Г. Иванов

*Вы, наверно, меня не слыхали
Или, может быть, не слышали.
Говорю на коротком дыханье,
Полузадышенная, осипшая.*
А. Баркова

Конец века всегда требовал оглядки назад, подведения итогов или «большого синтеза», как выразилась однажды поэт и переводчик Т. Гнедич. Подводя итоги русской культурной жизни XX века, припомним сегодня некоторые пророчества о ней, сделанные на заре столетия или в его середине. Одно из них принадлежит большому поэту так называемого Серебряного века, автору стихотворения «Грядущие гуны» В. Брюсову. Оно создавалось в годы первой русской революции, содержало в себе ее приятие, но вместе с тем и жгучую тревогу за судьбы родного искусства, которому «играющий случай» грозил уничтожением. Приветствуя социальный катаклизм, поэт завещал соратникам, «хранителям тайны и веры», припрятать до поры «зажженные светы» — «в катакомбы, в пустыни, в пещеры». Сегодня приходится удивляться четкой логике давнего пророчества. Нам-то ведь известно, что именно по этим «адресам» разошлось до времени так много обещавшее русскому духу предреволюционное «серебряное» искусство: в «пещеры» вынужденного подполья, в «пустыни» эмиграции, в «катакомбы» ГУЛАГа.

В середине века, когда эти процессы уже завершились и когда блеснул первый луч надежды на возвращение укрытых сокровищ, из уст поэта нового поколения и новой судьбы (с десятилетним лагерным стажем за плечами) Т. Гнедич прозвучало новое пророчество. На этот раз — предсказание неминуемого возрождения, возвращения, соединения разрозненных частей культуры, то есть Большого Синтеза. В седьмом сонете из «Венка», опубликованного в 1967 году в алма-атинском «Просторе», она констатировала:

*Блока час настал...
Горит его магический кристалл —
Вспененной диалектики основа.
Все для большого синтеза готово!*

Но осуществлялся Большой Синтез не так скоро, как хотелось бы за-ждавшимся и истерпеливым. Шаги его были неслетки, поступь замедленна. Первыми стали возвращаться из «пещер» те, что жили рядом, но долго и вынужденно молчали, дожидаясь справедливой «оценки поздней». Одна из первых книг, содержащих систематизированную информацию о потаенной литературе эпохи-молчальницы, была написана внуchkой большого русского писателя Л. Андреева американской журналисткой О. Карлайл и называлась «Голоса из-под снега». Вслед за «подпольщиками» потянулись из-за рубежа сначала самиздатом, а потом и вполне легально писатели-эмигранты первой волны, мечтавшие когда-то «вернуться в Россию стихами». О них сложилась у нас изрядная литература, и появился даже учебник А. Соколова для вузовского учебного курса: «Судьбы русской литературной эмиграции 20-х годов». М.: МГУ, 1990. Художественные тайники «катакомб» ГУЛАГА дольше других хранили свои сокровища: их возвращение еще только начинается.

Многие из них, по-видимому, утрачены для нации безвозвратно. Мало надежд, например, на то, что когда-нибудь станут известны торопливо набросанные на клочках бумаги последние стихи великого русского поэта и «доходяги» пересыльного лагеря О. Мандельштама. Но кое-что из лите-

туры, созданной в «катаомбах», играющий случай все же сохранил. Эти бесценные ценности и надлежит нам, наследникам, собрать по крохам, осмыслить и синтезировать. Лагерная (тюремная) литература 30-х — 50-х годов — это целая ветвь русской советской литературы, связанная с другими ее ветвями и все же по самим условиям создания неповторимо самобытна. Как и в любой литературной общности, были там свои мастера, прославленные еще до ареста. Были неофиты, иногда много обещавшие и не по своей вине обещаний не исполнившие. Были, конечно, и свои графоманы... Были летописцы-реалисты, до мелочей восстановившие ужасы лагерного быта. Были непокоренные бунтари-публицисты. Но были и романтики, писавшие о чем угодно, но только не о лагерных буднях.

Общая картина жизни этой литературной диаспоры едва начинает проясняться. В 80-х годах в Израиле бывшим «зеком» А. Шифриным издана антология «Поэзия в концлагерях», где собрано творчество пятнадцати, в том числе и безымянных, авторов. В 1987 году издательство «Антиквариат» в США выпустило книгу поэта-эмигранта В. Бетаки «Русская поэзия за 30 лет: 1956 — 1986», где в разделе «Медный вск» промстилась главка «Настоящая советская поэзия», посвященная творчеству сгинувшего в лагерях В. Соколова и еще шестерых поэтов-«зеков». В Москве группа энтузиастов из бывших политзаключенных, сплотившихся в общество «Возвращение», издает серию сборников «Поэты — узники ГУЛАГа». В начале 90-х годов вышли малоформатные сборнички А. Цветаевой «Тетрадь Ники», В. Муравьева «Элегии и баллады», Т. Лещенко-Сухомлиной «Гитара» и др. Коллектив филологов Ивановского университета под руководством проф. Л. Таганова издал в 1992 году сборник избранных стихов А. Барковой с подзаголовком: «Из гулаговского архива» [1]. Тогда же в книгоиздательстве «Талка» появилась книга Таганова «Прости мою ночную душу», где рассказ о творчестве Барковой соединен с первой попыткой серьезного профессионального объяснения феномена «лагерной поэзии» [2].

В начале 1994 года усилиями И. Сиротинской в московском издательстве «Версты» вышел сборник стихов В. Шаламова «Колымские тетради» [3]. Шестью разделами в него вошли поэтические книги или «тетради», сформированные и прокомментированные самим автором: «Синяя тетрадь», «Сумка почтальона», «Лично и доверительно», «Золотые горы», «Кипрей» и «Высокие широты». В общей сложности сборник объединил около пятисот стихотворений, написанных на Колыме или восстановленных тогда же по памяти из числа более ранних, родившихся во время тюремно-лагерных скитаний поэта. Особую ценность первому в России полному собранию поэтического наследия Шаламова придают авторские комментарии. Они кратки, но удивительно емки и разнохарактерны содержанием: от субъективных авторских оценок — до принципиальных положений эстетического кодекса писателя.

И сборник «Из гулаговского архива» Барковой, и «Колымские тетради» Шаламова — крупные вклады в актуальную сегодня тему «Поэзия ГУЛАГа». Теперь, как могла бы еще раз сказать Т. Гнедич, воистину — «все для большого синтеза готово! Лагерная поэзия давно предвидела такую ситуацию и голосом В. Шаламова так ее возвещала:

*Тебе обещаю,
Далекая Русь,
Врагам не прощая,
Я с неба вернусь...*

*Нет участи слаще,
Желанней конца,
Чем пепел, стучащий
В людские сердца.*

«Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв», — завещал А. Пушкин поэтам всех времен и всяких судеб. Лагерная поэзия — действительно редкий и далеко не всем понятный феномен, секрет которого состоит в том, что «полузадущенные» поэты стремились по давним заветам издавать «сладкие звуки» и творить молитвы в аду. «Пробой подняться из гроба» назвал когда-то этот феномен погибший в ГУЛАГе поэт-лирик В. Соколов. Н. Гаген-Горн в недавно опубликованных воспоминаниях («Огонек», 1989, № 49) истолковала его таким образом: «Стих, как шаманский бубен, уводит человека в просторы Седьмого неба... Такие мысли, совершенно отрешавшие от происходящего, давали мне чувство свободы, чувство насмешливой независимости от следователя». Такого же рода отрешение, спасительное погружение в стихию поэзии начала века, в частности, в атмосферу брюсовской лирической метаистории, переродили поэзию А. Барковой. Из пролеткультовской мадонны, какую хотел видеть ее А. Луначарский, чтобы победно противопоставить другой, «чужой» Анне (Ахматовой), она стала поэтом, сохраняющим в гулаговской преисподней «тайну и веру» Себярянного века русской культуры.

Под таким углом зрения интересно посмотреть и на уникальное собрание колымских стихов В. Шаламова. В отличие от его же «Колымских рассказов» стихи эти названы колымскими в первую очередь по месту их рождения и, может быть, по тому глубинному подтексту, который обнажен в авторских комментариях к ним. Видимое же содержание этого собрания — торжество жизни, все ее краски и радости, но только — не ГУЛАГ и не Колыма. Укажем для начала на одну деталь, символизирующую эту отрешенность. В стихах Шаламова немалое место занял величавый образ сосны, символ жизнестойкости. В одном из комментариев поэт как бы вскользь оговорился, что образ этот чисто поэтический: на Колыме не растет сосна, — там господствует лиственница.

Идея «поэзии во спасение» («проба подняться из гроба») постоянно звучит в лагерных стихах Шаламова. Такова, например, тема стихотворения «Баратынский» из «Синей тетради», где речь идет о целительном влиянии на душу узника счастливо найденной в пустом доме книжки «вдохновенных стихов» позабытого поэта. Та же тема пронизала посвященный Б. Пастернаку отрывок поэмы «Поэту»:

*Я ел, как зверь, рыча над пищей...
Я пил, как зверь, лакая воду...*

*И каждый вечер в удивленье,
Что до сих пор еще живой,
Я повторял стихотворенья
И снова слышал голос твой.
И я шептал их, как молитвы,
Их почитал живой водой,
И образком, хранящим в битве,
И путеводною звездой...*

Поэзия, ее высший смысл, ее тайная сила — одна из постоянных тем «отрешенной», незлободневной колымской лирики Шаламова. Как предшественников-классиков Золотого и Серебряного веков, его занимала мысль об изначальной и вечной миссии Поэта — «посланца неба»: вдыхая «затхлый воздух мира», переплавлять его в живительный озон для многих:

*И, как источник кислорода,
Кустарник, чаща и трава,
Растут в ночи среди народа
Его целебные слова.*

*Он — вне времен. Он — вне сезона.
Он — как сосновый старый бор,
Готовый нас лечить озоном
С каких-то очень давних пор.*

(Стихотворение «Он из окна своей квартиры», включенное в тетрадь «Лично и доверительно»). Тот же смысл, только более определенно проецированный на лагерный быт, содержит стихотворение «Лиловый мед» из тетради «Златые горы». В автокомментарии стихотворение это названо «одним из лучших» в монолите «Колымских тетрадей»:

*Упадет моя тоска,
Как шиповник спелый,
С тонкой веточки стиха,
Чуть заледенелой.*

*На хрустальный жесткий снег
Брызнут капли сока,
Улыбнется человек,
Путник одинокий.*

*И, мешая грязный пот
С чистотой слезинки,
Осторожно соберет
Крашеные льдинки.*

Он сосет лиловый мед
Этой терпкой сласти,
И кривит иссохший рот
Судорога счастья.

Антиномия жизни и смерти всегда бывала активной темой поэта-лирика. В краю, где смерть ходила рядом и часто воспринималась как часмое избавление, эта тема стала особенно острой. Тайна жизнелюбия; сила, побуждающая человска жить и в аду, — занимали поэта Шаламова. Эти мысли вызвали к жизни стихотворение «Сосны срубленные» (тетрадь «Лично и доверительно») с его апофеозом посмертной судьбы:

Чем живут в такой вот час смертельный
Эти сосны испокон веков?
Лишь мечтой быть мачтой корабельной,
Чтобы вновь коснуться облаков!

Та же тема легла в основу стихотворения «Он пальцы замерзшие греет», про которое автор сказал: «Это — самое колымское мое стихотворение». Его лирический герой — поэт, который

...хочет постигнуть значение
Дыхания зимней реки.

И хриплым, отрывистым смехом
Приветствует силу свою.
Ему и мороз не помеха,
Морозы бывают в раю.

Секрет выживания, энергию противостояния злой воле искал поэт и в истории своей нации. На этот стержень нанизаны возникшие в разное время и попавшие в разные тетради исторические, или лучше сказать — метаисторические стихи: «Суриков. Утро стрелецкой казни», «Суриков. Боярыня Морозова» (из «Сумки почтальона»); «Аввакум в Пустозерске» (из «Златых гор»). Смысл обращения к историческим сюжетам сам поэт объяснил «пописками аналогий», достоверного и наглядного материала для выражения своих нынешних «симпатий и антипатий», а также «особенностей авторской биографии». Значимо и выразительно эти «особенности» заявили о себе в маленькой исторической поэме о протопопе Аввакуме. Комментируя ее, поэт категорично заявил, что образ непокорного протопопа в его произведении «отличен от канонического». Впрочем, он мог бы и не предупреждать об этом читателя, потому что отступления от канона декларированы в первых же строфах поэмы:

Сердит и безумен
Я был, говорят,

*Страдал-де и умер
За старый обряд.
Нелепостен этот
Людской приговор:
В нем истины нету,
И слышен укор.*

Дальнейшее развитие темы сливает исторический образ непокоренного бунтаря с теми, кто разделял судьбу автора:

*Нас гнали на плаху,
Тащили в тюрьму,
Покорствуя страху
В душе своему.
Наш спор — не духовный
О возрасте книг.
Наш спор — не церковный
О пользе вериг.
Наш спор — о свободе,
О праве дышать...
О воле Господней
Вязать и решать.*

В финале поэмы протопоп и ссыльный поэт уже в унисон говорят будущей свободной родине:

*Нет участи слаще,
Желанней конца,
Чем пепел, стучащий
В людские сердца.*

В удаленной от злобы дня, ориентированной на вечность поэзии Шаламова отчетливо просматриваются традиции классической поэзии. Почитаемые поэты Золотого века: Баратынский, Лермонтов, Тютчев, Некрасов — всегда где-то рядом. Тема лермонтовского «Паруса» слышна в стихотворении «Велики ручья утраты» («Златые горы»), а мотив «кремнистого пути» поэта — в стихотворении «Нынче я пораньше лягу» («Кипрей»). В стихотворении «Камея» («На склоне гор, на склоне лет / Я выбил в камне твой портрет») в качестве содержательного стержня зrimо проходит мотив некрасовских «декабристских» поэм («Дедушка», «Русские женщины») — о «чудесном влиянии любящей женской души» в невыносимой судьбе кандалыника:

*В страну морозов и мужчин
И преждевременных морщин
Я вызвал женские черты
Со всем отчаяньем тщеты.*

А в одном из двух стихотворений о поэзии (из тетради «Златые горы»), объединенных авторской оценкой: «...из моих самых любимых», — в стихотворении «У крыльца» получила развитие заветная тема «несжатой полосы». Здесь новой жизнью живет классический образ поэта-пахаря, поэта-селятеля «доброго, вечного»:

*У крыльца к моей бумаге
Тянут шеи длинные
Вопросительные знаки —
Головы гусиные...
Я и сам считаю пищей,
Что туда накрошено...*

*То, что люди называли
Просто — добрым семенем,
Смело сеяли и ждали
Урожай со временем.*

Если припомнить кстати, что этот некрасовский образ красной нитью прошел и через классику Серебряного вска (А. Ахматова, Н. Гумилев, М. Цветаева и др.), то станет очевидным, в русле каких сложившихся традиций и развивающихся тенденций сформировалось и возвращается к нам сегодня творчество талантливого поэта-земляка Варлама Шаламова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Баркова Анна. Избранное: Из гулаговского архива. Иваново, 1992.
2. Таганов Леонид. «Прости мою ночную душу...»: Книга об Анне Барковой. Иваново, 1993.
3. Шаламов В. Колымские тетради. М., 1994. Стихи Шаламова цитируются по этому изданию с указанием в скобках раздела («тетради») сборника.

М. А. Вавилова

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА (Сказочная коллекция М. Б. Едемского)

Михаил Борисович Едемский (1870-1933), уроженец Кокшеньги Тотемского уезда Вологодской губернии, крестьянин по происхождению, учитель и геолог-палеонтолог по образованию, этнограф и фольклорист по призванию, с 1893 года, времени первой публикации в «Живой старине», в продолжение всей своей жизни собирал фольклор родного края. В отличие от приезжих собирателей, записывал фольклор в процессе его естественного бытования. Длительность наблюдений (35-40 лет), один регион (Кокшеньга)

га), постоянный круг информантов позволили М. Б. Едемскому зафиксировать почти полувековой слой фольклорной культуры, в котором отразились процессы эволюции народных традиций, их роль в крестьянском быту, механизм воспроизведения фольклора, процессы урбанизации крестьянского быта и, как следствие, появление новых, инстрадиционных форм народного творчества. Как и многие краеведы, Едемский идеализировал крестьянскую общину. Крестьянская жизнь представлялась ему единым законченным обрядом, в котором не было ничего лишнего. Это определяло тот широкий этнографический контекст, в котором одинаково важны были для собирателя и песни, и сказки, и типы народных построек, и история края, и обрядовое и праздничное пивоварение, и многое другое. Знание народного языка, быта, народной среды сделали из Едемского, по верному замечанию академика С. Ф. Ольденбурга, «превосходного собирателя и записывателя» [1], свободно проникающего в народную творческую лабораторию.

М. Б. Едемский не был теоретиком, он был описывателем, но изучение его печатных и архивных материалов дает возможность воссоздать логику его наблюдений, которой он следовал в практической работе.

Систему фольклорно-этнографических взглядов М. Б. Едемского и методику его работы можно убедительно показать на записях сказок, которые преобладают в коллекции М. Б. Едемского. В течение полувека менялись и взгляды, и методика работы, и, по-видимому, научные выводы, которые мы делаем за Едемского.

Отчетливо выделяются три этапа в его эволюции. На первом этапе, до 1917 года, методология и методика его собирательской деятельности целиком определялись позициями «Живой старины», ориентирующей на запись «старинных», еще не исчезнувших из народной памяти и бытования сказок. Едемский записывает сказки выборочно, от лучших исполнителей, у которых «чувствуется преданность эпическому тону» [2].

В «Живой старине», посвященной братьям Гримм, опубликованы его «Семнадцать сказок Тотемского уезда», записанные в 1905-1908 годах. Четырнадцать сказок записаны от одного информатора — крестьянина 70 лет Михаила Дмитриевича Третьякова. Три других сказки помещены для сравнения. По мнению М. Б. Едемского, они «испорчены соединением многих сюжетов в один рассказ» [3]. Рукопись сказок Мины Шабунина (1914-1916 гг.) была подготовлена М. Б. Едемским к изданию как очередной выпуск вологодских сказок, но, к сожалению, затерялась и была обнаружена только в 1929 году [4]. Мина Шабунин — сказочник из Тотемского уезда с прекрасным «волшебным» репертуаром, сказки записаны с соблюдением диалектных особенностей речи и вполне соответствуют представлениям собирателя о «старинной» сказке.

На поиск «старинной» сказки ориентирует М. Б. Едемский и своих корреспондентов. В 1914 году он получает 19 сказок от Х. А. Шерстенёвой. Рукопись отвечает всем предъявленным требованиям — образцовая запись с соблюдением диалектных особенностей, «старинные» сказки, хорошие рассказчики. Большинство сказок принадлежит одному сказочнику — В. Г. Овсянникову [5]. Информаторами М. Б. Едемского в этот период выступают в основном люди преклонного возраста: А. М. Двойнишникова 92 лет,

М. Г. Бритвина 76 лет, Ф. В. Шалаевский 60 лет и другие, по словам собирателя, «истинные сказочники». Биографических зарисовок Едемский, как правило, не делает, ограничиваясь лишь несколькими штрихами. О М. Г. Бритвиной: «Крестьянка. Своего хлеба достает на год. Лет ей 76. Неграмотна. Живет постоянно дома» [6]. О Ф. В. Шалаевском: «Сказки свои считает бывальщинами и рассказывает их далеко не каждому, боясь, чтоб его сказки не извратили и не переделывали. Он считает себя хорошим сказочником и нередко говорит о своих сказках с большой похвальбой: «Таких сказок мало кто нынче знает» [7].

М. Б. Едемский сознательно не записывает сказки, которые «по содержанию и по манеру» были недостаточно старыми. Он разделяет сказочников на две группы: первая — «старики и старухи, которые любят старые наиздательные сказки, передают их без вольностей, не нарушают канон»; вторая — «сказочники-балагуры», которых М. Б. Едемский активно не любит за то, что они комментируют сказку, сравнивают сказочные эпизоды с событиями окружающей жизни [8], разрушают традиции. Процесс угасания и распада народных традиций М. Б. Едемский связывает с движением цивилизации. Во время поездки в Олонецкую губернию, проезжая по Марийской системе, он обнаруживает в районе канала полный распад сказочной традиции. «Здесь сказку не знают. У нас этим не занимаются», — цитирует он ответ собеседника-крестьянина. «Сказку «Лопоток» никто не мог окончить», — замечает с горечью М. Б. Едемский. Поэтому «нужно искать, что сохранилось от старины, нужно спешить, так как перемены в укладе жизни народной приводят к утрате старины!» [8].

И Едемский спешит. Он привлекает к собирательской работе большой круг корреспондентов: сельских учителей, учеников гимназии, грамотных крестьян, своих многочисленных родственников. Один из них, А. В. Едемский, пишет собирателю: «Извините, Михайла Борисович, ошибок много. Царь — Горюн, а не Голин, ошибка моя. Я не дочюв. Мало писал — то торопился, в простые дни не удавалось, недосуг, в праздники отдохнуть охота. Посылаю Вам три сказки, в прошлый раз три посыпал с Вашим крестником» [9].

Подводя итог собирательской работы М. Б. Едемского в этот период, можно утверждать, что у него в руках была большая коллекция сказок, которые предположительно он хотел издать выпусками, сосредоточив комментарии в последнем. В 1905-1908 годах записано 17 сказок, в 1913 — 3, в 1914 — 25, в 1915 — 3, в 1917-1918 — 28. Итого 80 сказок. Все это дало полное основание С. Ф. Ольденбургу, председателю Сказочной комиссии, заявить: «Готовы к печати, но не могут теперь же по недостатку средств быть изданы следующие сборники великорусских сказок: вологодских — М. Б. Едемского, тамбовских — Н. Ф. Познанского, псковских — Н. Г. Козырева» [10, с. 34].

Период с 1919 по 1923 годы в фольклорно-этнографическом плане был малопродуктивен по количеству записанного материала, но интересен в плане новых подходов к собирательской работе и осмысливанию собранного фольклорного материала. Это были трудные годы в жизни М. Б. Едемского. Помимо трудного материального положения, незддоровья, безработицы, он испытывал постоянное раздвоение: его влечет и геология, и краеведение. Он

еще продолжает активно работать в РГО, составляет предметный указатель к сказкам А. М. Смирнова [11], но в то же время дважды в год участвует в геологических экспедициях на Севере. До 1921 года записей сказок в архиве нет. После экспедиции от государственной академии материальной культуры с этнографическими целями в Новгородскую, Рыбинскую и Псковскую губернии в 1921 году в архиве появляются полевые записи сказок: из Новгородской губернии — 5, из Рыбинской — 55, из Псковской — 3. От некоторых информаторов сказки записаны не до конца, а лишь указан репертуар. Любопытно, что сказочник с большим репертуаром — 26 «старинных» сказок — не привлек внимания Едемского.

Небрежность в работе не характерна для Едемского. Обычно все записанное он сразу же обрабатывал, готовя к печати. Остается предположить, что Едемский или был ограничен во времени, или его не особенно интересовал этот регион, или сказочник с большим репертуаром был сказочником-книжником («Ерусалан Лазаревич», «Бова королевич», «Аленький цветочек», «Как мужик поймал золотую рыбку в море» и др.).

Но есть и другие наблюдения. При прочтении архива этих лет обращает на себя внимание новая методика работы: Едемский переходит к безвыборочной записи, которая позволяет представить сказочный репертуар региона не в лучших образцах, а в полном объеме, что дает возможность сделать выводы о дальнейших тенденциях его развития. Отсюда и интерес к рядовому сказочнику, информатору с небольшим репертуаром, к информаторам разного возраста: это Ваня Субботин 12 лет, Михаил Бишуев 16 лет, Михаил Ведюков 18 лет, Михаил Молодцов 20 лет, К. Малюков 77 лет, А. Денисов 75 лет, слепой В. Г. Трушкин 66 лет и др. [12].

За этот период записано 63 сказки, но записи конспективны, не переписаны, к публикации не готовы.

Третий период собирания сказок можно датировать 1924–1933 годами. Едемский продолжает работать на два фронта. Ежегодно он бывает в геологических экспедициях, пишет и публикует около 80 работ по геологии, среди которых: «Атлас руководящих ископаемых» (Л., 1932), «Полезные ископаемые северного края» (М.; Л., 1932), «Геология и полезные ископаемые северного края» (Архангельск, 1934) и др.

30 мая 1924 года возобновляет работу «Сказочная комиссия», и М. Б. Едемский принимает в ее работе активное участие, присутствует на всех ее заседаниях. В работе «Сказочной комиссии» 1924–1927 годов, помимо старых ее членов периода 1913–1916 годов (С. Ф. Ольденбург, П. К. Симони, Д. К. Зеленин, В. И. Чернышев, М. Б. Едемский), начинают сотрудничать молодые и талантливые этнографы и фольклористы: В. Я. Пропп, А. И. Никифоров, Д. А. Золотарев, О. И. Капица, Н. М. Элиаш, М. М. Серова — всего около 30 человек, которых интересует не только процесс накопления материала, но и его теоретическое осмысление. М. Б. Едемский, судя по протоколам этой группы, на заседаниях присутствует, но в обсуждениях теоретических вопросов участия не принимает. Он остается полевым работником, а в теории — на уровне любителя, хотя в научной интуиции ему трудно отказать. В практической работе он выходит на принципиально новый путь: начинает записывать сказки в семье, стремясь охватить все ее

поколения. Интуитивно он подходит к теоретической проблеме воспроизведения фольклорных традиций, которая, кстати сказать, не решена до сих пор, потому что методология собирательской работы практически отсутствует. «Семейным сказочникам», а это «каждая мать или отец», «бабушка или дедушка», он уделяет все свое внимание и настоятельно убеждает своих корреспондентов: «Эта категория рассказчиков должна быть учтена в первую очередь» [13]. Свою идею он реализует в огромной семье Едемских. В семье брата, Сергея Борисовича Едемского, он записал 22 сказки: от детей, Паши и Поликсены (2), от своей матери Анны Федоровны и ее сестры Александры Федоровны, которые нянчились с детьми брата. От матери Едемских первые сказки были записаны А. В. Едемским в 1913 году, когда ей было 50 лет. Это были «старинные сказки», которые в то время интересовали Михаила Борисовича. В 1924 году от нее же записано 14 сказок из репертуара «няньки»: «Волк и семеро козлят», «Про козу луплену», «Про лениву девушку» и другие, которые она рассказывала внукам.

В этом же 1924 году были сделаны записи в семье Вячеславовых от Степана Федоровича («Галка») 63 лет, его сестры Ирины Федоровны, племянника Алексея Михайловича 34 лет. В этой родственной группе записано 17 сказок. Прекрасным волшебным репертуаром владеет Степан Федорович, Ирина Федоровна знает только сказки «нянькины» («Дрозд, конопляный хвост», «Глиняшко» и др.). Племянник не унаследовал семейной традиции. От него очень конспективно записаны только две сказки.

Третья семья — Горынцевых? (Горбищевых?) передала собирателю 11 сказок. Глава семьи Борис хорошо знает авантюрные сказки типа «Ловкий вор» (1525), жена Анна Ивановна рассказывает плохо, конспективно пересказывает репертуар мужа (1525 Е). Татьяна — (дочь?) знает только бывальщины.

К сожалению, М. Б. Едемский не довел до конца эту плодотворную работу, архив обрывается 1924 годом.

Эту продуктивную идею продолжит, может быть, до нее дойдя самостоятельно, А. И. Никифоров, собирая в течение трех лет методом безвыборочной записи сказки на Севере (Пинега, Мезень).

Семейным сказочникам М. Б. Едемский противопоставлял сказочника-общественника, который рассказывает сказки «случайным людям». В архиве есть пометка о встрече его со сказочником Малаховым, о котором односельчане отзывались как о большом мастере: «Одну сказку сказывает — пять верст назад и вперед успеешь сходить. Вот башка!..» В его доме собиралась молодежь, «вечерушки» устраивали, рассказывали сказки, особенно те, кто был в городе [14]. К сожалению, этот тип сказочника не вписывался в концепцию собирательской практики М. Б. Едемского.

Таким образом, все его наблюдения сводятся к одному: сказка уходит из активного бытования. Молодежь ориентируется на другой тип культуры. И если сказка бытует, то только в детской аудитории, как «нянькина» сказка.

По-прежнему ищет М. Б. Едемский ответ на вопрос о причинах угасания сказочных традиций. «Интерес к сказке в народной среде заметно пошел на убыль, — подводит он грустный итог своей собирательской деятельности. — Молодежь стремится в город, городской костюм начинает теснить деревен-

ский, на смену хороводу приходит кадриль, вечеркам, беседам — кинематограф, футбол, комячейка» [15]. Едемский совершенно справедливо ставит изменение фольклорного сознания в прямую зависимость от социальных процессов. Но чувствуется, что он не принимает изменения роли фольклора в контексте современной культуры.

На этом можно было бы окончить описание сказочной коллекции М. Б. Едемского. Но есть в его архиве несколько загадочных моментов, на которые я не могу дать ответа. В архиве Едемского записи сказок обрываются в 1924 году. Записывал ли он сказки в последующие годы? Напомню, что он умер в 1933 году. В отчетах «Сказочной комиссии» он называет еще 55 номеров сказок, указывает их нумерацию по системе Аарне-Андреева, называет информаторов, от которых сказки записаны. Это 12 сказок от Анастасии Степановны Шатровой. Называет 27 номеров сказок, присланных ему корреспондентами-учителями А. М. Басовой и М. И. Романовым, 15 номеров, записанных им самим в Архангельской губернии. Но в архивах этих сказок нет.

В «Перечне главнейших научных трудов М. Б. Едемского» [16], подготовленных им самим в 1933 году (в год смерти), указаны как сданные в печать в 1929 году сборники: «Кулойские сказки и сказочники», «Сказки в городе», «Сказки-басенки. Сборник народных сказок для детей». Этих сборников в архивах также нет. Но на этом загадки не кончаются. В том же «Перечне главнейших научных трудов» есть приписка: «Переписано для печати более 500 страниц вологодских сказок... На руках имеются обширные материалы по русской народной сказке...» [17].

Судьбу перечисленных Едемским сказочных сборников установить не удалось. В том, что они были, вряд ли стоит сомневаться: Едемский, по свидетельству всех, знавших его (академик С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов, Д. К. Зеленин и др.), характеризуется как честнейший, страстно любивший свое дело практический и научный работник. Вряд ли он стал бы заниматься приписками, тем более, что по итогам Кулойской экспедиции есть достаточно подробный отчет; детским фольклором и сказками он интересовался, изучая фольклорный репертуар семьи. Сказки, бытовавшие в городе, он приписывал, по-видимому, «сказочникам-общественникам», на репертуар которых влияла книга.

Вторая загадка связана со сборником вологодских сказок «в пятьсот страниц». Дело в том, что об этом сборнике, как уже готовом к печати, С. Ф. Ольденбург писал еще в 1916 году, хотя в то время на руках у Едемского было около сотни сказок, из которых только половина была переписана. Уверенность в существовании «готового к печати» сборника под названием «Сказки на Севере» со вступительной статьей «Сказка в обряде» подтвердил в некрологе на смерть М. Б. Едемского Н. Е. Ончуков, а позднее в учебник по фольклору эту информацию внес Ю. Н. Соколов [18]. Так в науку вошла версия о готовом сборнике. И хотя его никто не видел, сомнений не было, что он есть. Едемский собирали сказки около 20 лет, постоянно отчитывался о своей работе. По архивным и печатным источникам (до 1927 г.), у него на руках было около трехсот сказок (по моим подсчетам — 282). И тем не менее готового к печати сборника не было. Привожу документ, который убеждает

в этом. В 1925 году М. Б. Едемский, по-видимому, решил издать сборник вологодских сказок. Вступительная статья, вероятно, обговаривалась в «Сказочной комиссии». Но вряд ли это была статья теоретическая. Для Едемского «обряд» — вся крестьянская жизнь. Смысл статьи мог сводиться к выявлению функции сказки в крестьянском быту. В архиве много наблюдений именно на эту тему, без каких-либо теоретических рассуждений в духе В. Я. Проппа или А. Н. Никифорова, его коллег по работе в «Сказочной комиссии».

11 декабря 1925 года М. Б. Едемский обращается к С. Ф. Ольденбургу, председателю «Сказочной комиссии», с письмом, которое рассказывает все сомнения по поводу существования сборника. Привожу его полностью.

«Глубокоуважаемый Сергей Федорович! В 1916 году мною передана была Вам лично, как председателю «Сказочной комиссии», в присутствии покойного академика А. А. Шахматова, в кабинете непременного секретаря Академии наук, тетрадь приготовленных к печати, в первом выпуске предполагавшегося сборника вологодских сказок, записанных мною, сказок Мина Шебунина, кр. д. Маркушевской Тотемского уезда; в тетради около 80 стр. 1/2. В настоящее время (т. е. в 1925 г. — *M. B.*), стремясь собрать и привести в порядок мои записи народных сказок, я обращаюсь к Вам с усерднейшей просьбой: не найдется ли Вы возможным принять меры к отысканию названной тетради, заключающей весьма ценные сказки, присоединение которых к моему собранию, имеющемуся у меня на руках, является крайне желательным.

Искренне уважающий и преданный Вам М. Едемский». [19].

Рукопись к Едемскому не попала. На первой странице неизвестно кем написано: «Передать С. Ф. Ольденбургу». Даты нет. Вторая приписка карандашом сделана 29. 11. 1929 года (!), спустя 13 лет после ее передачи адресату. Ольденбург наложил резолюцию: «Напечатать или дать в обзоре». Но ни то, ни другое сделано не было.

А теперь сопоставим даты. В 1916 году о рукописи говорили как о готовой. Но Едемский готовил к печати только «первый выпуск» (12 сказок). 1925 год — снова возникает идея издания сборника. Письмо Ольденбургу. Нет ответа. Нет рукописи. 1929 год — рукопись обнаружилась, но нашла ли она Едемского, сказать трудно. В «Перечне» трудов, в разделе «Сданы в печать» она не значится.

Много лет изучая архив Едемского, я поняла его логику, принципы его работы. Попытаемся перенести это на конкретный материал и составить за М. Б. Едемского и вместе с ним этот сборник — «Сказки на Севере» — сто лучших сказок из его коллекции.

I часть. «Старинные» сказки лучших сказочников Севера.

1. Сказки М. Д. Третьякова (12).
2. Сказки Мина Шебунина (12).
3. Сказки В. Г. Овсянникова (19).
4. Сказки Платона Кузьминского (5).
5. Сказки Двойнишниковой (4).

II часть. «Семейные сказки русского Севера»

1. Сказки семьи Едемских (22).
2. Сказки семьи Вячеславовых (13).
3. Сказки семьи Горбищевых (11).

На основании изучения сказочной коллекции М. Б. Едемского можно сделать несколько выводов о характере бытования сказки на Севере в 1905-1927 годах. Некоторая изолированность ~~край~~ явилась одним из условий «консервации» волшебной сказки, которая, судя по записям, составляла в этом регионе 70-75 процентов всего сказочного репертуара, хотя в какой-то мере преобладание «волшебного» репертуара объясняется и пристрастиями собирателя.

Перечень популярных сюжетов также подтверждает хорошую сохранность волшебной сказки: № 300 — «Бой на Калиновом мосту», № 301 — «Три царства», № 302 — «Кащеева смерть», № 313 — «Отдай то, чего дома не знаешь», № 315 — «Звериное молоко», № 325 — «Хитрая наука», № 327 — «Дети у Бабы Яги», № 555 — «Коток — золотой лобок», № 567 — «Сивко-Бурко», № 541 — «Одноглазка, двухглазка, трехглазка», № 560 — «Волшебное кольцо», № 706 — «Безручка», № 707 — «Чудесные дети», № 875 — «Мудрая жена», № 955 — «Жених-разбойник», № 1360 — «Гость Терентий», № 1380 — «Никола Дупленский», № 1528 — «Сокол под шляпой», № 1535 — «Дорогая кожа», № 1538 — «Мужик мстит барину».

Во времена Едемского в Кокшеньге сказка пользовалась популярностью в двух аудиториях: в семье и на «вечеринках». Тем не менее, несмотря на перечисленные выше благоприятные условия, способствовавшие сохранности традиций, сказка была обречена на угасание и забвение. К этому выводу приходил и сам Едемский, видя в разрушении «обряда» крестьянской жизни цивилизацию и тягу молодежи к «городскому костюму, кинематографу», т. е. к новым формам культуры. К такому выводу приходим и мы, изучив репертуар возрастных групп и качество записанных от них сказок. Возраст рассказчиков с хорошим репертуаром — 65-90 лет. В репертуаре старого рассказчика — 5-10 сказок. Рассказчики среднего возраста (30-40 лет) знают 2-3 сказки. Как правило, все они переданы конспективно. Репертуар молодежи однообразен, и в художественном отношении эти сказки несовершенны. Таким образом, исчезает механизм воспроизведения традиции.

Правомерность выводов ученого-краеведа подтвердили экспедиции филологического факультета Вологодского пединститута «по следам М. Б. Едемского», организованные в 60-х — 80-х годах. Мы встретили людей, помнивших Едемского, гордившихся своим земляком, записали рассказы-воспоминания о нем от учительницы Спасской восьмилетней школы Тарногского района Т. А. Соколовой. В 60-х годах мы сделали повторные записи многих жанров, но сказок было мало, и в основном бытowała «семейная сказка», т. е. сказка для детей, «нянькина». Из интересных сказочников встретился только один, 60-летний А. Едемский, репертуар которого состоял из сюжетов с ярко выраженной тенденцией «осовременивания» сказки, желанием привязать ее к какой-либо житейской ситуации. Пользуясь терминологией М. Б. Едемского, это был тип «сказочника-общественника». В 80-е годы записать сказки уже не удалось. Молодые бабушки на просьбу расска-

зать сказку предлагали прочитать сказку из какого-либо сборника или пересказывали книжные варианты. М. Б. Едемский очень верно определил тенденции развития сказочного жанра.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив ЦГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Ед. хр. 23.
2. Семнадцать сказок Тотемского уезда // Живая старина. СПб., 1912. Вып. II-IV. С. 221-258.
3. Архив РГО. Ф. 1-1858. Р. 7. Оп. 4. № 105. 74 лист (12 сказок). Из этого собрания опубликованы две сказки: «Про царя Всццора» и «Крылья» // Сказки, песни, частушки Вологодского края. Северо-Западное книжное издательство, 1965. С. 241-244.
4. Архив ЦГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Ед. хр. 93; Архив ГЛМ. Ф. 4385. Оп. 3888. Ед. хр. 2/а.
5. Архив ГЛМ. Ф. 4385. Инв. № 4.
6. Архив ГЛМ. Ф. 4385/9. Инв. № 5.
7. Архив ГЛМ. Ф. 4385/16. Инв. № 1.
8. Архив ГЛМ. Ф. 4385/13. Инв. № 1.
9. Архив ГЛМ. Ф. 4385/13. Инв. № 7.
10. Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XIV. 1916, август. С. 34.
11. Под ред. А. М. Смирнова по решению «Сказочной комиссии» был издан «Сборник Великорусских сказок архива Русского географического общества» (Пг., 1917. Т. I-II), поступивших в архив и не вошедших в собрание А. Н. Афанасьева. Третий том, в который, помимо сказок, должны были войти комментарии, над «Предметным указателем» которых работал М. Б. Едемский, не был издан.
12. Архив ГЛМ. Ф. 4385. Оп. 3888. № 5, 8, 15, 25.
13. Едемский М. Б. О собрании русских народных сказок // Сказочная комиссия в 1924-1925 гг. Л., 1926. С. 43.
14. Архив ГЛМ. Ф. 4385. Оп. 3888. Ед. хр. 17.
15. Этнографические наблюдения в Пинежском крае // Север. 1923. № 3-4. С. 197-214.
16. Архив ЦГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Ед. хр. 2.
17. Там же. Ед. хр. 3.
18. Ончуков Н. Е. М. Б. Едемский. Некролог // Советская этнография. 1934. № 1-2. С. 233. Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941. С. 300.
19. Архив АН СССР (Ленинградское отделение). Фонд С. Ф. Ольденбурга. № 208. Оп. 2. Ед. хр. 119. Лист 7 (1928).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

ГЛМ — Государственный литературный музей.

РГО — Русское географическое общество.

А. М. Микешин

«Клюев — большое событие в моей осенней жизни» (из переписки Клюева с Блоком)

Изучение взаимоотношений двух больших художников (особенно если они носят динамичный и неоднозначный характер) позволяет не только выявить творческие индивидуальности каждого из них, но и выводит исследователя на какие-то магистральные тенденции и «силовые линии» литературного процесса тех лет. Именно так обстоит дело с перепиской Николая Клюева и Александра Блока.

Эпистолярное общение двух поэтов продолжалось недолго — с 1907 по 1913 гг. Письма Блока, к сожалению, утрачены. Видимо, они погибли в Вытегре вскоре после революции. К. Азадовский предполагает, что их было не менее 13 [1, с. 427]. Письма Клюева (44 письма) сохранились. Но на протяжении нескольких десятилетий они находились под запретом, были «закрытыми» и, следовательно, недоступными для исследователей. Опубликованы были письма только в 1987 г. Десятилетием раньше (1977) вышел первый после гибели поэта сборник его стихотворений и поэм в малой серии «Библиотеки поэта».

Сам Клюев не терял веры в то, что «в 99-е лето заскрипит заклятый замок, и взбурлят рекой самоцветы ослепительных вещих строк» [2, с. 151]. Поэт ошибся на два десятилетия. С конца 70-х годов творческое наследие Клюева снова возвращается к своему читателю. Обогащаясь все новыми публикациями, оно прочно входит в нашу духовную жизнь.

Переписка Клюева и Блока уже привлекала внимание исследователей. Наиболее значительными, на наш взгляд, работами на эту тему являются две (и обе они принадлежат известным «клюевоведам»): «Олонецкий крестьянин и петербургский поэт» В. Базанова [3] и вступительная статья к публикации клюевских писем К. Азадовского [1, с. 427-462]. «Письма Клюева — его дневник, его философия, этика и эстетика, его исповедь» [1, с. 47], — резюмирует В. Базанов.

Большинство клюевских писем написано из деревни Желвачево (у Клюева — «Жельвачева») Вытегорского уезда Олонецкой губернии (ныне — Вологодской области), расположенной у реки Андомы и состоявшей из 8 дворов. «Деревня наша глухая, от города далеко, да в нем у меня и нет знакомых, близко стоящих к литературе» [1, с. 462], — сообщал Клюев Блоку в письме, написанном в начале октября 1907 г. 9 октября Блок информировал мать, что получил «очень трогательное письмо от крестьянина Олонецкой губернии» [4, т. 8, с. 215]. Что же тут было «трогательного»?

Письмо написано по совету товарищей в дни, когда над Клюевым нависла угроза солдатчины. Один из его товарищей был в Питере «по лесной надобности» и привез томик «Нечаянной Радости», в котором целыми были только два раздела («Нечаянная Радость» и «Ночная Фиалка»). Примечательно, что Клюев выступает здесь не только от своего имени, но и от лица целой группы

крестьян: «Мы, я и мои товарищи, читаем Ваши стихи. Нам они очень нравятся. Прямо-таки удивление. Читая, чувствуешь, как душа становится вольной, как океан, как волны, как звезды, как пенный след крылатых кораблей. И жаждется чуда прекрасного, как Свобода, и грозного, как Страшный Суд» [1, с. 462].

Начинающий крестьянский поэт сознательно «прибедняется», подчеркивая свою «исобразованность» перед лицом «городского барина»: «Я человек малоученый — так понимаю Вас, — и рад, и счастлив возможности передать Вам свое чувствование. Многое у Вас хотелось бы спросить...» [1, с. 462]. Письмо проникнуто преклонением перед известным поэтом и его стихами.

Второе письмо (вторая половина октября — первая половина ноября 1907 г.) — ответ на блоковское послание и присылку «Нечаянной Радости». Только теперь Клюев смог полностью прочитать сборник: «Я получил Ваше дорогое письмо и «Нечаянную Радость», умилен честью, которую Вы оказали мне, Вашей сердечностью ко мне, так редко видящему доброе человеческое отношение. В лютой нищете, в темном плену жизни такие переживания, какие Вы доставили мне, — очень дороги. Благодарю Вас!» [1, с. 465].

Однако в этом письме Клюев уже чувствует себя более раскованным, независимым и откровенным. Он словно спешит поставить все точки над «и», решительно отмежевываясь от «холопской верности нянь или денщиков, уже достаточно развращенных господской передней». Клюев рассказывает, как оценивают крестьяне стихи из «Нечаянной Радости». Хвалят только двое. Остальные настроены критически: стихи-де написаны «от безделья», автор — «комнатный поэт», который «свихнулся не на то», многие слова непонятны, стихи П. Якубовича «лучше» — «за сердце щиплют» и т. п.

Клюев в своем письме отстаивает свое «мужицкое» первородство не только в жизненной сфере, но и в сфере творчества. С новокрестьянской позиции он «дерзко», по его же признанию, заявляет, что, если бы у крестьянских поэтов-самоучек «было время для рождения образов», они не уступали бы блоковским — так много в груди мыслей и чувств, слез и надежд. Но «господа» по-прежнему их чуждаются (к ним он относит и Блока), смотрят на крестьянских поэтов с «глубоким презрением и чисто телесной брезгливостью». Крестьянин платит им той же монетой — «завидует и ненавидит», хотя и понимает, что без них пока не обойтись. «О, как неистово страданье от «вашего» присутствия... Сознание, что без «вас» пока не обойдешься, есть единственная причина нашего духовного с «вами» несближения». Клюев считает, что бегство крестьян «в скиты», «в леса», «в пустыни» — «показатель упорного желания отдалиться от духовной зависимости, скрыться от дворянского вездесущия» [1, с. 466]. И он напоминает Блоку, что уже Никитин, Суриков, Некрасов начали понимать это «духовное несближение» как «горегореваньице», как «кручинушку злую, беспросветную».

Клюев убежден, что «прозревающих» в среде интеллигенции — единицы, да и тем он не очень доверяет. Блок в его глазах — один из «прозревших», но еще не до конца «переделавших» свою натуру: «Так, как говорите Вы, может говорить только тот, кто не подвел итог своему миросозерцанию» [1, с. 466]. В последнем суждении Клюев проявил глубокую проницательность. Он почувствовал, что Блок находится на распутье — отрекается от прошлого,

ищет новых путей, в том числе путей сближения с народом, но еще далек от этой цели.

В клюевском письме Блок услышал «голос из народа» (вскоре Клюев именно так назовет цикл своих стихотворений). Письмо окажетсяозвучным многим мыслям, сомнениям иисканиям самого Блока. Он еще более утверждается в мысли, что между интеллигенцией инародом — «пропасть», «рековая черта», что это — два стана, чуждых идаже враждебных друг другу. Письмо показалось ему настолько значительным, что оно было им опубликовано почти полностью в статье «Литературные итоги 1907 г.» («Золотое руно», 1907, № 11-12) ибыло там названо «документом большой важности» [4, т. 5, с. 213]. Статья, разруганная В. Розановым иД. Философовым, была полна горечи и боли за современную интеллигенцию России, запутавшуюся в религиозно-философских спорах исоступлением реакции снова забывшую о народе. А по поводу клюевской критики в свой адрес Блок написал: «Что можно ответить икак оправдаться? Я думаю, что оправдаться нельзя, потому что вот так, как написано в этом письме, обстоит дело в России, которую мы видим из окна вагона железнодороги, из-за забора поместья сада...» [4, т. 5, с. 214].

Далее в переписке Клюева иБлока наблюдается большой перерыв, связанный, видимо, с«солдатчиной» Клюева и некоторыми другими причинами. Многие клюевские послания той поры — это скорее краткие записи сугубо делового характера, отличающиеся поразительным лаконизмом (19 февраля, 16 мая, еще одно майское, 6 июня, июльское илиавгустовское, 1 сентября, середины сентября, 30 сентября 1908 г.).

В одно из писем (от 1 сентября 1908 г.) Клюев вкладывает адресованную В. Миролюбову, редактору «Журнала для всех», статью «С того берега», в которой давались ответы на его вопросы — онастроениях крестьян, об отношениях к царской власти, об их кругозоре (к примеру: знают ли они, что такая республика). Клюев давал здесь характеристику жизни олонецкого крестьянства: голод, нехватка хлеба, поборы, притеснения начальства и полиции, пьянство, замкнутость деревенской жизни, всевозможные слухи, социальные утопии, деревенский фольклор ит. п. «Только два-три искренних, освященные кровью слова революционеров неведомыми, неуслыхимыми путями доходят до сердца каждого, находят готовую почву и глубоко пускают корни». Главное же «слово» революционеров, привлекающее к ним сердца крестьян, гласит: «Земля есть достояние всего народа». Клюев приводит в статье записанные им частушки о «любви святой», «кровью политой», «о ножиках литых», о каторге за неуважение к начальству и за «книжку-складенец» [5, с. 22-26]. Будучи под надзором местных властей и опасаясь «любопытствующего начальства», Клюев просит Блока переслать это письмо Миролюбову в Париж. А в следующем письме (середина сентября 1908 г.) он признается, что «со страхом и трепетом» ждет, как оценит статью Миролюбов: «Не хотелось бы мне брать на себя ничего подобного, так я чувствую себя лживым, порочным — не могующим и не достойным говорить от народа. Одно и утешает меня, что черпаю я все из души моей, — все, о чем я плачу и вздыхаю, и всегда стараюсь руководиться сердцем, не надеясь на убогий свой разум-обольститель» [1, с. 474].

Статья Клюева поразила и взволновала Блока. Он спешит сообщить о ней друзьям. 13 сентября он уже пишет Е. Иванову из Шахматова: «Если бы ты знал, какое письмо было на днях от Клюева (олонецкий крестьянин, за которого меня ругал Розанов). По приезде прочту тебе. Это — документ огромной важности (о современной России — народной, конечно), который еще и еще утверждает меня в моих заветных думах и надеждах» [4, т. 8, с. 252]. 18 сентября 1908 г. Блок сообщает Г. Чулкову: «Получил поразительную корреспонденцию из Олонецкой губернии от Клюева. Хочу прочитать Вам» [4, т. 8, с. 254].

Блок не только оставил себе копию этого письма, но и частично использовал его в своей статье «Стихия и культура» («Наша газета», 6 января 1909 г.). Это был доклад, сделанный им в том самом Религиозно-Философском Обществе (30 декабря 1908 г.), о котором он так неодобрительно отзывался в статье «Литературные итоги 1907 г.».

Опираясь на клюевское письмо, а отчасти и на собственные наблюдения над жизнью России, Блок делал здесь вывод о том, что Россия переживает «страшный кризис», что приближается социальный катаклизм и что «стихия» — с народом. В конце статьи Блок ставит волнующий его вопрос: какова же та огневая стихия, о которой рассказывает олонецкий «крестьянин, рисующий настроение одной из северных губерний», — разрушительная или очистительная? Он не дает ответа, ибо не знает его. Но уверен в одном: «В сердце нашем ужс отклонилась стрелка сейсмографа» [4, т. 5, с. 359]. Иными словами, землетрясение близко.

Принципиальный интерес для нас представляет собой письмо Клюева, написанное в конце октября 1908 г. Оно исполнено нескрываемой ненависти к «господам» из интеллигенции, которые считают себя «солью земли», но «не устраниют лжи жизни — безобразия отношений человеческих, а прекрасному даже вредят». Для многих из них характерно «барское отношение к простому человеку»: «Обидно, что люди, считающие себя лучшими в царствии, светом родной земли, духовно не выше публики, выведенной в «Царе Голоде» в картине «Суд над голодными», родственны с нею во взглядах на крестьянина» [1, с. 477].

Именно этими соображениями и руководствуется Клюев, приступая к оценке книг Блока. Как мы помним, Клюев, наделенный тонким эстетическим чутьем и острым социальным зрением, высоко ценил «Нечаянную Радость», уловив в ней новые для Блока тенденции. Он активно поддержал демократическую струю книги, связанную с сочувственным изображением людей «в сером армяке», которые пытаются сдвинуть с мели «барку жизни». Поддержал и зачатки революционных умонастроений, намечавшихся в таких стихотворениях, как «Сытые», «Шли на приступ», «Митинг», «Вися над городом всемирным» и др., хотя, быть может, они и были художественно слабее, декларативнее других произведений сборника. В этом письме Клюев снова возвращается к «Нечаянной Радости»: «До «Нечаянной Радости» я не читал лучшего, а потому и прельстился ею... «Нечаянная Радость» веет тихой мудростью, иногда грешной, и, видимо, присущей Вам острой страстью, умно прикрытой рыцарским обожанием «к прекрасной», кос-где сытым, комнатным благодушием, чаще городом, где идешь, и все мимолетно, где глухо и

преступно, где господином чувствует только богач, а несчастных, просящих хлеба, никому не жаль...» [1, с. 476-477].

Сложнее обстояло дело с оценкой третьего сборника стихов Блока «Земля в снегу» (1907), также присланного автором Клюеву. Конечно, и здесь мы находим сочувственно-уважительное отношение к стихотворениям, которые развивали тенденции, наметившиеся в предшествующей книге и душевно близкие ему («принимаю — старые мысли в них» [1, с. 478]). Это — «Осенняя любовь», «Русь», «Колдунья», «Мы встретились с тобою в храме», «В этот серый, летний вечер» и др. Однако чувствуется, что «Земля в снегу» понравилась Клюеву меньше. И главная причина тому, думается нам, — характер лирического героя. Многие стихотворения сборника (как, впрочем, и блоковские письма к Клюеву) носили исповедальный характер. Их лирический герой — «плоть от плоти» окружавшего его «наружного мира», отравленный его ядами и сознающий эту свою «греховность», осуждающий свой «неправедный» образ жизни. Такая двойственность Клюеву пришла не по душе, и он ее осуждает.

Во многих стихах сборника Клюеву почудилась «смертельная ложь» интеллигента. Лирический герой слишком сливается, по его мнению, с изображаемой в книге «богемной» жизнью, хотя она у Блока дается критически. Крестьянскому поэту далек и чужд сложный и противоречивый характер лирического героя. Суровая старообрядческая мораль Клюсва, пожалуй, особенно проявилась в оценке таких стихотворений, как «В Северном море» и «В дюнах»: «Многие стихи из Вашей книги похабны по существу, хотя наружно и прекрасны — сладкий яд в золотой, тонкой чеканки чаше, но кто вкусит от нее? Питье усохнет, золотой потир треснет, выветрится и станет прахом. Смело кричу Вам: не наполняйте чашу Духа своего трупным ядом самоуслаждения собственным я — я!» [1, с. 477]. Даже «Вольные мысли» (один из наиболее сильных разделов сборника) Клюеву не понравились. Он увидел в них «мысли барина-дачника, гуляющего, пьющего, стреляющего за девчонками «для разнообразия» и вообще «отдыхающего» на лоне природы. Никому это не нужно, кроме Чулкова, коему посвящены эти «Мысли» [1, с. 478]. Приговор весьма суровый!

Не понравились Клюеву и стихи Блока, стилизованные под фольклор (в частности, под лирические песни). Это было время, когда создание подобных произведений «в народном духе» становилось своеобразной модой (скажем, у С. Городецкого, у молодого А. Толстого и др.), и Клюев относился к ним ревниво и недоверчиво, ибо создавались они «господами». Стихи подобного рода из «Земли в снегу» он читал на деревенских посиделках («Песельник», «Гармонь, гармонь» и др.). Слушателям они показались «балаганными пришелькиваниями про Таньку и Ваньку» и были встречены «девками» со смехом. Они осмеяли строчки «лови туман косой», слово «лютики» показалось им «будто с того света» свалившимся, «уродливым, смешным, будто барыня в буялях», попавшая в девичий хоровод, и т. д. [1, с. 478].

Но, может быть, самое примечательное — это то, что Блок не обиделся на столь нелестную оценку «Земли в снегу». Он понимал, что «пропасть» между интеллигенцией и народом образовалась исторически и что она еще более углубилась после первой русской революции, когда значительная

часть интеллигенции, напуганная кровавыми ее результатами с обеих сторон, отшатнулась от нее и стала утрачивать свое «народолюбие». Он считал, что и сам принадлежит к интеллигенции: «Я сам — интеллигент» [4; т. 5, с. 327]; — заявлял Блок в статье «Народ и интеллигенция» (1908). Поэтому клюевскую критику интеллигенции он «проецировал» и на себя. А когда Клюев осуждал те или иные его личные качества, Блок понимал, что это также и «грехи» всей интеллигенции.

2 ноября 1908 г. Блок сообщает матери: «Всего важнее для меня то, что Клюев написал мне длинное письмо о «Земле в снегу», где упрекает меня в интеллигентской порнографии (не за всю книгу, конечно, но, например, за «Вольные мысли»). И я поверили ему в том, что даже я, ненавистник порнографии, подпал под ее влияние, будучи интеллигентом. Может быть, это и хорошо даже, но еще лучше, что указывает мне на это именно Клюев. Другому бы я не поверил так, как ему. Письмо его вообще опять настолько важно, что я, кажется, опубликую его» [4, т. 8, с. 258]. 5-6 ноября 1908 г. он снова пишет матери: «Клюев мне совсем не только про последнюю «Вольную мысль» пишет, а про все... и еще про многое. И не то, что о «порнографии» именно, а о более сложном чём-то, что я, в конце концов, в себе еще люблю. Не то, что я считаю ценным, а просто это какая-то часть меня самого. Веря ему, я верю и себе» [4, т. 8, с. 258]. И далее — все тот же неизменный и пугающий его самого вывод («не только на основании Клюева, но и многих других мыслей»): «Между «интеллигенцией» и «народом» есть «недоступная черта». Для нас, вероятно, самое ценное в них враждебно, то же — для них. Это — та же пропасть, что между культурой и природой, что ли. Чем ближе человек к народу (Менделеев, Горький, Толстой), тем яростней он ненавидит интеллигенцию» [4, т. 8, с. 258-259].

Блоковские письма к Клюеву носили очень откровенный и самокритичный характер. Это были годы, когда Блок все дальше отходит от декадентства и мистицизма, пересматривает свою эстетическую платформу. Движение это было непростым, трудным, подчас мучительным, не обходилось без ошибок, зигзагов, «срывов». Клюев, к сожалению, не всегда учитывал всю сложность душевного самочувствия и специфичность кризисного состояния поэта-символиста. Некоторые его суждения и рекомендации носили подчас рассудочно-назидательный характер там, где, по-видимому, нужны были чуткость, деликатность, бережность. Впрочем, Клюев и сам это довольно быстро начинает осознавать. В следующем письме (ноябрь-декабрь 1909 г.) он, словно спохватившись, извиняется за резкость недавнего письма: «Простите, Бога ради, Александр Александрович, за мое письмо. Быть может, я холодно отнесся к тому, что требует теплоты, благоговения, проникновенного внимания. Простите меня, не омрачайте своих образов моей грубоостью, ибо Вы истинны в «своей правде», без которой Вы не художник, и только теперь я так сильно почувствовал это» [1, с. 479-480].

Извинения извинениями, но Блок заподозрил, что Клюев «имеет что-то» против него за его «западничество», приверженность к мировой культуре и к городу. В апрельском письме за 1909 г. Клюеву даже пришлось объясняться, что он отнюдь не против культуры и цивилизации, а против милитаризации («усовершенствования пулесмешков») и американизации русской жизни, т. е.

против «всего, что отнимает от человека все человеческое» [1, с. 488]. Он даже готов прекратить переписку с Блоком: «Дорогой Александр Александрович, буде Вам тяжело валиндаться со мной, то Вы напишите мне об этом и простите меня. Не омрачайте Духа своего моей серостью» [1, с. 489].

10 писем за 1909 г. предельно лаконичны и деловиты. Клюев посыпает Блоку свои стихотворения с просьбой где-нибудь их «пристроить», побеспокоиться, чтобы ему выслали деньги за опубликованные произведения, выслать ему книжные новинки: «Так жадно хочется читать, но чтения взять негде» [1, с. 490]. Блок отправляет ему «Вопросы жизни» (№ 4-5), несколько выпусков «Шиповника», позднее — «Антологию современной поэзии» и др. Однако переписка между ними заметно слабеет. Клюева охватывает беспокойство из-за частого и длительного молчания Блока. 4 сентября 1909 г. он пишет: «Всегда Ваше долгое молчание почему-то мне кажется зловещим, и так тяжело становится и даже одиноко на душе, что со мной очень редко бывает. Не забывайте меня» [1, с. 492]. 29 декабря 1909 г. Клюев снова пишет с тревогой: «Четвертый месяц от Вас не слыхать ничего, верно, Вы меня совсем забыли, но страшно не хочется верить в это. Не допускается мысль, что это разрыв духовный меж нами. Так хорошо бывает на душе от Вас, и этого жалко — смертно» [1, с. 493]. Духовного разрыва, конечно, не было, но какая-то трещина в их отношениях появилась.

11 января 1910 г. Блок пишет Клюеву письмо, которое тому показалось «резким». Нам неизвестно его содержание. Известно лишь то, что оно по-прежнему было написано в духе «кающеся дворянина». Блок просил Клюева хорошенько «выругать» его, от чего Клюев на словах, понятно, отказался, а на деле продолжал свою критику блоковской платформы. В письме от 22 января 1910 г. из Вытегры он замечал: «Если бы Вы не упоминали почти в каждом письме про свое барство, то оно не чувствовалось бы мною вовсе» [1, с. 493-494]. А блоковские слова «Я барин — Вы крестьянин» показались ему «новой ложью». Поэтому он просит Блока больше «не каяться» в письмах к нему: «Не вскрывайте себе внутренностей, не кайтесь мне, не вспугивайте то малое, нежное, что сложилось во мне об Вас. Говорить про это много нельзя, иначе истратишь слова, не сказав ничего. Понимаю, что наружная жизнь Ваша несправедлива, но не презираю, а скорее жалею Вас» [1, с. 495]. Правда, потом Клюев оговаривается: «Никогда не было в моих помыслах указывать Вам пути, и очень прошу Вас не считать меня способным на какое-либо указание». И — подпись: «Без презрения любящий Вас Клюев» [1, с. 495].

5 ноября 1910 г. Клюев сообщает Блоку: «Статью Вашу о современном состоянии русского символизма прочел («Аполлон», 1910, № 8 — А. М.), но по темноте своей много не уразумел, не понял отдельных, неизвестных мне слов» [1, с. 499]. Он, конечно, как и всегда, «прибедняется», ибо прекрасно уловил главный смысл блоковского трактата: «В области русского художественного слова что-то, действительно, не ладно» [1, с. 499]. Клюев, как видно из письма, не приемлет богоискательства Мережковского и Гиппиус, словесной сути Религиозно-Философского Общества, «теургической» концепции слияния искусства и религии у Белого и Вяч. Иванова, эстетизма декадентов, «дурацкой болтовни о таких вещах, как Бог, Мировая душа, Красота и

Любовь». И как вывод — обвинения в отрыве от животрепещущих задач современности: «Творчество художников-декадентов, без сомнения, принесло миру более вреда, чем пользы. Самая дурная сторона их — совершенная разрозненность с действительной жизнью, искажение правды жизни по произволу» [1, с. 500]. В письме получает дальнейшее развитие и обогащение ставшая уже традиционной в их переписке тема интеллигенции и народа. На первый план выдвигается проблема религиозных исканий интеллигенции (в частности, богоискателей с их «новым религиозным сознанием») и народной религии с ее «мужицким» Христом-пахарем (уже вскоре Клюев придет к «голгофским христианам» и в 1911–1912 гг. станет выступать в их журналах «Новая Земля» и «Новое вино»). Клюев, судя по письму, начинает все яснее осознавать, что символизм оказывается в состоянии кризиса и начинает клониться к закату.

Личное знакомство Клюева и Блока происходит через четыре года после начала их переписки — 26 сентября 1911 г. Казалось бы, внутренне — психологически и духовно — Блок был уже подготовлен к встрече с Клюевым. Однако очень уж разными они были — и по происхождению, и по мировоззрению, и по образованию, и по уровню культуры, и по литературному опыту, и по эстетическом пристрастиям... Поэтому отыскать общий язык им поначалу было не так-то просто. «Входит — без лица, без голоса — не то старик, не то средних лет (а ему — 23?). Сначала тяжело, нудно, я сбит с толку, говорю лишнее, часами трещит мой голос, устаю, он строго испытует или молчит» [4, т. 7, с. 70], — записывает Блок 17 октября 1911 г. Вторая встреча происходит уже по-другому: «Только в следующий раз Клюев один, часы нудно, я измучен, — и вдруг бесконечный отдых, его нежность, его «благословение», рассказы о том, что меня поют в Олонецкой губернии, и как (понимаю я) из «Нечаянной Радости» те, благословляющие меня, сами не принимают ничего полуискаженного, ничего грешного. Я-то не имел права (веры) сказать, что сказал (в «Нечаянной Радости»), а они позволили мне: говори. И так ясно и просто в первый раз в жизни» [4, т. 7, с. 70–71]. В ноябре 1911 г. Клюев снова возвращается в свою Олонию.

Трудно сказать, действительно ли «пели» что-то раскольники в Олонецкой губернии из блоковской «Нечаянной Радости». Не «присочинил» ли здесь что-то Клюев (с ним это бывало нередко)? Но, как бы там ни было, это сообщение не просто заинтересовало, но и взволновало Блока. Тогда-то, 10 октября 1911 г., он и записывает в дневнике: «Клюев — большое событие в моей осенней жизни» [4, т. 7, с. 70]. А через страницу, рассказывая о своих разногласиях с Мережковским, Гиппиус, Вяч. Ивановым, Чулковым, Аничковым, Блок замечает: «Злиться я не имею права, потому что слышал кое-что от Клюева, потому что обеспечен деньгами и могу не льстить, и потому, что сам нисколько не лучше тех, о ком пишу» [4, т. 7, с. 72–73].

1911 год вообще был тяжелым в жизни Блока. Дневниковые записи убедительно об этом свидетельствуют. 17 октября 1911 г.: «Происходит окончательное разложение литературной среды в Петербурге. Уже смердит» [4, т. 7, с. 72]. 17 декабря 1911 г.: «Писал Клюеву: «Моя жизнь во многом темна и запутана, но я не падаю духом» [4, т. 7, с. 103]. 18 декабря 1911 г.: «Такой горечью и полынью пропитана русская жизнь» [4, т. 7, с. 103].

Личные встречи Клюева и Блока многое прояснили в их взаимоотношениях. Они лучше стали понимать друг друга. Прояснилась их психологическая и мировоззренческая «несовместимость». «Даже Ваш прощальный поцелуй был (если не из физиологического отвращения) половинчат и не унесен мною в мир. Ясно, что такие люди, как я, для Вас могут быть лишь материалом, натурой для Ваших литературных операций, но ни в коем случае не могут быть близкими, братьями... Вещи, которые меня волнуют настолько, что под тяжкой улыбкой приходится скрывать слезы, Вами встречены даже с иронией, с полным недоверием» [1, с. 503], — пишет Клюев спустя два месяца (в конце ноября 1911 г.).

Из всех писем 1911 г. именно это письмо представляет наибольший интерес, ибо ставит все точки над «и». Написано оно 30 ноября 1911 г. и имеет принципиальное значение для понимания эволюции взаимоотношений двух поэтов. Перед нами, по сути дела, письмо-обвинение.

И начинается этот «обвинительный акт» со следующего утверждения: «Я воочию убедился, что Вы спите... И кажется Вам, что все еще ночь в мире и еще далеко до того, когда наступит день, и что два необъятных привидения, Убийство и Чувственность, бродят по всей земле и называют ее своею» [1, с. 508]. Это Блок-то 1911 г. — во сне? Автор таких стихотворений года, как «О, как смеялись вы над нами», «Да, так диктует вдохновенье», «Унижение» и др.? Это в 1911 г. Блок создает начальный вариант стихотворения «Земное сердце стынет вновь», в котором мы находим программное заявление поэта: «Пускай зовут: Забудь, поэт! Вернись в красивые уюты! Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой! Уюта — нет. Покоя — нет» [4, т. 3, с. 95].

Второе «обвинение» Клюева — в половинчатости блоковской платформы — имело, во всяком случае, больше оснований: «Я знаю, что Вам опять это письмо покажется неверным, опять заговорите Вы в Лермонтовском «и скучно, и грустно», но мне теперь видно Ваше действительно роковое положение, так как одной ногой Вы стоите в Париже, другой же «на диком береге Иртыша». Отсюда то тяжелое и нудное, что гнело нас при встрече и беседе друг с другом» [1, с. 508-509]. Примечательно, что и сама-то встреча эта запечатлелась в памяти Клюева преимущественно как его «сплошная борьба с иноземцами» Блока [1, с. 510].

Клюев возлагает на себя «спасительную» миссию, а на свои письма к Блоку смотрит как на путь указывающий огонь: «Тщетно я подбрасываю сучьев в свой одинокий лесной костер, чтобы огонек его стал виден Вам в пустыне Вашей ночи и чтоб почувствовали Вы, что он приводит на грудь брата. Все мои письма и слова к Вам есть раздувание этого костра» [1, с. 508]. О каком иноскательственном «костре» идет здесь речь?

Дело в том, что к этому времени Клюев примкнул к «голгофским христианам» и регулярно выступал в их журналах. Ему хотелось, чтобы и Блок встал на этот путь, порвал со своим окружением, ушел к сектантам, стал сотрудничать в «голгофских» органах печати. Клюев заявлял, что, если Блок не пойдет по этой дороге, ему грозит «опасность» превратиться из Ивана Царевича в Идолище поганое. И, как истый «голгофец», он высказывает пожелание, чтобы Блоку открылась не только тайна Красоты, но и тайна Страдания: «отважьтесь идти вперед!» И только тогда «красный звон сосен

возвестит Миру — народу о новом, так мучительно жданном брате, об обречении раба Божия Александра, — рабе Божией России» [1, с. 510].

Письмо это Блок получил вместе с первым сборником Клюевских стихов «Сосен перезвон» (он вышел в ноябре 1911 г.). Еще летом 1911 г., готовя его к печати, Клюев советовался с Блоком, издавать ли его («мне почему-то тревожно»). Одновременно он испрашивал у Блока разрешения посвятить книгу ему (книга выйдет с посвящением: «Александру Блоку — Нечаянной Радости»). Наконец, Клюев просил Блока написать «хотя бы маленько предисловие» [1, с. 507]. Книга, однако, выйдет с предисловием Брюсова, так как Блок на все лето отправился в заграничную поездку. Позднее Блок откажется и написать рецензию на сборник, хотя его просили об этом. На появление его откликнулись С. Городецкий («Речь», 5 декабря 1911 г.), Н. Гумилев («Аполлон», 1912, № 1), И. Брихничев («Новая Земля», 1912, № 1-2) и др.

Письмо Клюева не могло не взволновать Блока, ибо оно затрагивало самые болезненные струны его души. Многое показалось ему здесь верным и справедливым. 5 декабря 1911 г. он фиксирует в дневнике: «Письмо и книга Клюева» [4, т. 7, с. 100]. 6 декабря Блок записывает: «Я над Клюевским письмом. Знаю все, что надо делать: отдать деньги, покаяться, раздарить смокинги, даже книги. Но не могу, не хочу» [4, т. 7, с. 101]. 9 декабря: «Послание Клюева все эти дни — поет в душе. Нет, рано еще уходить из этого прекрасного и страшного мира» [4, т. 7, с. 101]. Блок снимает с клюевского письма копии и рассыпает его родным и знакомым: матери, Городецкому и др. 23 декабря от читает письмо в салоне Мережковских: «Все его брали на чем свет стоит» [4, т. 7, с. 105].

Однако уже вскоре приходит своеобразное «отрезвление». Известную роль сыграли здесь также родные и близкие, особенно М. П. Иванова, сестра его ближайшего друга Евгения Иванова. 20 декабря 1911 г. обеспокоенная мать Блока отправляет ей клюевское письмо: «Вот Вам письмо. Клюев нынче осенью провел с Сашей несколько дней. Сидел по ночам. Я думаю, Вы поймете всю важность этого КРЕЩЕНИЯ. Саша принял письмо очень серьезно. Но томится» [4, т. 8, с. 441].

В ответном письме матери Блока М. Иванова дает весьма критическую и по-своему проницательную оценку клюевскому посланию. 20 декабря 1911 г. она сообщает, что отнеслась к этому письму «отрицательно»: «Видно, что он любит А-дра А., но очень уж много берет на себя, предъявляя такие обвинения, угрозы, чуть ли не заклинания». Самым категорическим образом протестует она против призыва Клюева «отдать все и идти за ним»: «Куда он зовет?... Но это ведь даже не Россия, а его дикий бор только, неужели истина только там?» С осуждением пишет Иванова о «горделивой уверенности в своей правоте Клюева»: «Удивляюсь, что Клюев, только написав А. А. разные обвинения и не зная даже, как их примет А. А., через несколько строчек дарует ему прощение; нет, не нравится мне это... У Клюева очень много гордости и самоуверенности. Я этого не люблю». Она высказывает твердую уверенность, что Блок с помощью Спасителя сам отыщет «истинный путь к спасению себя и других, потому что А. А. понимает не только красоту, но и страдание» [4, т. 8, с. 106-107].

Блок придавал письму Ивановой настолько важное значение, что почти полностью переписал его в дневник. А пометки, которые он сделал на тексте ее письма, убеждают нас, что со многим в этом письме он согласен. 23 декабря 1911 г. Блок признается в дневнике: «Итак — сегодня: полное разногласие в чувствах России, востока, Клюева, свяности» [4, т. 7, с. 106]. День спустя, 24 декабря 1911 г., — еще одна запись: «Сомневаюсь о Мережковских, Клюеве, обо всем. Устал» [4, т. 7, с. 108]. Блок не скрывает чувства «разброда» и растерянности в своих мыслях и настроениях. Но ясно одно: прежнего безоглядного доверия к Клюеву уже нет. Отношение Блока к нему остается уважительным и доброжелательным, но более сдержаным и осторожным. Переписка же начинает постепенно угасать.

Готовя к изданию вторую книгу своих стихов («Братские песни»), Клюев в конце февраля — начале марта 1912 г. советуется с Блоком: «Не повредит ли мне книжка с такими песнями с художественной стороны?... Без Вашего же слова я не смею ни соглашаться, ни отказывать» [1, с. 514]. Блок не только поддержал клюевский замысел, но написал об этом Брихничеву (книгу собирались издавать «голгофские христиане»). После выхода «Братских песен» Брихничев обращается к Блоку с просьбой написать на нее рецензию для первого номера готовящегося к выходу журнала «Новое вино». В ответном письме от 26 августа 1912 г. Блок отказывается от этого предложения по принципиальным соображениям: «Я не враг Вам, но и не Ваш» [4, т. 8, с. 400]. Блок видел, что стихи сборника носят сугубо сектантский характер. Свой отказ он мотивировал тем, что каждый человек отгорожен от другого непроницаемой стеной и делает «свое одинокое дело», не зная, что думают другие люди: «Вы, Клюев, я, кто-нибудь четвертый с Вами, из Архангельска, с Волыни — все равно, — все разделены, все говорят на разных языках, хотя, может быть, иногда понимают друг друга. Все живут по-своему» [4, т. 8, с. 401]. И еще: «Говорю к тому, чтобы показать, почему, любя Клюева, не нахожу ни пафоса, ни слова, которые передали бы третьему (читателю) нечто от этой моей любви, притом передали бы так, чтобы делали единым и единым Клюева, и меня. Все остаемся разными» [4, т. 8, с. 401].

Жизненные и творческие пути Клюева и Блока еще не раз будут пересекаться (особенно в 1917-1918 гг.), но это уже — предмет специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Александр Блок. Новые материалы и исследования // Литературное наследство. М., 1987. Т. 92. Кн. 4.
2. Клюев Н. Стихотворения и поэмы. Архангельск, 1986.
3. Север. 1978. № 9; затем — в виде главы под этим же названием в кн.: Базанов В. Г. С родного берега. О поэзии Николая Клюева. Л., 1990. С. 31-83. Далее цитируется по изданию 1990 г.
4. Блок А. Собрание сочинений. В 8 томах. М.; Л., 1962.
5. Север. 1967. № 3.

**Список основных научных трудов
профессора кафедры русского языка ВГПУ
Ю. И. Чайкиной**

1. Некоторые наблюдения над горной производственной терминологией русского языка XIX — начала XX вв. // УЗ Таганрогского пединститута. Таганрог, 1956.
2. К вопросу о познавательности и документальности произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка // Тезисы докладов VI научно-теоретической конференции. Таганрог, 1962.
3. К вопросу о влиянии общесарайного языка на лексику местных говоров: на материале говора с. Дмитриевское Вологодской области // Труды Таганрогского пединститута. Т. 8. РГУ, 1962. С. 38 — 54.
4. К вопросу о лексических соответствиях в русских народных говорах // Доклады VII научно-теоретической конференции Таганрогского пединститута. Серия филологических наук. Таганрог, 1963. С. 148 — 160.
5. О параллельных синонимических рядах в лексической системе говора // Доклады VIII научно-теоретической конференции Таганрогского пединститута (секция филологических наук). Таганрог, 1966. Вып. 2. С. 24 — 30.
6. Эмоционально-оценочная лексика со значением лица в череповецких говорах // Тезисы докладов к 8-й научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения. Л., 1966. С. 117 — 119.
7. Эмоционально-оценочная лексика со вторичным значением в череповецких говорах // Вопросы теории и методики русского языка // УЗ Вологодского пединститута. Т. 33. Вып. 2. Вологда, 1967. С. 156 — 168.
8. Прозвища в современных белозерских и вологодских говорах как отражение семантических процессов древнерусского языка XV — XVII вв. // Тезисы докладов к IX научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения. Л., 1967. С. 82 — 84.
9. Слово *дор* в белозерских говорах // Программа и краткое содержание докладов к X научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения. Л., 1968. С. 85 — 87.
10. О развитии лексики белозерских говоров в XV — XVII вв. // Очерки по русскому языку: УЗ Калининского пединститута, Т. 66. Ч.1. Калинин, 1969. С. 94 — 113.
11. О традиционных прозвищах в Белозерье // НДВШ ж. «Филологические науки», 1969. № 3. С. 104 — 109.
12. К вопросу о влиянии старых феодальных границ на топонимику западной части Вологодской области // Юбилейная научно-методическая конференция Северо-Западного зонального объединения. Л., 1969. С. 230 — 233.
13. Из истории слов *починок* и *хутор* // Очерки по русскому языку и истории его развития: УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 370. Л., 1969. С. 169 — 186.

14. Из рукописей Череповецкого краеведческого музея: Налоговые отписки Шухтовской церкви XVII — первой половины XVIII вв. // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970. С. 154 — 157.
15. Из наблюдений над формированием метрологической лексики Белозерья // XII научно-методическая конференция Северо-Западного зонального объединения. Л., 1970. С. 96 — 98.
16. Межвузовская конференция по изучению говоров Севера и Северо-Запада // НДВШ ж. «Филологические науки». 1971. № 1. С. 103 — 105.
17. Рукописные материалы Белозерья XV — XVIII вв. в Череповецком краеведческом музее // Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971. С. 216 — 222 (в соавторстве с К. К. Морозовым).
18. Четверики, стяги, осьмины, рогожи // Техника молодежи. 1971. № 8.
19. Еще раз о слове кулига // Этимология. 1968. М., 1971. С. 176 — 185.
20. Мера // Русская речь. № 2. С. 112 — 114.
21. История слова раменье в белозерских говорах XV — XVII вв. // Слово в лексико-семантической системе языка. Л., 1972. С. 139 — 140.
22. Из истории лексики Белозерья (по данным лексических карт) // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. Тезисы докладов. М., 1972. С. 32 — 35.
23. Из истории формирования административной терминологии Белозерья (по материалам деловой письменности XV — XVII вв.) // Актуальные проблемы исторической лексикологии восточнославянских языков. Днепропетровск. 1975. С. 55 — 56.
24. К этимологии и истории слова стяг // Севернорусские говоры. ЛГУ. Вып. 2. 1975. С. 97 — 103.
25. Очерки по лексике севернорусских говоров // Вопросы истории лексики Белозерья. Вологда, 1975. С. 3 — 187.
26. Из истории диалектных границ в связи с заселением Северной Руси // ВЯ. 1976. № 2 (1,0 п.л.).
27. История административной терминологии Белозерья // Лексика севернорусских говоров. Вологда. 1976. С. 3 — 55.
28. Метрологическая лексика в белозерских деловых документах XVI — XVII вв. // Вопросы русской диалектологии. Л., 1976. С. 3 — 15.
29. Из истории административной терминологии: слова с общим значением «усадьба феодала» // Русская историческая лексикология и лексикография. ЛГУ, 1977. С. 133 — 141.
30. О субстратных топонимах с формантами -гумъ в Белозерье // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977 (0,75 п.л.).
31. Деловая письменность Вологодского края XVII — XVIII вв. Вологда, 1979 (5,0 п.л.). (В соавторстве с А. П. Лариновой и Г. В. Судаковым).
32. Из истории русской метрологии: Штучные единицы измерения железа в белозерской письменности XVI — XVII вв. // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979. С. 77 — 83.
33. Лексика подсечно-огневого земледелия в деловой письменности Устюжского у. XVI — XVII вв. // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980. С. 83 — 94.

34. Материалы по топонимии Вологодской области на внеклассных занятиях по русскому языку // Актуальные вопросы преподавания русского языка. Вологда, 1981 (0,5 п. л.).
35. Совершенствование преподавания современного русского литературного языка в пединститутах РСФСР // РЯШ. 1982. № 6. (в соавторстве с С. Г. Ильенко).
36. Из истории формирования микротопонимии Сухоны // Топонимия Северо-Запада СССР и проблемы ее изучения. Череповец, 1982 (0,2 п. л.).
37. Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982 (0,75 п.л.).
38. Названия работника в хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря XVI — XVII вв. // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982 (1,0 п.л.).
39. К интерпретации гидронимии Сухоны // Методы топонимического исследования. Свердловск, 1983. С. 89 — 97.
40. К истории становления производственной терминологии в русском литературном языке XVII — XVIII вв. // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка. Вологда. 1983 (0,2 п.л.).
41. Об изучении лексики вологодских говоров методом картографирования // Лингвоэтнография. Л., 1983 (1,0 п.л.). (В соавторстве с Л. Ю. Зориной и Т. В. Парменовой).
42. Названия лиц, занятых в сельском хозяйстве в монастырских книгах XVI — XVII вв. // Русская историческая лексикология и лексикография. ЛГУ, 1983 (1,0 п.л.).
43. Г е р д А. С. Формирование терминологической структуры русского биологического текста // НДВІШ ж. «Филологические науки». 1983. № 2.
44. Проблемы славянской тапаниї // Весці Акадэміі наукуў БССР (серыя грамадскіх наукуў). № 6. Минск, 1984. С. 119 — 120.
45. Названия лиц по ремеслу и занятиям в деловой письменности русского Севера XVI — XVII вв. // Севернорусские говоры. Вып. 4. ЛГУ, 1984. С. 65 — 75.
46. История профессионально-должностных фамилий Вологды // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984 (1,0 п.л.).
47. К изучению словарного состава хозяйственных книг Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей XVI — XVII вв. // Проблемы исторической и диалектной лексикологии. Калинин, 1984 (0,75 п.л.).
48. О диалектном членении старорусского языка по данным антропонимии // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка. Ужгород, 1984 (0,2 п.л.).
49. Семантика гидрографических терминов в связи с процессом онимизации // Вопросы русской ономастики. Вологда, 1985. С. 23 — 29.
50. Лингвистическое краеведение в школах Вологодской области. Вологда, 1985 (5,0 п.л.) (в соавторстве с Л. Ю. Зориной и Р. Ф. Богачевой).
51. Об одном рукописном источнике по истории лексики русского языка: Выпись из земельных книг Утмановской волости 1688 г. // Лексика и грамматика севернорусских говоров. Киров, 1986. С. 102 — 110.

52. Памятники деловой письменности русского Севера XVII — XVIII вв. Вологда, 1986 (1,0 п.л.).

53. Принципы составления и структура словаря географических названий Вологодской области // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986. С. 113 — 119.

54. К истории становления производственно-технической терминологии в русском литературном языке XVII — XVIII вв.: Названия предприятий // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 236 — 248.

55. География словообразовательных топонимических моделей русского Севера: На материале ойконимии Вологодской области // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. Вологда, 1987. С. 66 — 85.

56. К географии неофициальных личных имен крестьян в старорусском языке: На материале топонимии Вологодской области // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987. С. 70 — 78.

57. Письменно-деловая и обиходно-разговорная речь старорусского города // Всесоюзная конференция «Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры». Л., 1988. С. 124 — 125.

58. Семантический аспект реконструкции лексики старорусского языка (на материале антропонимии) // Историческое развитие языков и методы его изучения. Свердловск, 1988. Ч. 1. С. 27.

59. Из опыта реконструкции региональной лексики старорусского языка // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии русского языка. Вологда, 1988. С. 154 — 156.

60. Реконструкция региональной лексики старорусского языка // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. Днепропетровск, 1988. С. 28 — 29.

61. Заметки о путях формирования микротопонимии в донациональный период // Русская историческая лексикология и лексикография. Л.: ЛГУ, 1988. Вып. 4. С. 44 — 52.

62. Географические названия Вологодской области. Топонимический словарь. Вологда, 1988 (10,0 п.л.).

63. История вологодских фамилий. Опыт регионального словаря фамилий. Вологда, 1989 (4,0 п.л.).

64. Писцовые и переписные книги северорусских городов второй половины XVII — начала XVIII вв. как историко-ономастический источник // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР: Тезисы выступлений на республиканской научной конференции. Ч. 2. Вологда, 1989. С. 56 — 58.

65. Опыт исторического регионального словаря фамилий // Этимология 1986 — 1987. М., 1989. С. 200 — 212.

66. Административно-территориальная лексика и микротопонимия старорусского города // Северорусские говоры. Вып. 5. Л., 1989. С. 102 — 115.

67. Формы именования женщин в деловой письменности северо-восточных уездов Русского государства XVIII в. // Теоретична та історична ономастика: Шоста республіканська ономастична конференція. Ч. I. Одесса, 1990.

68. Об элементах архаики в семантике некоторых географических терминов: На материале деловой письменности Московской Руси конца XIV — первой половины XV в. // Проблемы истории индоевропейских языков (Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции). Ч. I. Тверь, 1991. С. 64 — 65.

69. Проблемы реконструкции лексики старорусского языка на местном ономастическом материале письменных источников XVI — XVII вв. // История русского слова: Проблемы номинации и семантики. Вологда, 1991. С. 40 — 54.

70. Русская ономастика в системе вузовского преподавания как один из факторов углубления процесса гуманизации обучения // Гуманизация идеалов и ценностей в профессиональной подготовке учителя. Сб. тезисов. Вологда, 1992.

71. Семантическая деривация и причины архаизации и выпадения прямого значения слов: На материале диалектных экспрессивов // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993.

72. Словарь географических названий Вологодской области: Населенные пункты. Издание второе, дополненное. Вологда, 1993 (13,5 п.л.).

73. Женские имена // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994. С. 66 — 74.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АОС — Архангельский областной словарь. Т. I—V. М., 1980.
Даль — Да ль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955.
МАС — Словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1981 — 1984.
ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными: Вып. I—X. Л., СПб., 1967 — 1994.
СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. I—VI. Вологда, 1983 — 1993.
СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. I. СПб., 1994.
СНГТ — М у р а з е в Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. I—XXVII. М.; Л., СЛБ., 1965 — 1992.
СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1—18. М., 1975.
СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Т. 1—7. Л., 1984 — 1992.
Сл. церк.-сл. — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. АН. Изд. II. I—IV. СПб., 1867 — 1868.
ССРЛЯ — Словари современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1948 — 1965.
Срезн. — С р е з н е в с к и й И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1983 — 1903.
Фасм. — Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964 — 1973; М., 1986 — 1987.
ЭССЯ — этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. I—XVII. М., 1974 — 1992.
ЯОС — Ярославский областной словарь. Вып. I—Х. Ярославль, 1981 — 1991.
ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей.
ГААО — Государственный архив Архангельской области.
ГАВО — Государственный архив Вологодской области.
КАОС — Картотека Архангельского областного словаря.

- КДРС — Картотека Словаря русского языка XI-XVII вв.
- КСВГ — Картотека словаря вологодских говоров.
- КСПЛ — Картотека словаря промысловой лексики Северной Руси XVI—XVII вв.
- КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии.
- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров.
- ЛОИИ — Архив Ленинградского (Петербургского) отделения Института отечественной истории РАН.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

СОДЕРЖАНИЕ

Судаков Г. В., Андреева Е. П. (Вологда) На службе русскому слову 5

I. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ. ОНОМАСТИКА

Астахина Л. Ю. (Москва) Из истории публикаций русских рукописей.	10
Баландина А. А. (Вологда) Наименования икон по изображению в памятниках деловой письменности XVI-XVIII вв.	18
Варникова Е. Н. (Ярославль) Отражение терминов подсечно-огневого земледелия в микротопонимии Среднего Посуходья.	24
Волынская А. В. (Архангельск) Самоназвания хозяйственных книг северорусских монастырей XV-XVII вв.	31
Герд А. С. О специфике семантического развития малых терминологических групп.	42
Добродомов И. Г. (Москва) Ни в зуб (толкнуть / ногой).	49
Камкин А. В. (Вологда) Северорусские микротерритории в XVIII веке: из опыта самоорганизации народной жизни в «эпоху абсолютизма».	56
Кознева Л. М. (Вологда) Собирательные числовые имена в деловых северорусских текстах XVI-XVII вв.	61
Кругликова Л. Е. (Санкт-Петербург) Влияние социальной истории на формирование лексико-фразеологической группы качественных наименований лица.	68
Кюршунова И. А. (Петрозаводск) О степени надежности реконструкции лексики по данным ономастики.	75
Матвеев А. К. Костромское Андoba (к морянской этимологии).	81
Новоселова О. И. (Вологда) Из истории метрологической лексики Подвина (единицы измерения железа в памятниках деловой письменности XVI-XVII вв.).	86
Полякова Е. Н. (Пермь) Лексика говорения в пермских прозвищах конца XVI — начала XVIII века	93
Савельева Л. В. (Петрозаводск) Противоречие синтаксического и актуального членения как условие структурных изменений древнерусских паратаксических сочетаний.	98
Смольников С. Н. (Вологда) Антропонимы с формантами -ица в деловой письменности Верхнего Подвина конца XVI — первой половины XVII в.	104
Строгова В. П. (Новгород) Древние топонимы окрестностей Великого Новгорода.	111
Судаков Г. В. (Вологда) Языковая ситуация в Московской Руси XVI-XVII вв.	114

II. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Блинова О. И. (Томск) Принципы отбора и способы семантизации образных языковых единиц в диалектном словаре.	123
Паникаровская Т. Г. (Вологда) Словарь вологодских говоров как один из дифференциальных диалектных словарей.	129
Чайкина Ю. И. (Вологда) Цели, состав и структура «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.»	134
Козырев В. А., Черняк В. Д. Словарь брянских говоров и его информативный потенциал.	140

III. ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА И ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ

Бахвалова Т. В. (Орел) Слова ляда, лядина в орловских говорах.	146
Зорина Л. Ю. (Вологда) К лингвогеографическому изучению лексики вологодских говоров.	149
Мораховская О. Н. (Москва) О некоторых названиях чердака в русских народных говорах.	153
Тихомирова Н. П. (Череповец) Гидрографическая лексика в белозерских говорах.	158
Шаброва Е. Н. (Вологда) Структурные типы основ непроизводных глаголов в вологодских говорах.	165
Черепанова О. А. (Санкт-Петербург) Общенародные и региональные формулы народного этикета: комплиментарные обращения.	169

IV. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Бабичева Ю. В. (Вологда) О «Колымских тетрадях» Варлама Шаламова.	177
Вавилова М. А. (Вологда) Опыт изучения фольклорного архива (Сказочная коллекция М. Б. Едемского).	184
Микешин А. М. (Вологда) «Клюев — большое событие в моей осенней жизни» (из переписки Клюева с Блоком).	193
Список основных научных трудов профессора кафедры русского языка ВГПУ Ю. И. Чайкиной.	204
Список сокращений.	208

ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ОНОМАСТИКИ
Межвузовский сборник научных трудов,
посвященный семидесятилетию профессора Ю. И. Чайкиной

Редакционная подготовка — Т. И. Ковалева, Ю. С. Кудрявцева
Компьютерный набор — Г. В. Степанова, Л. Р. Щеголюхина
Оригинал-макет — С. В. Кудрявцев

ЛР №020040 от 18. 09. 91. Подписано к печати 9. 06. 95. Формат 60x84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 13,25. Усл. печ. л. 12,3.
Заказ № 54 Тираж 300 экз. Цена договорная.

160600, г. Вологда, ул. С. Орлова, ВГПУ, издательство «Русь»
Отпечатано в литографии Северного лесоустроительного предприятия
160014, г. Вологда, ул. Некрасова, 51.